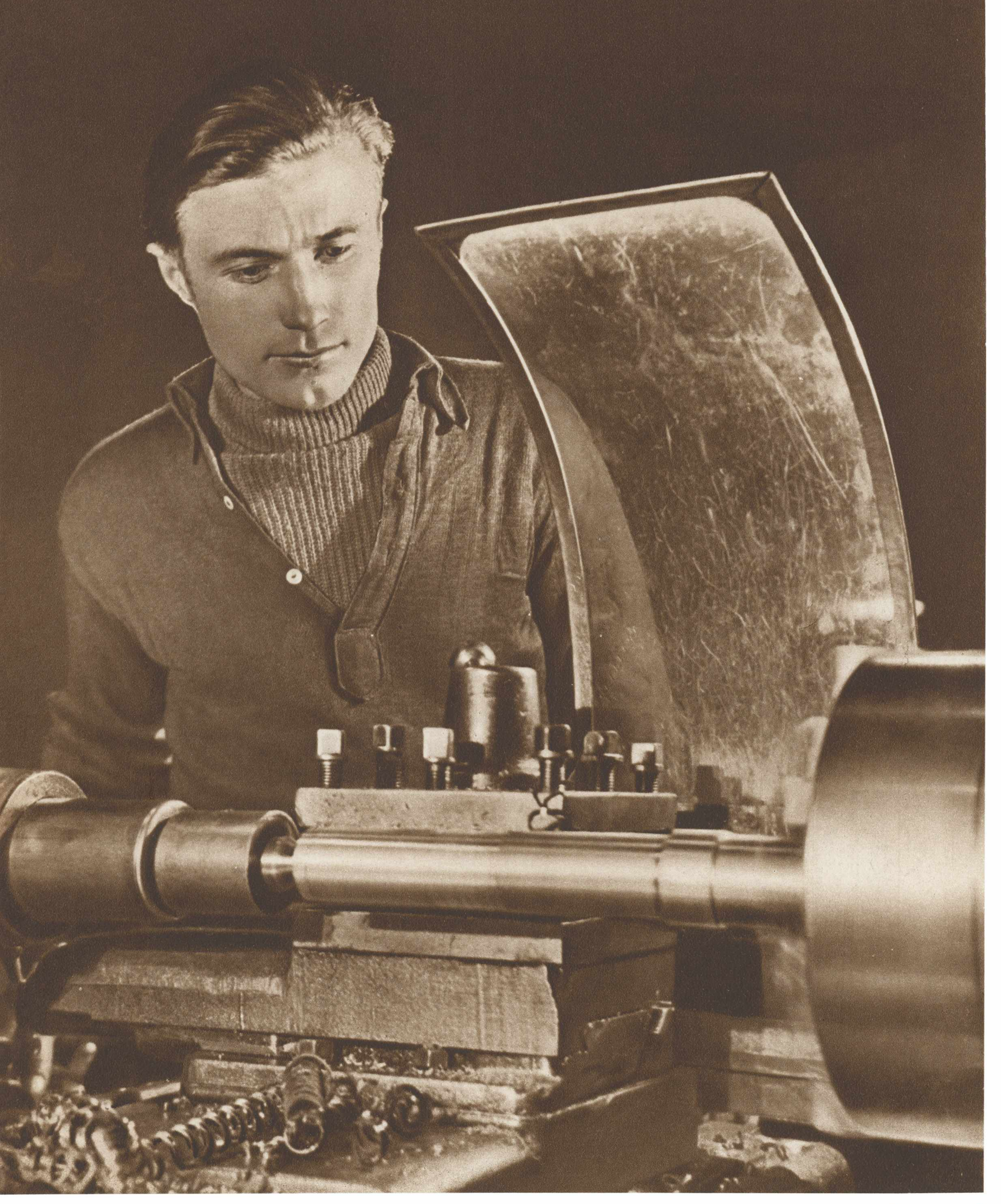

ОГОНЁК
№ 43 ОКТЯБРЬ 1953
ИЗДАТЕЛЬСТВО «П Р А В Д А»
ПРОЛЕТАРИИ
ВСЕХ

Токарь-скоростник Горьковского автозавода имени Молотова Денис Вершинин работает по методу Колесова. Он активный рационализатор и выполняет нормы на 220—250 процентов. Денис Вершинин — член цехового бюро ВЛКСМ.

Фото М. Савина.

На первой странице обложки: Прием в комсомол. На заседании комитета комсомола 33-й женской школы города Киева принимается в ряды членов КСМУ отличница учебы Светлана Карпова (стоит справа). Слева направо: член комитета Лариса Качала, завуч школы М. И. Бойко, секретарь комитета Галя Мельничук, член комитета Лена Галицкая, директор школы, заслуженная учительница школы УССР О. Ф. Кривошея, член комитета Галя Лопатина.

Фото Н. Козловского.

На последней странице обложки: Молодая колхозница Галина Воронина в выходной день на прогулке (колхоз «Завет Ленина», Камешковского района, Владимирской области).

Фото Дм. Бальтерманца.

ОГОНЁК № 43 (1376) 25 ОКТЯБРЯ 1953

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

31-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ДЛЯ КОЛХОЗНЫХ ПОЛЕЙ

На полях нашей страны сейчас работает около миллиона тракторов. Это на 74 процента больше, чем было до войны. В ближайшие три года могучий парк машин социалистического земледелия увеличится не менее чем на 500 тысяч новых тракторов общего назначения в 15-сильном исчислении и 250 тысяч пропашных.

Пропашные тракторы резко сокращают трудоемкие работы, содействуют повышению урожайности картофеля, овощей, сахарной свеклы и многих других сельскохозяйственных культур, которым в постановлении сентябрьского Пленума Центрального Комитета Коммунистической партии придается особо важное значение.

Наряду со знакомыми нам универсальными тракторами начался серийный выпуск нового колесного трактора — «Беларусь» — с дизельным двигателем.

Рабочие, инженеры, конструкторы вместе с тружениками полей включились в борьбу за осуществление мер дальнейшего развития сельского хозяйства СССР.

При входе на Владимирский тракторный завод нас останавливает огромный плакат со словами призыва:

«Тракторостроители! Постановлением Совета Министров СССР и Центрального Комитета КПСС мы обязаны изготовить в 1953 году дополнительно 300 тракторов! Все силы на выполнение правительственного задания!»

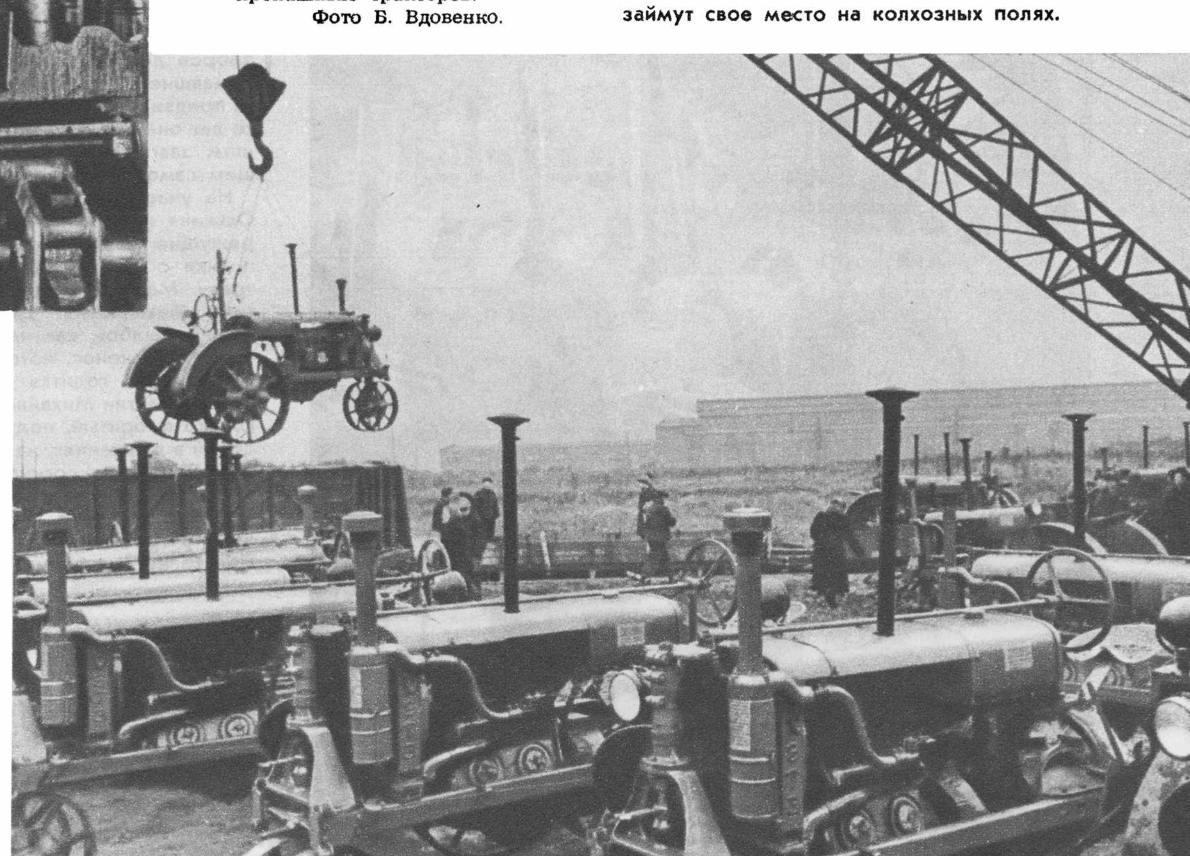
Цех сборки моторов. У своего рабочего места — слесарь-сборщик Александр Куженькин. Сегодня он выполнил норму выработки на 362 процента. Высокой выработки достигла также Людмила Грачева — слесарь-укомплектовщик.

Это их приветствует коллектив завода в предпраздничные дни.

На заводском дворе идет погрузка готовой продукции. Скоро эти пропашные тракторы займут свое место на колхозных полях.

На снимках: вверху — Александр Куженькин. Слева — Людмила Грачева. Внизу — погрузка пропашных тракторов.

Фото Б. Вдовенко.

КОМСОМОЛЬЦЫ

А. СТАРКОВ

Фото Б. Вдовенко.

Заводу двадцать три года, Ане Оськиной — двадцать. И почти все ее девять подружек по комсомольской группе моложе завода. Только Люба Ермоленко — ровесница ему. С точки зрения Светы Плосконос, которой семнадцать, Люба — уже «старушка». Конечно, девушки разные, хотя и носят в знак дружбы одинаковые косынки: синие с белым горошком. Бывает, что и ссорятся, и не так уж редко. А в общем — приятельницы. Всегда готовы постоять друг за дружку, и особенно за своего комсорга Аню Оськину. Они ее выбрали полтора года назад, когда впервые собрались вместе и были еще мало знакомы между собой. Кажется, Дина Иванова, указав на Аню, сказала: «Я предлагаю ее», — и, подумав немного, добавила: «Она в Москве жила...» Довод показался веским, и все проголосовали за москвичку.

Ну что ж, они не ошиблись. Аня и раньше вела комсомольскую работу: в Москве, в ремесленном, она была членом бюро, отвечала за культмассовый сектор. Этот сектор был ей по душе, потому что в ее обязанности входила организация экскурсий, а она очень любила их еще с той поры, когда школьный учитель географии возил седьмой класс из Чуриловки в Рязань. После этой поездки в областной центр Аня все время мечтала еще куда-нибудь съездить, еще где-нибудь побывать. Узнав, что мать посылают в Дулево «на торфá», девочка ночь проплакала и все-таки уговорила взять ее с собой, благо в школе были как раз каникулы...

И вот, попав в Москву, Аня уж отвела душеньку: как «культсектор», она каждое воскресенье водила комсомольцев на экскурсии: в музеи, на выставки, в зоосад, в планетарий. А то выберут просто трамвайный или троллейбусный маршрут подлиннее и катят из конца в конец: из Сокольников, скажем, к Ленинским горам. Это еще интереснее, чем в музее. Исколесили и исходили Москву — принялись за Подмосковье: путешествовали в Загорск, Царицыно, Коломну... Пришло время покидать училище, началось распределение выпускников по заводам. Многие девчата хотели, понятно, остаться в Москве. А Аня Оськина, услыхав, что есть путевки токарям в Ростов, Саратов, Минск, попросилась в один из этих городов. Ее тянуло повидать новые края... Так она оказалась в Ростове, на «Ростсельмаше» в цехе самоходных косилок.

Выпуск таких косилок завод освоил недавно. А опытный образец этой машины Аня видела еще у себя в Чуриловке. Самоходку прислали тогда в колхоз из научно-исследовательского института для испытания. Машина шла по полю на тяжелых автомобильных колесах, и ее пять «кос» — пять стальных планок с множеством коротких, острых, как бритва, ножей — оставляли за собой широкую, десятиметровую полосу скошенной травы... За час — шесть гектаров. Весь день, пока косилка работала в поле, Аня ходила за ней, не сводя глаз с ловкой машины. Хотелось быть на месте ее водителя... Сколько косарей заменит теперь самоходка! И какое доброе дело сделали люди, придумавшие эту машину!.. Девочка не предвидела, что через несколько лет она будет токарем на большом заводе, в цехе, выпускающем самоходные косилки.

Константин Иванович Гура рассказывает молодежи о том, как на месте Барабановской рощи вырос парк имени Николая Островского.

На участке, где работают Аня Оськина и ее подруги, собирают режущие аппараты, те самые планки с ножами, которые косят траву. Мастером здесь Константин Михайлович Дылбо — «дедушка Дылбо», как называет его Света Плосконос, которой он и в самом деле годится в дедушки. Но Константин Михайлович, всегда гладко выбритый, подтянутый, быстрый в движениях, на деда не похож. Жизнь не согнула его, хотя он и хлебнул всякого на своем веку. Воевал еще в первую мировую, в гражданскую, ранен был. Полстраны изъездил: работал в Белоруссии, Подмосковье, Мурманске, на Колыме. Есть о чем порассказать! И девушки любят послушать мастера, особенно, конечно, Аня Оськина...

Участок разделен на «цепочки». Это маленькие поточные линии с законченным циклом производства. Станки здесь включены в «цепочку», где полностью обрабатывается шарнирное устройство режущего аппарата. У Ани Оськиной соседка — Дина Иванова. И не просто соседка, но и самая близкая подруга, хотя по комсомольской линии она для Ани вроде и начальство: член цехового бюро. Дина приехала в Ростов из Сталинградской области, с хутора Отрадного. Как и Ане, ей двадцать первый год. Когда она появилась на свет, у ее родителей были уже взрослые — замужние и женатые — дети. Динина мать умерла вскоре после родов. Старый Иванов остался один с дочерью. Он был однорук. Левую руку потерял в гражданскую войну. Но и с одной, правой, сколько печей сложил он людям, сколько амбаров сколотил, сколько одежды пошил! Вынянчил, воспитал дочку, обучил ее всем ремеслам, какие сам знал. Вечно видевшая отца то с рубанком, то с иглой, постоянно помогавшая ему, девочка научилась не страшиться никакой мужской работы. Ей было легко в ремесленном. И в цехе не растерялась.

Работать в «цепочке» и хорошо и трудно. Хорошо потому, что находишься в коллективе, связанном единой целью, единым рабочим ритмом, потому, что все время ощущаешь локоть соседа. А трудно оттого, что стоит чуть ошибиться, как сразу же выбьешься из общего темпа, зашагаешь не в ногу... «Цепочка» воспитывает в людях коллективизм, трудовую дружбу. Правда, эту дружбу можно по-разному понимать. Вот как

← После работы — в школу, в техникум. Слева направо: Света Плосконос, Дина Иванова, Аня Шапошникова, Женя Азаренко, Аня Оськина.

поняла ее одна из комсомолок, Лариса.

Она решила выручить свою подружку Таню, которая работала медленнее других. Лариса незаметно подкладывала ей на станок готовые детали, сделанные другими токарями. Первой заметила это наблюдательная, быстроглазая Дина Иванова. Шепнула Ане Оськиной. Стали следить за Ларисой и убедились, что она вместе с подругой обманывает контролера.

Собрали комсомольскую группу. Лариса держалась поначалу бодро, будто ничего особенного и не случилось: подружка выручает подружку...

— Кого вы обманывали? — спросила Дина Иванова.— Партию? Правительство?.. Неужели тебе не стыдно? Ну, нас не стыдно, ладно, а отца родного? Весь поселок знает твоего старика!.. Да Ильи бы своего постыдилась!..

— Ты моего мужа не касайся,— сказала Лариса.— Он тут не при чем...

— Хорошо, не буду касаться твоего мужа. Но чести твоей комсомольской коснусь... Этого не запретишь.

Словом, разговор был трудный, долгий, со слезами, с раскаянием.

Узнав о поступке двух девушек, мастер Дылбо страшно рассердился на них, особенно на Ларису: «Комсомолка называется!..» Он кричал, что прогонит с участка эту обманщицу.

— Не надо выгонять,— сказала Аня Оськина.— Она признала свою вину, обещала исправить ошибку. Поверим ей, Константин Михайлович.

— Верю всякому зверю,— буркнул старик,— а ежу погожу.

Но, излив свои чувства в прибаутке, он смягчился и согласился с комсоргом — Лариса осталась на участке.

После этого случая Аня задумалась: дружба, комсомольская честь... Как много говорим мы на эти темы, а правильного понимания дружбы, комсомольской чести нет еще у девушек... Кто бы тут мог помочь? Дина Иванова подала совет Ане Оськиной: в цехе много бывших комсомольцев, сейчас партийцев. Позовем кого-нибудь из них на собрание группы, пусть расскажет о былых комсомольских годах, о том, как прежде жили-дружили комсомольцы.

— Кого пригласим?

— Можно Гуру.

— Это какого Гуру? Монтера? Так он же совсем молоденький!

— Нет, брата его, Константина Ивановича, председателя цехкома...

— А разве он был комсомольцем?

— Был...

Константин Иванович Гура принес с собой старые фотографии, вырезки из газет и начал с рассказа о своем брате, Иване Гуре, который строил сперва Сталинградский тракторный, а потом приехал сюда, на «Ростсельмаш».

— Взгляните на эту карточку. Видите, Красная площадь. Трактор идет по ней. А что он тащит? Дисковую сеялку. Это первый трактор, собранный в Сталинграде, и первая сеялка, сделанная в Ростове. Их привезли в Москву к открытию XVI съезда партии. Это было давно, в 1930 году.

Девушки переглянулись. Действительно, очень давно, когда их еще на свете не было...

— Константин Иванович, а где сейчас ваш брат?

— Здесь, в Ростове. Директор завода «Электроинструмент». В позапрошлом году кончил техникум, а нынче, в сорок лет, поступил на первый курс финансово-экономического института.

— А вы учитесь? — Этот вопрос задала Дина Иванова, хотя и знала, что Константин Иванович учится; ей хотелось, чтобы он сам об этом сказал.

— В техникуме. На последнем курсе.

При этих словах Дина с укоризной посмотрела на Любу Ермоленко, которая заявила недавно, что ей уже поздно в школу...

Константин Иванович показал еще одну фотографию. На ней был снят комсомолец Костя Гура, фрезеровщик, первый стахановец «Ростсельмаша», в тот день, когда он вместо одного валика для комбайна отфрезеровал сразу два.

Разволновался, распалился Константин Иванович. Вспомнил, как расчищали на комсомольских субботниках Барабановскую рощу, разбивая на ее месте парк, который носит сейчас имя Николая Островского, как гуляли по воскресеньям за Доном, как умели ценить дружбу... И, совсем уж разоткровенничавшись, рассказал, как полюбил он здесь, в цехе, комсомолку Шуру Шаманову, как переписывался с ней, когда ушел в армию, как поженились они перед самой войной.

— На нашей свадьбе вся комсомольская организация гуляла...

После этой встречи Ане Оськиной казалось, что ей как комсоргу стало легче работать, что девочки стали ласковее, послушнее.

Сколько дел, сколько забот у комсорга! Нагрузка большая: смену у станка простоишь, потом комсомольские дела, занятия в вечерней школе в девятом классе. Еще год, да еще один — и сбудется ее мечта: она поступит на географический факультет. Дина Иванова, та, закончив семилетку, поступила в техникум. И еще пять комсомолок учатся: три в школе, две на курсах. Ане нередко приходится заглядывать к ним в тетрадки, а кое-кого и подтягивать по некоторым предметам. По русскому, например, языку — Дину Иванову, у которой с орфографией не очень-то дружеские отношения.

Заботы, дела бывают самые неожиданные. Вот загрустила одна из девушек. Когда она думает, что ее не видят, плачет. А спросишь — молчит. И Аня пробовала втянуть ее в разговор, и Дина пыталась — молчит. Потом вдруг подошла к Ане и в слезах обо всем рассказала. Недавно, совсем недавно она узнала, что семья, в которой она выросла, не родная ей. Пока был жив приемный отец, девочке было хорошо. Но умер он — и отношение к ней переменилось. Вот уж неделя, как она ушла из дому, ночует где придется: то у одних, то у других знакомых. Разве это жизнь?

Первый раз прикоснулась Аня к такому горю и не знала, что сказать подруге. Да и могут ли тут помочь какие-нибудь слова!.. Нет, прежде всего нужно решить вопрос с жильем. Побежала к секретарю партийного бюро, добилась, что девушке тут же выделили место в общежитии, поселили рядом с подружками... Девушка медленно выздоравливала от нанесенной ей травмы. Сейчас она стала спокойней, не плачет. Поступила на курсы стенографии.

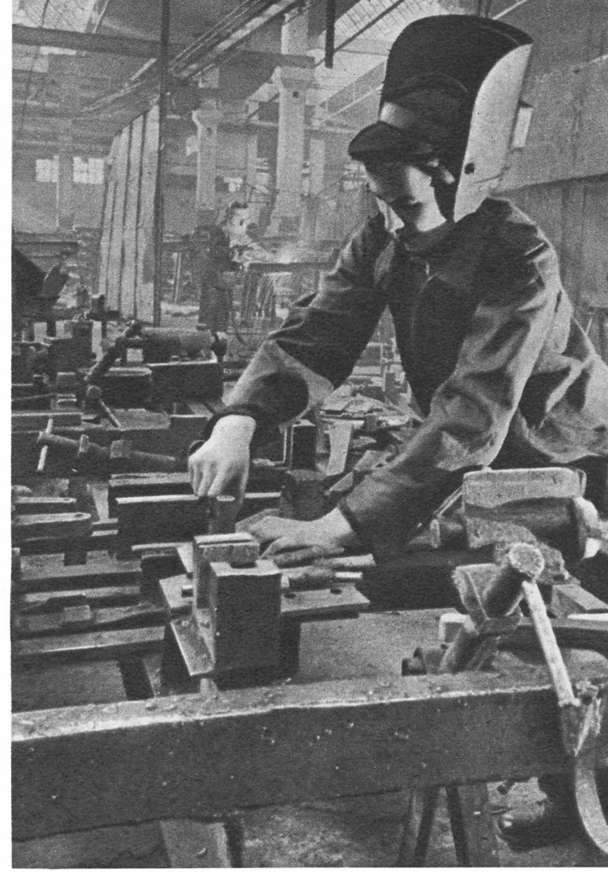
Очень много дел! И среди прочих, конечно же, экскурсии. Это анина страсть. Все музеи и выставки, все достопримечательности Ростова уже осмотрены. Ездили в Новочеркасск — в Музей истории донского казачества. Побывали в Азове.

Кстати, экскурсии можно совершать и по собственному цеху.

Ходили всей комсомольской группой на сварочный участок. Смотрели, как работает лучший сварщик завода Николай Буянин. До чего это красивое зрелище — сварка! Света Плосконос заявила, что она хочет освоить эту профессию, и попросила у Буянина разрешения приходить к нему учиться. Правда, Люба Ермоленко сказала при этом, что Свете понравился не так самый процесс сварки, как... Ну, не будем уточнять, кто понравился Свете Плосконос.

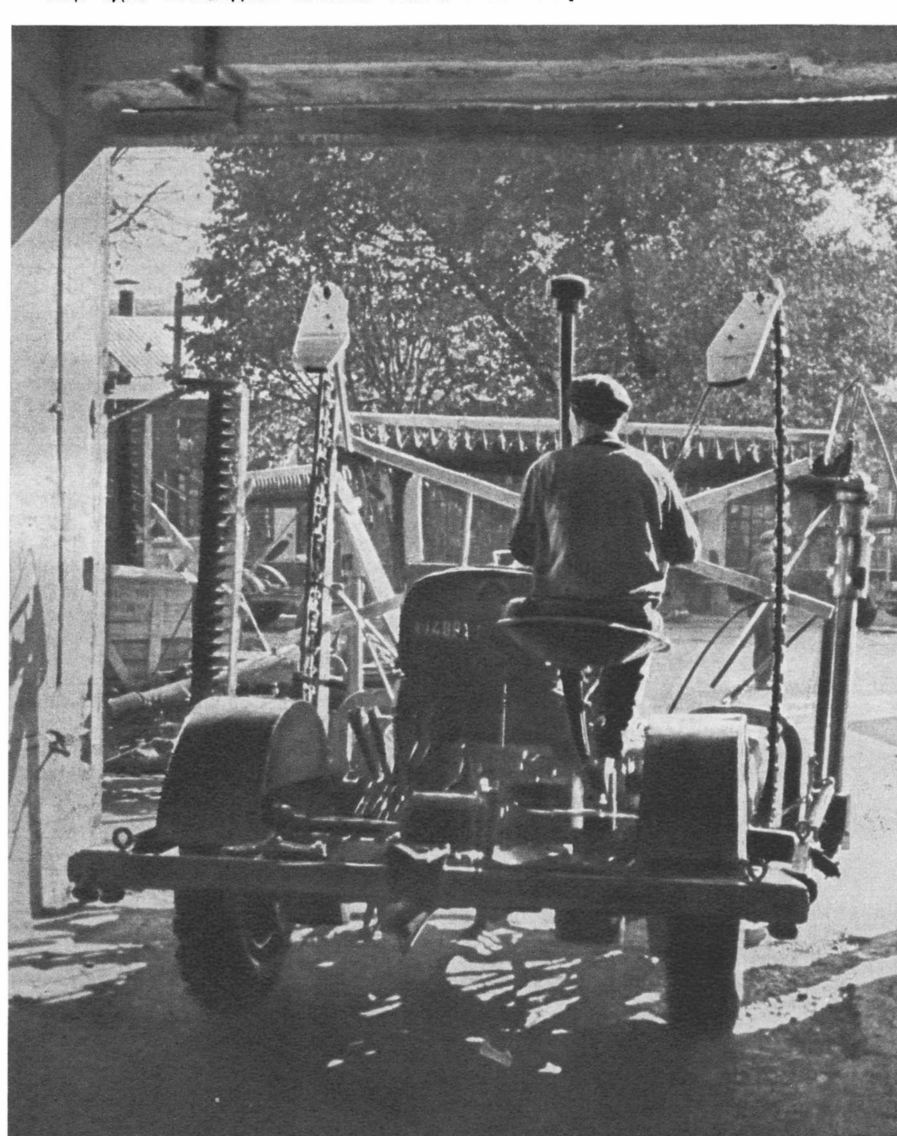
Ходили на механический участок, где начальником коммунист Гадаров Вартерес Геворкович, которого все в цехе называют Владимиром Егоровичем; он тоже бывший комсомолец. Здесь, на этом участке, любовались чистотой рабочих мест, так что экскурсия носила не только познавательный, но и воспитательный характер.

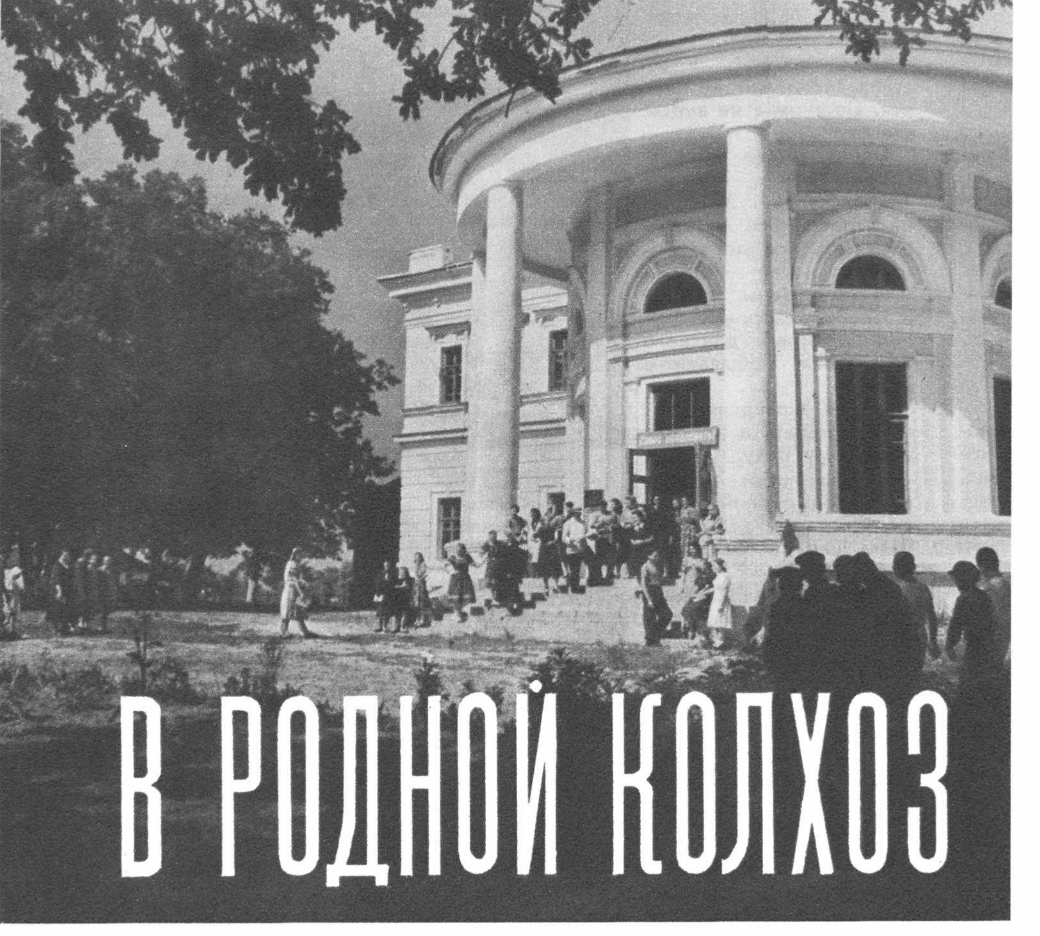
И задумана еще одна экскурсия, дальняя, за пределы завода — из Ростова в Сталинград, на Тракторный. Девушки поедут по Волго-Дону. Весной. И обязательно на пароходе «Челюскинец», где плавает механиком Володя Дылбо, сын Константина Михайловича, мастера участка...

Электросварщик комсомолец Николай Буянин.

Еще одна самоходная косилка сошла с конвейера «Ростсельмаша».

← Школа в селе Бочечки, Сумской области.

В РОДНОЙ КОЛХОЗ

Л. УВАРОВА

Фото Б. Кузьмина.

Сосновая роща и голубеющие поля пряно пахнущей полыни окружают большое украинское село Бочечки. Густые ветви столетних сосен четко рисуются в прозрачном воздухе, а поодаль растут молодые низкорослые сосенки, насчитывающие всего лишь какой-нибудь десяток лет...

Ласковое слово «Бочечки» бытует тут издавна. Много легенд ходит вокруг этого слова. Говорят иные старожилы, что когда-то славилось село искусными мастерами-бочкарями. Бочки, которые они делали, отличались необычайной прочностью и обладали чудесным секретом: любое соленье, любой маринад приобретали в этих бочках особый вкус и остроту.

Потому на ярмарках в Путивле, Конотопе, Бахмаче нарасхват покупались изделия умельцев-бочкарей, и от них-то, говорят, и повелось название села. Может быть, так оно и было...

На краю села стоит белое здание в окружении пирамидальных тополей, издали схожих с крымскими кипарисами. Нарядные белые колонны украшают просторный подъезд, в узких окнах которого отражается листва старинного парка.

Это — бывшее имение помещицы Львовой, а ныне здесь средняя школа села Бочечки, известная далеко за пределами Украины. Люди, окончившие эту школу, как правило, становятся знающими и любящими сельское хозяйство специалистами. С первых дней обучения здесь прививают детям прочную любовь к земле, побуждают их глубоко и вдумчиво изучать природу и на протяжении всех дальнейших занятий постоянно воспитывают интерес к передовой сельскохозяйственной науке.

И не случайно поэтому многие выпускники после окончания школы остаются работать в колхозе, а те, кто уезжает учиться, избирают себе специальность агрономов, зоотехников, становятся председателями колхозов, механизаторами, работниками МТС и сельских гидростанций.

С каждым годом все доступнее, все яснее зеленая книга природы, нетерпеливые пальцы листают все новые страницы, открывая все новые чудеса. Но первую страницу прекрасной этой книги раскрывает перед молодежью их родная сельская школа.

1

Восемь лет прошло уже с тех пор, как школьники села Бочечки решили написать в районную газету письмо-обращение ко всем учащимся сельских школ.

Собрались они тогда в физкультурном зале после уроков.

Все шумели, спорили, говорили разом, каждый предлагал свое. Наконец председательствующий Миша Королевский, потеряв терпение, несколько раз ударил палочкой по столу.

— Давайте условимся,— сказал он,— кто хочет говорить, пусть поднимет руку.

И десятки рук одновременно поднялись над головами.

Писать взялась Галя Лученко. У нее был отличный почерк, крупный и четкий. Она тщательно выводила в тетради слова, потом вышла на середину зала и начала громко читать:

— «Давайте, друзья, внимательно изучать сельскохозяйственные культуры, свое колхозное производство. Пусть наш труд на пришкольных участках будет тесно связан с работой колхоза, чтобы мы, когда вырастем, могли стать всесторонне развитыми, знающими и опытными его работниками...»

Сельский почтальон Тимофей Тимофеевич от души дивился: прохода ему не дают ребята. Стоит только показаться на улице, как со всех сторон бегут к нему и буквально рвут из рук газету. Потом осмотрят страницы сверху донизу и, разочарованно переглянувшись, отдают обратно.

Письмо напечатали в одном из майских номеров. Первым получил газету Миша Королевский. Едва увидев знакомые подписи, он стремглав бросился в школу.

Ребята по нескольку раз перечитывали свое письмо. Напечатанное на первой странице, оно казалось особенно внушительным.

Его вырезали и, аккуратно наклеив на лист бумаги, поместили в школьной стенной газете. И каждый из подписавших письмо то и дело проходил по широкому коридору, чтобы еще раз, словно ненароком, увидеть и без того наизусть заученные строки.

А газету между тем прочитали в окрестных селах — и в Новомутине, и в Казацком, и в Великом Самборе...

Из соседних колхозов приезжали учащиеся в Бочечанскую школу поглядеть на опытные делянки, побеседовать с ребятами, а потом на общих школьных собраниях дружно принималось решение: последовать примеру бочечанских школьников, связать опытническую работу с работой колхоза, внимательней изучать колхозное производство...

...Уже в шестом классе созрело и укрепилось в Мише Королевском решение — стать агрономом.

Может быть, он задумал это тогда, когда учитель биологии впервые рассказал о знатных хлеборобах, творцах высоких урожаев, передовых людях советского села; а может быть, когда прочитал в книге о подвижническом труде великих ученых Мичурина и Докучаева, мечтавших превратить землю в сплошной цветущий сад.

Но скорее всего это произошло, когда он сам, своими руками вырастил на делянке рожь. Ростки были вначале маленькие, тонкие, казались жалкими на вид. Они робко, словно нехотя, тянулись кверху, и каждый росток так и норовил зачахнуть. За каждым нужно было смотреть, не спуская глаз.

И он смотрел. Он появлялся на своей делянке рано утром, улучив минуту, прибегал во время перемен. Приходил и вечером поглядеть на своих питомцев, вынимал из кармана сантиметр, чтобы смерить, не выросли ли всходы за день.

На будущий год ребята занялись пикировкой. Пикировка — очень кропотливая, трудоемкая работа. Выкопать ямку и посадить туда сеянец — на это уходит уйма времени.

Миша придумал и сделал сажальное приспособление — простую доску с зубьями. Возьмешь доску, надавишь на нее — и в земле появляется несколько рядов ямок.

Учитель похвалил Мишу. Он давно уже приглядывался к мальчику, подметив в нем пытливый интерес и любовь к сельскохозяйственной работе, хорошее упрямство, умение доводить свой труд до конца. Ему казалось, в будущем Миша станет отличным мастером колхозного производства. Впрочем, не один только Миша обещал стать хорошим колхозным специалистом. Бойкая черноглазая Галя Лученко добилась сверхранних урожаев картофеля, вырастила на своем участке различные сорта капусты, посадила дубы, и они у нее прижились. Гриша Третьяков окулировал дички и потом высадил в колхозном саду яблони, ставшие культурными садовыми деревьями. А помидоры Геннадия Фадеева отправили прямо на выставку, организованную областным съездом юннатов.

Однажды старый колхозный агроном Карп Прокопович Горбань пришел в школьный сад. Внимательно оглядел капусту, помидоры, картофель, полюбовался крохотными дубками Гали Лученко и остановился возле делянки, засеянной рожью.

— Это чья ж такая? — спросил он. Потом увидел шест, вбитый в землю, и дощечку на нем. Агроном нагнулся и прочитал: — «Михаил Королевский»... Ишь ты!..— задумчиво сказал старик, глядя на тонкого, узкоплечего мальчика, хмурившего от смущения выгоревшие за лето брови.

Когда-то Карп Прокопович дружил с родителями Миши, а мишина мать, секретарь партийной организации села, была его ученицей.

Они разговорились. Миша перестал смущаться и бойко отвечал на вопросы старика, подробно рассказывая о своей работе. Старый агроном слушал его, потом сорвал колос ржи, поднес его близко к глазам. Колос был тяжелый, полный зрелых, литых зерен.

— Старайся, Михаил,— сказал старик на прощанье.— Вырастешь — возьму к себе в помощники,— и сухая, негнущаяся его ладонь легла на тонкие плечи мальчика.

Так и вышло. Окончил Миша школу и стал помощником старого агронома. За долгую свою жизнь Карп Прокопович научился быстро и безошибочно распознавать людей.

Старый агроном стал давать Михаилу самостоятельные поручения, и тут-то молодой специалист совершил первую свою крупную ошибку.

В колхозе сеяли чумизу. Михаил дал указание кладовщику — выдать на тонну семян килограмм гранозана, ядовитого порошка, убивающего вредителей.

Карп Прокопович спросил его:

— Все проверил?

— Все,— ответил Михаил.

Днем он поехал в поле, слез с лошади, нагнулся, взял щепотку семян в руку. Семена были белые, словно мелом обсыпанные.

Он бросился к бригадиру:

— Сколько порошка травили на тонну?

Бригадир, спокойный, флегматичный человек, неторопливо переспросил его:

— На тонну? Подожди-ка, треба высчитать. Мы ведь травили кило на центнер...

Восемь гектаров чумизы пропали, потому что Михаил не про-

верил, не поглядел своими глазами, а кладовщик ошибся и выдал по килограмму на центнер вместо килограмма на тонну.

Карп Прокопович не ругал его. Только сказал с горечью:

— Я думал, ты все-таки еще раз проверишь...— И прибавил: — Агроному на свой глаз полагаться следует.

Комсомольское собрание вынесло Михаилу строгий выговор. Несколько дней он ходил как в воду опущенный. Потом его вызвали в правление колхоза. Там собрались члены правления, лучшие бригадиры. Позади всех у окна сидел, опершись обеими руками на палку, Карп Прокопович Горбань.

— Вот что, Михаил,— сказал ему секретарь парторганизации колхоза Порфирий Иванович Заболотный,— решили мы все вместе, что ты учиться поедешь...

Михаил молчал. Он ожидал всего, чего угодно,— строгого разговора, справедливой взбучки,— но учиться?.. Этого он, признаться, не ожидал.

— Поедешь в Сумы, выучишься на агронома и вернешься,— продолжал парторг.— Из тебя со временем, мы считаем, хороший агроном выйдет.

— А вы-то? — Михаил повернулся к старому агроному.— Вы-то что же, Карп Прокопович?

— Я что,— спокойно и веско ответил старик,— я свое отработал. Пора на покой...

Михаил вернулся в колхоз через три года, окончив среднюю сельскохозяйственную школу в городе Сумы.

Все эти годы колхоз помогал ему, аккуратно посылал деньги, начислял трудодни.

Встретили его душевно.

Председатель колхоза Петро Иванович Коцубенко, тоже некогда окончивший местную школу, обнял Михаила:

— Наконец-то! Уж мы тебя ждали, ждали, все глаза проглядели.

...Прошел год с тех пор, как Михаил Королевский стал агрономом родного колхоза.

Нельзя сказать, чтобы все всегда шло гладко. Были трудности: то зарядил на целых две недели дождь, и пришлось посадить сахарную свеклу позднее обычного, то весной неожиданно ударили морозы, оголили цветущие яблони, и рухнули надежды колхозников на обильный урожай яблок.

Но с каждым днем все интересней казалась молодому агроному любимая работа.

Он не стыдился обратиться за советом к Карпу Прокоповичу, со спокойной душой ушедшему на отдых и усердно занявшемуся разведением цветов в своем садике.

Часто приходится ему толковать с председателем колхоза. Петро Иванович подчас слишком требователен к нему, но за глаза говорит: «Я нашего агронома на двух самых опытных не сменяю... Любит он свое дело».

И сдается Петру Ивановичу, что любовь эта, как и у него самого, заложена была еще в далеком прошлом, в те годы, когда оба они учились. Это сельская школа привила постоянный, негаснущий интерес к земле, воспитала уверенность в своих силах и желание быть полезным и ценным для колхоза человеком.

Агроном частенько заглядывает в школу и помогает ребятам на их участке. И сами ребята нередко приходят к нему. Вот и сегодня позвонили из школы в правление: к вам на опытный участок собирается экскурсия школьников, передайте агроному. Агроном оказался на месте и сам встретил своих гостей.

...Пролетает над опытным участком быстрый ветер, и тугие волны проса, тесня друг друга, как бы спешат догнать непоседу. Просо вымахало высоко, пышные метелки клонятся книзу от тяжести семян.

Михаил Алексеевич проходит дальше по участку, показывая соседнее опытное поле, где растет картофель. И школьники идут за ним, слушая простые и понятные его слова. Кто-то из ребят вынул тетрадь, торопливо записывает что-то. И, может быть, только учитель помнит Михаила Алексеевича таким, каким он был некогда: худеньким, неспокойным, упрямым...

2

Вчера утром Петро Иванович проводил старых друзей, приезжавших на каникулы в родное село. Уехали обратно в свои институты Геннадий Фадеев, Вера Шпилькина, Григорий Шевелев, Ольга Бондарь...

А сегодня вышел на улицу, видит, вновь разворачивается от угла машина, а в кузове все знакомые лица: Инна Кращенко, окончившая в этом году школу с серебряной медалью, выпускники Виктор Пятницкий, Люба Степаненко, Настя Зеленская...

Весь кузов заполнен самодельными чемоданами, кошелками с яблоками, грушами, заботливо упакованными материнской рукой. А вон и сами матери идут следом за машиной, машут руками — езжайте, родные наши, до больших городов, набирайтесь уму-разуму...

— Мамо! — кричит Инна Кращенко, а машина между тем уходит все дальше.— Мамо, не плачьте, я летом приеду,— а сама улыбается и плачет в одно и то же время.

Когда-нибудь свежо и ярко вспомнятся ей торопливые сборы, пыль на дороге, быстро высохшие слезы и этот пленительный, зябкий холодок ожидания... Что-то ждет в большом, незнакомом городе? Как это все будет?..

Петро Иванович стоит на углу и тоже машет рукой вслед машине, а она уже давно скрылась из виду...

И он сам в недавнем прошлом уезжал в город, учился на курсах председателей колхозов. Его провожали всем селом — и родные и товарищи.

И почему-то захотелось ему хоть немного пройтись по школьному саду, где когда-то проводил все дни — с утра до вечера...

Ему надо идти в поле, и он идет дальней дорогой, нарочно делает крюк, чтобы еще раз поглядеть на школу.

Те же делянки, что были и раньше, раскинулись среди фруктовых деревьев, среди вековых дубов и вязов старого парка. И кажется, рядом с алеющими помидорами и кудрявой капустой «кольраби» он увидит сейчас шест с дощечкой, на которой написано его имя.

Нет, другое имя стоит на ней: «Витя Романенко, 9-й класс». А вон и сам Витя, завидев председателя колхоза, бежит к нему.

— Глядите, Петро Иванович, мы еще фацелии вырастили...

В прошлом году ребята вырастили медоносную траву фацелию, отраду для пчел, и засадили ею целое поле возле колхозной пасеки.

Несмотря на ранний час, людно в саду. Мелькают за деревьями светлые платья и выгоревшие от солнца рубашки. Кто окулирует дички, кто подрезает сухие ветки, кто сыплет дустом возле саженцев — верное средство против вредителей...

А вот и новинка школьного сада — виноградные лозы. Среди прозрачных, словно вырезанных из зеленого кружева листьев прижались друг к другу упругие гроздья.

* * *

Пройдет немного времени, и в колхозе появятся новые специалисты. Скоро приедут сюда на постоянную работу Геннадий Фадеев и Григорий Третьяков. Вернется, окончив Тимирязевскую академию, Алексей Король.

— Запомните, друзья,— говорит учитель биологии Владимир Иванович Беспалый, — почку надо прививать только на теневую сторону.

А вслед за ними придут и эти девочки и хлопчики, что теперь так старательно и любовно ухаживают за своими делянками...

Крепнет из года в год добрая традиция школы — все новых умельцев растит она, новых тружеников, влюбленных в родной колхоз...

За школой раскинулся большак — широкая дорога. Неподалеку виднеются высокие сосны, а рядом с ними вытянулись еще низкорослые, совсем юные сосенки.

Петро Иванович долго смотрит в ту сторону и, будто отвечая каким-то своим мыслям, задумчиво говорит:

— Вырастут — сровняются...— И тут же, словно испугавшись, что люди услышат, как он разговаривает сам с собой, смущенно оглядывается, а потом продолжает свой путь дальше — на поля.

— Смотрите, ребята, — обращается к ним агроном Михаил Алексеевич Королевский, — какие пышные метелки!

НА МОРЕ НА СИНЕМ

В. ТИТОВ

Фото Б. Кузьмина.

Аральское море... Такой синей, прозрачной воды нет, наверное, ни в каком другом море. Глядишь на него — и кажется, налита здесь глубокая земная чаша не обыкновенной морской соленой водою, а какой-то особой, синей ключевой влагой, до того прозрачной, что суда в ней видны до самого днища, до самого гребного винта. С самолета море похоже на огромный уральский камень-самоцвет, который обронили случайно среди обнаженных и раскаленных пространств на краю западной Азии.

Восточные берега Арала полупустынны, западные пустынны совсем. Только северные и южные берега моря обжиты и населены. На севере к морю подошла железная дорога, и здесь стоит город Аральск, а за пятьсот километров на юг от него вливается в море Аму-Дарья.

Если пройти над этой южной частью моря на самолете, то удивят больше всего тростники. Зеленые, сплошные у низких берегов и на мелководье в море, они ушли далеко и на затопляемую рекою сушу. Тысячи озер и рукавов, протоки «ериков» — необозримый тростниковый край открывается под крылом самолета. Это самая богатая, самая рыбная часть моря.

И вот тут, на огромной песчаной косе полуострова Токмаката, стоит в море рыбацкая столица Арала город Муйнак. С моря город напоминает груду фруктов, завернутых в желтую стружку. Это сходство придают ему рыбачьи домики, частью белые, частью розовые, окруженные ярко-желтыми, плетенными из тростника оградами, за которыми редкой прозеленью вкрапливаются негустые купы джиды, тополя, тамариска.

Здесь, именно в этой части моря, и стоят аральские рыбозаводы: Ургинский, Муйнакский, Учсайский... Весь хозяйственный уклад этого уголка нашей земли зависит от «рыбьего календаря».

Весну на Арале открывают лещ и вобла, а вскоре затем идет береговой, «тростниковый» сазан. Морской, донный сазан еще долго держится в глубинах, а уж береговой ловят вовсю.

С мая у берегов появляется великолепная рыба — усач, а за нею и красноперка, белоглазка, щука, сом. Берется шип — аральский осетр. Но в большой «зачет» в это время такая рыба не идет: ее не много ловится весною. В мае другая рыба заботит ловца — шемая.

Не успеет отшуметь майская путина, приходит летняя, самая трудная пора на море. Июнь и июль на Арале стоят знойные, ветровые. Вот в это-то время и берется аршинный морской сазан и усач. Летняя путина приносит рыбу крупную, вескую, нагулянную. Но зато весенний лов добычливее, надежнее. Он-то и решает успех всей рыбоперерабатывающей промышленности на Арале.

Наступает осень. С Аму-Дарьи в море идет с нереста на выгул и рослая рыба и молодь. И тут опять главное место принадлежит усачу.

С декабря море «становится». Тогда открывается подледный лов близ берегов. На льду в это время можно увидеть груды замороженного судака. Зимой судак ходит косяками в еще теплых тростниковых местах и не очень трудно дается в сети, которые ставят через разводья и проруби.

По этому «рыбьему календарю» и живет весь южный рыбацкий Арал.

...Цехи Муйнакского завода напоминают большие лабазы. В пол вделаны огромные деревянные посолочные чаны, заполненные рыбой, всюду чувствуется крепкий запах соли, морского ветра и вкусный запах сушеного леща. Рыба лежит под крышей в рогожных мешках — «марданах», ее видишь и на вешалах под открытым небом.

Откуда-то с моря прибежало маленькое судно «XX лет Казахстана», и из трюмов его ковшами выбирают рыбу. Привезли берегового сазана, леща. Не сегодня-завтра ждут донного, морского сазана. Проворные руки работниц сортируют рыбу. Но вот, видим мы, затесался в сазанью стаю и осетр. Он не длинен, но широк, увесист. Пошевеливая плавниками, вываливается на помост и жерех-разбойник. Этот совсем красавец. Сильный, мощный, так и хлещет своим «правилом» — хвостом — другую, малую рыбку. Вывалился годовалый сом. Открыл рот, жадно дышит, показывая зубы, судак. Скачет, извиваясь, нарядная белоглазка. А вот и могучий усач, о котором рыбаки говорят, что он улыбается от удовольствия, когда попадает в сеть. Вот оно, богатство Арала!

Далеко в море светлой полосой вырисовывается дуга аму-дарьинских плавней. Оттуда приходят груженные рыбой лодки, пристают к помостам под выгрузку. Подчаливает большая ладья из колхоза имени Буденного, полная рыбы. Сам колхоз расположен недалеко от Муйнака, на той же самой косе, что и город. Рыбу буденновцы ловят удивительно легко и просто. Лещ, сазан и кое-какая другая рыба проходит морем на нерест и с нереста как раз близ того места, где стоит колхоз. Рыбаки прямо с берега заводят одно крыло невода поперек хода рыбы и через каждые полчаса или час трактором вытягивают его на берег. Получается своеобразный конвейер. Он действует безотказно, работа у буденновцев спорится.

Когда ночь пала на море и оно потеряло все свои голубые краски, а на воду легла лунная дорожка, на том же маленьком суденышке «XX лет Казахстана» мы «побежали» к острову Лазарева, что лежит в море километрах в ста на северо-запад от Муйнака, где идет лов шемаи.

Когда мы подошли к острову, там уже находились два катера моторно-рыболовецкой станции, «Изумруд» и «Жемчуг», поплясывало на утренней зыби с десяток крупных весельных лодок. Они ждали рыбу.

На бортах двух «скедей» — больших, груженных неводом лодок, — балансируя над водой, стоит плотный, высокий пожилой человек. Это Чироев.

С Петром Григорьевичем Чироевым мы уже знакомы. Рыбак он прославленный на весь южный Арал. Без него не открывается и не закрывается ни одна путина. Уже сорок один год рыбачит он на море и знает его, как свой дом. Лет сорок назад он одним из первых ввел на Арале лов рыбы вентерями[1], а до него все ловили здесь рыбу острогою. В наше время он одним из первых перешел на сетевой лов, а потом был и организатором экспедиционного лова на островах. Остров Лазарева и есть такая экспедиционная база, где ловится отличная аральская селедочка — шемая, которую Муйнакский мясо-рыбоконсервный комбинат вкусно маринует.

Чироев стоит на бортах двух лодок, вглядывается из-под ладони в желтеющую под водой косу, на которую утреннее солнце уже накидало крупных золотых монет, и ждет. Рыбаки на ладьях застыли в напряженном ожидании, сидят, настороженно подняв весла над водой. Вдруг отчего-то там на косе потемнело, будто тень набежала какая, подернув и солнечные блики и хрусталь воды. Косяк шемаи!

И вот тут Чироев крикнул:

— Взялись!

Лодки сорвались и полетели. Разошлись бесшумно, невод сыплется в воду, лодки сходятся по кругу. У гребцов — удаль на лицах, размах в плече. Косяк окружен. А там, за всплывшими и качающимися на воде поплавками невода, уже мечется маленькая, юркая третья лодочка, и загонщики шестами с раструбами на конце пугают рыбу, не дают ей выйти из невода.

— С уловом, с уловом!

Невод выбирается, в кольце за поплавками кипит живая рыбья масса. Подходит шхуна «XX лет Казахстана». Рыбу вычерпывают черпаками, подают в трюмы, пересыпают мелким битым льдом...

Умение метать невод из летящей по волне ладьи, не запутав его, «брать» веслом бесшумно воду и мгновенно «накрыть» косяк и, наконец, то азартное настроение, с которым здесь работают ловцы, — все это удивляет. И тут понимаешь, что никакими другими способами на этой косе рыбы не возьмешь. Подводная коса всего на какой-то метр залегла от поверхности воды, и нужно большое искусство, чтобы вот так ловко снять с нее рыбу. И в этом одна из особенностей многих рыбных угодий Арала и здешней рыболовецкой практики.

Скоро выбираемся на берег. Остров Лазарева невелик. За час его можно обойти кругом. Стоит он в море каменистой грядою, порос травой, цветами, диковинным каким-то кустарником.

Есть среди рыбаков молва, что когда-то сам Лазарев — флотоводец, плававший на Арале в молодости, — открыл этот красивый остров. Так это или нет, — неизвестно, но молва рыбакам нравится, и к ней они относятся, как к подлинному историческому факту...

Хорошо на острове Лазарева! Дышится легко, думается просторно. Живет здесь в маленькой

[1] Вентерь — большая, плетеная из сетевой нити снасть.

избушке постоянно зимовщик Мин Мефодьевич Павлочев со своей Фроловной, заготовляют они с осени лед, по весне встречают рыбаков экспедиционного шемайного лова.

У берегов острова тоже ловят рыбу. В прозрачной воде, в трех шагах от линии уреза морской волны, крепят ставные сети, изготовленные из капрона, фильдекосовой нити, очень тонкие, прочные, легкие. Шемая идет на каменистое дно прибрежья, трется о камень, стремится пройти через ячеи ставников и застревает в них.

С острова в ясную погоду отчетливо видны тонущие в мареве зноя далекие оренбургские — западные — обрывистые берега.

А на юге, где-то за этой синей водою, стоит поселок Урга и раскинулись необозримые пространства аму-дарьинских плавней — купаков.

Все здесь прет, как на дрожжах. Поминутно что-то вздыхает то справа, то слева. Это могучая сила земли гонит восьмиметровый тростник все выше, через плавающие рыжие плотные скопища спрессовавшихся мертвых стеблей, похожие на гигантские подушки. Это и есть купаки.

Едва суденышко «XX лет Казахстана» «прибежало» с острова Лазарева с грузом шемаи и стало на причал у рыбозавода, как на взморье «выбежала» лодочка ондатроводов Юрия Тимошкина и Николая Яковлевича Власенко.

— Куда-а?

— Чистить тропу-у!

И вот мы «бежим» вместе. В купаках, подальше в море, где тростники реже, от рыбачьих ладей было тесновато. Там на кольях, вбитых в неглубокой воде, стояли сети, и рыбаки выбирали из них рыбу. Над водою висел крик чаек и противный хохот мартынов. А сюда, в эти прибрежные купаки, со снастью не сунешься.

И вот уже часа три, как мы вошли сюда, а купакам все нет конца и края. Мы идем по «тропе», которую на восток до самой суши проложили ондатроводы. Когда-то здесь, где мы плывем, был большой рукав Аму-Дарьи, который вливался в море у Муйнакского залива. Потом река забила рукав наносами, он зарос тростником и превратился в плавни. Теперь здесь человек сделал дорогу шириною метра в три. Иногда кажется, что дно на «тропе» можно достать рукою, а иногда откроется такой черный омут, что невольно отодвигаешься от края лодки. Тогда Юрий откладывает шест, а Николай Яковлевич выправляет весла: шест не достает до дна. Николай Яковлевич часто работает тарпаном — серповидным резаком, укрепленным на длинной рукоятке. Когда «тропа» суживается так, что лодку приходится с трудом проталкивать по корневищам, он пускает в ход тарпан, подрезает купаки и укладывает их по сторонам этой водной магистрали.

Часто на «тропе» открываются айдинки — неширокие плесы с нежной осокой и хороводами белых лилий. Вот с одной из них подняли пару лебедей, на другой стая пеликанов, выстроившись полукругом, загоняла на мель рыбу, на третьей два розовых фламинго важно бродили по колено в воде.

Под нами, чуть ли не касаясь днища лодочки, иногда проходят косяками рыбы. То сазанья стая пройдет, то промелькнут лещи, поблескивая на солнце серебром боков, то вдруг хлынет судак, и тогда мгновенно прячется под купаки вся рыбья молодь.

Николай Яковлевич поводит рукой вокруг и говорит:

— Крепь! Кто не знает купаков, тот сюда лучше не ходи: пропадешь. Но зато какой инкубаторий! Ведь тут почти и родится вся наша аральская рыба. Настоящая кладовая моря — эти купаки.

Он вытаскивает из воды стебли тростника и на нижней, скользкой их части показывает бисер налитой, упругой рыбьей икры.

— Это вот сазан метал, а это судачья икра, это лещевая.

Купаки — действительно неиссякаемый, могучий рыбий инкубатор. Икра здесь хорошо прогревается на мелководье солнцем, омывается аму-дарьинской водой. Тысячи мальков самой различной величины прячутся под широкими листьями лилий и часами стоят под ними, как повисшие в воде маленькие булавки.

Раньше никому в голову не приходило прорезать в непролазных тростниках «тропы», по которым так свободно идет на нерест рыба. Сделали это ондатроводы. Нет еще и девяти лет, как завезли сюда, в купаки, ондатру. Триста штук ценного зверя, схожего по повадкам с бобром, пустили в тростниковые заросли в тяжелое для него время — в ледостав. Но прижился зверь! И уже через два года более двух тысяч шкурок ондатры было добыто в купаках. Теперь на промысле занято более ста ондатроводов. Они же и ведут это сложное и большое хозяйство. В непролазных прежде купаках прорезали несколько десятков километров «троп». На них зверь ставит свои хатки, очень похожие на муравьиные конусы.

Вечереет. Зеркальную воду айдин и «троп», в которой отразились небо и облака, начинают разрезать острые мордочки ондатр. Медленно плывет зверек, оставляя за собой зыбкие водяные усы. Иной тащит зеленую тростинку.

Мы выбираем понадежнее купак, подламываем и стелем на плотную плавающую его подушку проросший тростник, накрываем эту постель парусом и на таком зыбком пристанище устраиваемся на ночлег. Юрий ухитряется приготовить чай. Он втыкает в купак весло, подвешивает на него казан с водою, потом, наломав сухого тростника, бросает его на воду и поджигает. Как красиво дно водоема, освещенное костром! На свет собираются крупные рыбы, стоят, сонно шевеля плавниками, и видно, как они цедят через жабры струйки воды. Беспрестанно в ночном сумраке кричат кукушки, где-то ухает выпь.

А под утро начался сазаний «бой».

На «тропе» все заходило ходуном. Рыба шла откуда-то валом, терлась о тростник, качала его, мутила воду, взлетала над ней и падала обратно, обессиленная. Наше пловучее пристанище подрагивало, билось и тяжко, протяжно вздыхало.

Но вот протрубили журавли, им откуда-то ответили лебеди, брызнуло солнце, и все скоро стихло. Рыба вяло уходила по «тропе» в море. На растениях в воде дрожали светлые сгустки икры и молоки. От воды веяло свежим запахом тростника и рыбы.

Хорошее море, щедрое море! Но оно не сразу открывает перед человеком свое обаяние, не так просто отдает человеку свое богатство. И невольно думается, что человек еще не все сделал, чтобы до конца использовать щедрость моря. Сколько рыбы, например, можно взять на глубинах у пустынных оренбургских берегов!

...Дня через три мы приходим в Ургу. Поселок стоит под белыми обрывами плато Уст-юрта; здесь же на берегу раскинулись строения рыбозавода. Это самая южная оконечность Арала. Дальше на запад, до самого форта Шевченко на Мангышлаке и до Гурьева на Каспии, нет никаких селений.

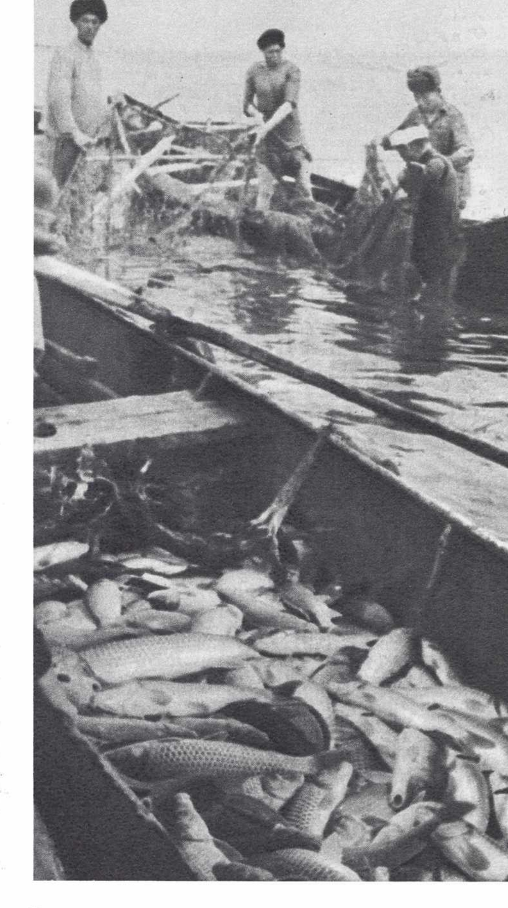
В Урге узнаем важную рыбацкую новость: пошел донный, морской сазан. Полупудовыми золотистыми рыбинами завалены все чаны завода. В поселке ни души: все за работой.

А с моря все бегут и бегут рыбачьи груженые ладьи. И море ласково плещет им в днища.

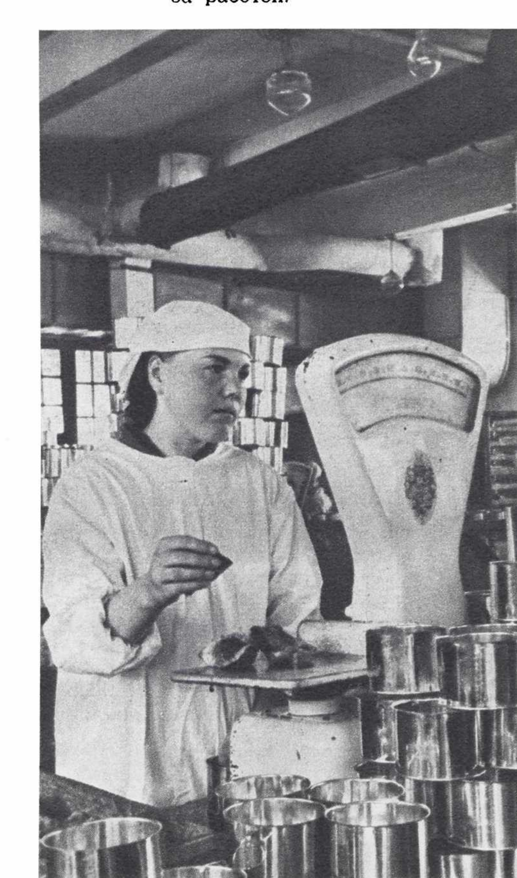
Муйнак, Урга.

На Муйнакском рыбозаводе убирают с вешал готовую продукцию — сушеного аральского леща.

Рыбаки колхоза «Памяти Ленина» взяли хороший улов сазана.

Муйнакский рыбоконсервный комбинат. Лучшая расфасовщица консервного цеха Клавдия Печенкина за работой.

Сила миллиграмма

С. ИКОННИКОВА

Не более ста метров отделяли упитанных коров лесничества от изможденных животных соседних хозяйств. Худые, с ввалившимися боками, с ненормально изогнутыми хребтами и взъерошенной шерстью, они, казалось, только что перенесли длительную голодовку. Быть может, у них нерадивые хозяева? Пройдет неделя, другая, и сочная трава сделает свое дело, коровы поправятся? Но нет. Уход за ними был не хуже, чем в лесничестве, и, тем не менее, через некоторое время там пали последние животные, не помог и вволю предоставленный корм.

— Сухотка,— говорили люди, принимая ее как что-то уже привычное, почти неизбежное и неотвратимое...

Когда весть об этом достигла Института зоотехники и зоогигиены Латвийской академии наук, там вначале не поверили.

Смутила не гибель скота. Тревожные сигналы об этом поступали уже из многих мест. Ученых поразило, что в лесничестве не наблюдалось даже самых легких признаков сухотки, издавна косившей скот в прибрежных районах и наносившей огромный ущерб животноводству.

Начиная с 1945 года проблемой борьбы с сухоткой занялся профессор Ян Матвеевич Берзинь, позже возглавивший Институт зоотехники и зоогигиены.

Не одно поколение ученых пыталось найти для местного скота спасение от поражавшей его повальной болезни. Животным пробовали скармливать кальций, стрихнин, мышьяк, глюкозу, медь, железо... Но все эти средства не приносили исцеления. Истинной причины заболевания исследователи не могли раскрыть.

Наблюдения, опыты, сопоставления, обобщения — вот тернистый путь ученого. Чтобы не заблудиться в пестроте накопленных фактов, следует отобрать из них лишь самые характерные.

Еще раз детально были проверены все симптомы: постепенная потеря аппетита, резкое похудание, вместо мягкой, сочной травы животные выискивают прошлогоднюю, засохшую и колючую, обдирают кору деревьев, гложут изгородь... Болезнь не заразна, но недуг почему-то гнездится в определенных местах. Здоровые коровы, завезенные в эти места, заболевают через год, другой, а больные — выздоравливают, достаточно их увезти и поселить там, где животные не страдают сухоткой. Казалось, недуг таится в самой земле.

Болезнь эта местная, но распространена она не в одной лишь Латвии. Сходная по симптомам, она встречалась и в некоторых районах Эстонии, Белоруссии, в скандинавских странах, в Австралии, словно кто-то раскидал ее невидимые очаги по свету. Болотная болезнь, кустарниковая, прибрежная, соляная — ее всюду называют по-своему.

Никогда не отрывая организм от окружающей среды, считая их неразрывным целым, профессор Берзинь понимал, что причину болезни следует искать именно в почве, растительности и климате этих «заколдованных» мест.

Наука уже знала болезни, как бы привязанные к определенным районам: зоб у жителей гор, возникающий из-за недостатка иода, болезнь зубов, когда эмаль изъедена даже у детей только потому, что в воде слишком много фтора.

Исследователи открывают все новые и новые жизненно необходимые химические элементы, хотя и входят они в состав организма лишь в ничтожных количествах. За это они и получили название микроэлементов.

Какой же из них мостит дорогу сухотке? Опасен ли его недостаток или страшен избыток? Как начать розыски незнакомца, когда не знаешь, каков он?

Когда пришло известие о здоровом стаде лесничества, профессор решил немедленно его навестить. Да, там коровы действительно не подвержены сухотке, и молодняк выращивается на месте, а не привозится издалека, как повелось в этих краях. В лесничестве не болеют овцы.

Но от внимательного взгляда профессора не ускользнула ни одна деталь кормления. Почему-то бутылка сладкой мелассы — кормовой патоки — входит в рацион каждой коровы, словно все они здесь сластены. И овцы также прикладываются к ней ежедневно.

Уж не в сладком ли сиропе скрывается «эликсир жизни»?

Колбы и пробирки в лаборатории на этот раз заполнены темно-бурой жидкостью. Ее выпаривают, осадок прокаливают, обрабатывают кислотами. Анализы проводят необыкновенно тщательно. Не должны ускользнуть самые ничтожные доли составных веществ. Профессору становится ясным, что дело именно в микроэлементах и погоня должна идти за миллиграммами и даже гаммами — миллионными долями грамма.

И вдруг среди привычных элементов в мелассе был обнаружен кобальт. В килограмме сиропа его оказалось около 1,4 миллиграмма, что, однако, значительно больше, чем в почвах, на которых поселилась сухотка, и в 30 раз больше, чем в сене, выращенном на них.

Но, быть может, не следует утверждать жизненной силы за кобальтом? Возможно, это лишь случайный попутчик, и действие его на организм безразлично? Это должен разрешить опыт.

Выбрали хозяйство «Тирели», в двадцати шести километрах от Риги. Земли там торфянистые, песчанистые. Обильные осадки усердно промывают рыхлую почву, унося в глубину все, что «плохо лежит», в том числе и кобальт.

Действие кобальта решено было проверить на овцах: они еще более чувствительны к сухотке. Овец подобрали одинаковых по возрасту, весу, упитанности. Их содержали в равных условиях, давали одинаковый корм. И все-таки животные уже вскоре начали отличаться друг от друга. Казалось, одним овцам корм шел впрок, другим — нет. Со временем разница все больше прогрессировала, а к концу восьмого месяца результаты были налицо. Все контрольные животные, не получавшие кобальтовой подкормки — ничтожной дозы в несколько миллиграммов,— погибли к концу этого срока. Не знающая пощады сухотка высушила их. Подопытные же овцы были в прекрасном состоянии: не только не замечалось никаких признаков болезни, но все они нормально прибавили в весе, у них значительно улучшился состав крови.

Вывод был ясен: кобальт необходим для поддержания жизни, его действие невозможно заменить ни килограммами самой питательной пищи, ни прибавкой витаминов, ничем.

Ну, а способен ли кобальт вылечить уже заболевших животных? Может ли он быть лекарством? Результаты получились ошеломляющими. Уже на седьмой день после приема кобальта у больных сухоткой коров восстанавливается аппетит, а через месяц, полтора болезнь проходит бесследно.

Кобальт служит и гарантированным профилактическим средством, предохраняющим животных от заболевания.

Замечена была и интересная особенность животных откладывать излишки кобальта «про черный день». Мышцы и печень являются тем сейфом, где кобальт лежит до той поры, пока для сохранения здоровья не потребуется достать его из этих надежных складов, пока нужно «перебиться» «трудное время», пользуясь собственными ресурсами. Вот почему здоровые коровы, завезенные в пораженные сухоткой места, первый год сравнительно легко переносят кобальтовое голодание.

Является ли кобальт только противосухоточным средством? Каково его влияние на абсолютно здоровый организм? И здесь он проявил себя совсем неожиданным образом.

Как можно заставить животных прибавить в весе? Известно, что все зависит от того, сколь питательна и обильна пища. Однако кобальт опроверг это представление. Его ничтожные дозы способствуют лучшему усвоению пищи. И животные, получающие кобальтовую подкормку, прибавляют в весе при том же рационе в полтора раза больше по сравнению с контрольными. Кобальт повышает сопротивляемость заболеваниям, а приплод от животных, получивших кобальт, более жизнестоек.

Чем же объяснить чудодейственные силы кобальта?

Здесь ученые не сказали еще последнего слова. Но наблюдения показали, что под влиянием кобальта в организме усиливается производство витаминов, в том числе и кроветворного B_{12}. Кобальт, повидимому, входит в состав ферментов, которые активнее обрабатывают поступающую в организм пищу.

Но действие кобальта можно еще усилить присутствием меди.

Коллектив научных сотрудников под руководством Я. М. Берзиня разработал дозы и технику приема кобальта, который входит в состав таблеток, изготовленных из поваренной соли. Оказывается, далеко не безразлично, сколько кобальта скармливать животным. В несколько раз увеличенные дозы уже угнетают организм.

Прошло немного времени, и все места в Латвии, где была распространена сухотка, стали обширнейшей лабораторией по испытанию целебных свойств кобальта. За первый год массовой проверки скоту скормили более 200 килограммов таблеток. Такую «конфетку» засовывают в тесто или хлеб, прячут в картофеле, растворяют в пойле.

В настоящее время чудодейственные таблетки кобальта знают все животноводы не только Латвии, но и соседних республик. Аптеки «Зооветснаба» Латвии реализуют ежегодно уже по 3—4 тонны таблеток.

Это едва ли не одно из самых дешевых лекарств. Исцеление больной коровы обходится всего лишь в 3 рубля. А полную гарантию от болезни на год можно приобрести, затратив только 75 копеек.

Кобальт, выдержав испытание, вышел победителем из поединка с сухоткой. Ее можно считать окончательно сломленной. Сейчас не только трудно, а почти невозможно найти животное, страдающее этим недугом.

Усилиями ученых решена важная народнохозяйственная проблема, обеспечивающая дальнейший расцвет животноводства.

Профессор Ян Матвеевич Берзинь в опытном хозяйстве.
Фото В. Ридзениекса.

Новый высокоурожайный сорт орешника.

МИЧУРИНСКИЙ ОРЕХ

С. ФРИДЛЯНД

До глубокой осени зреют плоды в садах Центральной генетической лаборатории имени И. В. Мичурина. На тысячах деревьев ветви отягощены яблоками и грушами выведенных здесь сортов. Среди этого красочного и ароматного изобилия скромно зеленеет с виду ничем не примечательный лесной орешник (лещина). Большие богатства таятся в его плодах. В них содержится до 77 процентов жира. Из орехов приготавливаются ценные масла для медицинской, кондитерской и парфюмерной промышленности.

Еще в двадцатых годах И. В. Мичурин, скрестив мелкий лесной орешник с культурным южным фундуком, создал зимостойкий, урожайный и крупноплодный сорт. Он существует и сейчас, но наряду с ним уже поднялись новые насаждения. Работу, начатую великим ученым, продолжают сотрудники лаборатории. Из года в год растения совершенствуются и увеличи-

Наблюдения над мичуринским крупноплодным сортом орешника.

Плоды новых сортов орешника, выведенных в Центральной генетической лаборатории имени И. В. Мичурина.

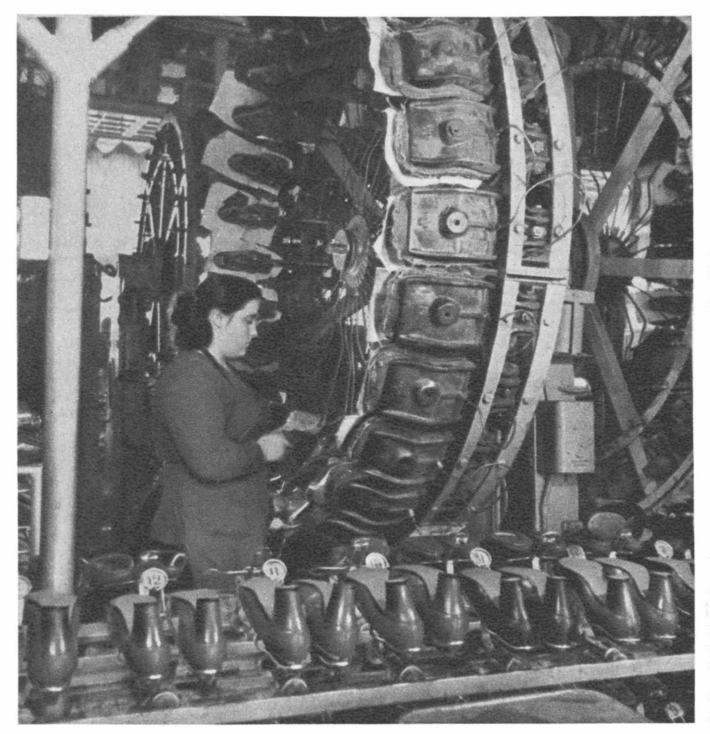
Руководитель орехоплодного отдела Татьяна Александровна Горшкова.

Техник Мария Федоровна Завязкина готовит посылки с семенами.

вается их количество. И уже не одиночные экземпляры, а десятки тысяч саженцев орешника растут в мичуринских садах.

Свыше двадцати сортов орешника (лещины), отличающихся друг от друга по вкусу, маслянистости, величине и толщине коры, создано за эти годы в Центральной генетической лаборатории. Во многие адреса уходят отсюда посылки с посевным материалом и гибридными саженцами для закладки плантаций орешника в колхозах и совхозах центральных районов страны.

Обработка участка сада с саженцами гибридного орешника.

К празднику—обувь сверх плана

Киевская обувная фабрика № 4. Коллектив фабрики, включившись в предоктябрьское социалистическое соревнование, обязался выпустить до 1 ноября 35 тысяч пар обуви сверх плана и освоить производство 13 новых моделей.

На снимке: лучшая прессовщица цеха женской обуви Т. Н. Шептицкая.

Фото Н. Козловского.

На новоселье

Супруги Булеевы — в прошлом механизаторы сельского хозяйства. Платон Григорьевич — тракторист, его жена Тамара Михайловна — комбайнер.

Из Рязани, где они жили последние годы, супруги Булеевы приехали в расположенную неподалеку Мервинскую МТС. Там их встретили радушно. Директор В. Я. Бирюков привез Булеевых к дому, где им отведена квартира. Платон Григорьевич и Тамара Михайловна остались довольны новосельем.

На снимке: Тамара Михайловна и Платон Григорьевич Булеевы и директор Мервинской МТС Василий Яковлевич Бирюков.

Фото Г. Липскерова.

Серафима Котова и ее друзья

Прямым попаданием снаряда женщина была убита. Чудом уцелели две девочки. Симе исполнилось одиннадцать лет, Нине — пять. Девочки остались сиротами: отец тоже погиб на войне.

Сейчас Сима знает твердо: страна наша богата хорошими, заботливыми людьми. Руки этих людей вынесли обеих девочек из-под развалин. Нину приютили местные жители. Пожилой подполковник Макс Владимирович Межевич, начальник госпиталя, взял к себе Симу:

— Будешь помогать мне.

Тоненьким, срывающимся голоском Сима читала вслух раненым бойцам сводки Советского Информбюро. Вела учет больных. И все свободное время читала книжки: подполковник пристрастил ее к чтению. Он сказал:

— Мне сейчас некогда, читай за меня, будешь рассказывать.

С госпиталем Сима кочевала три года. Война кончилась. Сима поехала в Калинин, работать на фабрике. По дороге остановилась в Москве посмотреть столицу. В трамвае уступила место старушке и разговорилась с ней. Старушка сказала:

— Зачем тебе в Калинин? Поступай в Москве на фабрику имени Калинина. Очень хорошая фабрика! Будешь делать шерстяные ткани.

Так Сима попала на фабрику. Секретарь комсомольской организации спросил ее:

— Ну, а учиться собираешься или нет? Сколько классов ты окончила?

— Не окончила четвертый. А учиться хочу.

Ее устроили в вечернюю школу. Сима работала прядильщицей и училась. Окончила пятый, шестой, седьмой классы. Поступила в вечерний техникум. Хорошо окончила первый курс, перешла на второй. Не давалась математика. Учитель, Евгений Иванович Волосевич, сказал ей:

— Я тебя заставлю полюбить математику. Ты способная.

И заставил. Сейчас Сима по математике получает одни пятерки. Волосевич спросил ее:

— А как у тебя дела на фабрике?

На фабрике дела как будто шли хорошо: Сима стала бригадиром прядильщиц. Ее приняли кандидатом в члены партии. Теперь она взрослый человек.

Девушка волновалась, когда слушала по радио речь товарища Маленкова на сессии. Волновалась и потом, когда вечером ходила по улице и обдумывала свою жизнь и работу. На другой день она пошла к секретарю парткома Сопталеву.

— Андрей Филиппович, давайте посоветуемся. Мне нужен нормировщик. Пусть подсчитает, сколько у нас зря теряется рабочего времени на обрывы пряжи и на остальную досаду.

Подсчитывать помогали главный инженер фабрики Дерюгин, нормировщица Майорова и другие товарищи. Подсчитали всё: и за счет чего можно сэкономить и как получить отличное качество пряжи.

— Ну, теперь за работу! Только прямо скажу: совсем я не хочу, чтобы получился вокруг этого шум и временные рекорды. Сейчас не рекорды нужны, а новая система. И не только в одной моей бригаде, а на всей фабрике. Это дополнительно тонн двести семьдесят в месяц получится, если по всей фабрике... И к каждому обязательству надо прилагать план, как думаешь его выполнить.

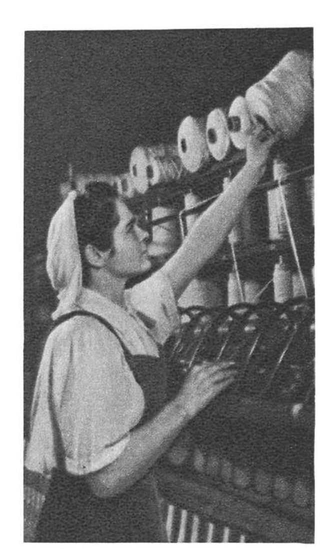
— Дело говоришь, Серафима! — внимательно взглянул на нее Сопталев.— Поддержим!

Предложение Котовой не было необычайным открытием. Новая система уже давно «носилась в воздухе». Над этим думали и многие другие. Из разговоров с этими «многими другими» и родилось решение задачи. Просто Сима была смелее других. И потом она справедливо считала, что звание коммуниста обязывает ко многому.

Ее бригада обязалась ежесменно давать тридцать два с половиной килограмма пряжи сверх нормы. А дала не тридцать два, а восемьдесят. Получилось: за сентябрь — две тысячи три килограмма. А это значит: на две тысячи три костюма больше, чем задумано, получат покупатели.

Кто же произвел эту работу? Спросите Серафиму Котову. Она вам ответит:

— Дело не во мне. Дело в Рожневой и Кононенко, которые первыми сообразили, как экономить сырье. Дело в новаторах «Трехгорки», которые повысили качество продукции и за счет этого сберегли много материала. Дело родилось из разговоров работниц нашей бригады. Дело в особом образе мыслей советских людей.

Серафима Котова.

Фото Б. Вдовенко.

— Ну, а впереди какая главная задача перед вами?

— Не отстать по физике и черчению в техникуме,— просто отвечает Серафима Котова.

П. КРАВЧЕНКО

С маркой «Марат»

Начальник ОТК трикотажной фабрики «Марат» В. Удельт принимает новые модели.

Фото С. Розенфельда.

Многим покупателям в Эстонии и за ее пределами хорошо известны изделия с маркой трикотажной фабрики «Марат»— трикотажное и шелковое белье, хлопчатобумажные, полушерстяные и шерстяные верхние вещи.

Перед нами стенд с новой фабричной продукцией. Здесь шелковое белье удобного покроя, с красивой кружевной отделкой, теплые шерстяные кофты с длинными рукавами и нарядные шерстяные джемперы и свитеры с короткими рукавами. Это последние модели, созданные художниками «Марата» Хермильдой Каган и Линдой Пальтсмар. Восемь новых моделей и шесть новых переплетений полотна, одобренные покупателями на выставках, пошли в массовое производство.

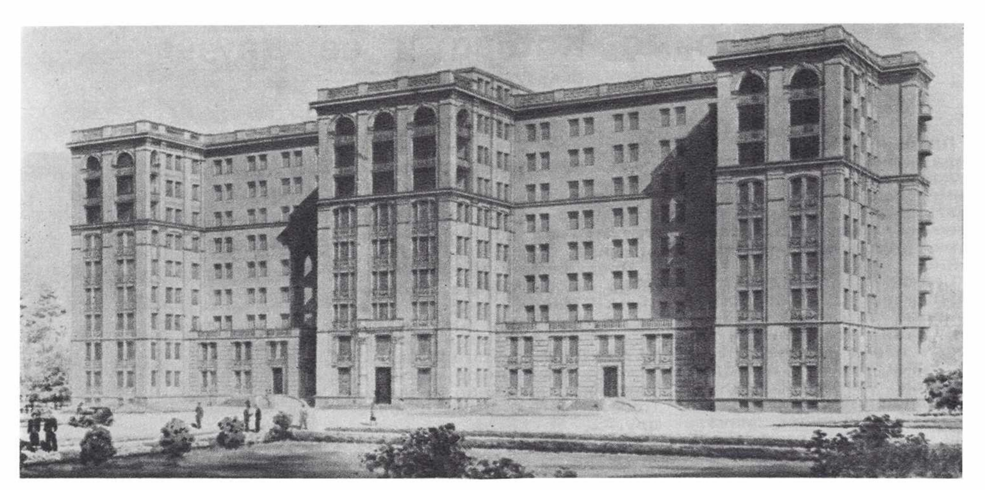
Фабрика перевыполнила план девяти месяцев, сдав в магазины 169 тысяч изделий сверх задания.

Помощник мастера Марет Риндберг предложила механизировать ручные станки, в результате чего резко увеличился выпуск шерстяных изделий.

Слесарь Хенард Тээс переделал машину для пришивки этикеток. Введена новая рецептура химикатов-красителей. Цех индивидуального пошива в IV квартале этого года увеличит выпуск продукции вдвое.

Н. ХРАБРОВА

Проект главного корпуса новой больницы в Москве. Авторы — архитекторы Н. Н. Прохоренко, М. Н. Идельсон, А. И. Криппа.

10-этажная больница в Москве

На шоссе Энтузиастов, там, где кончается территория Москвы и начинается город Перово, строится новое больничное здание. Оно будет иметь в своей центральной части десять и во флигелях — девять этажей.

В новой больнице достигнута централизация в одном здании всех отделений, включая приемный покой, палаты, лечебные кабинеты, лаборатории, аптеку, кухню лечебного питания. Это создает максимальные удобства для больных.

Больница рассчитана на 400 коек, из них 50 для детей. В главном корпусе будут терапевтическое, нервное, хирургическое, урологическое, глазное и другие отделения.

Приемное отделение разместится в первом этаже. Отсюда больные на лифте попадут непосредственно в свои палаты. Нижний этаж займут также грязелечебница, водолечебница и физиотерапевтические кабинеты. Три этажа центральной части здания отведены под операционные. На шестом этаже расположатся большие рентгеновские кабинеты.

Комнаты в больничных отделениях небольшие, на одного—двух человек. Все они выходят окнами на юг. Предусмотрено много открытых и застекленных веранд.

Больница оснащается совершенным медицинским оборудованием.

Уже закончено сооружение фундамента и первого этажа главного здания. Через несколько месяцев начнет функционировать один корпус, в котором сейчас идут отделочные работы.

Я. ЯКОВЛЕВ

Выставка в Суздале

В этот день улицы древнего Суздаля, всегда тихие и спокойные, выглядели необычно. С рассветом к центру города со всех сторон потянулись повозки, тарантасы, всадники, пешеходы, а часом позже — грузовики и легковые автомобили. За повозками двигались точно сошедшие с васнецовского полотна богатырские кони: вороные, без единого светлого пятнышка и в щегольских «чулках», темногнедые с белыми отметинами, рыжие, карие, чалые...

Потоки людей, повозок и автомашин стекались к большому полю. Зрителями и участниками праздника были «болельщики» отечественного коневодства.

Чемпион выставки Салют.

Фото Г. Маврина.

Владимирская область издавна славится конями-тяжеловозами. Отдельные из них «поднимают» до десяти тонн груза. На выставке племенного коневодства показывали своих питомцев государственный завод и фермы колхозов Владимирского, Суздальского и Небыловского районов.

Обширное поле огорожено коновязями. Каждому колхозу, участнику выставки, отведено свое место — «гнездо».

После короткого митинга раздается команда:

— Подготовиться к чемпионату!

В образовавшийся перед трибуной круг начинают вводить коней. Жеребцы-тяжеловозы идут по кругу, гремя цепями. Особенно выделяется статный и высокий жеребец под кличкой Веселый. Он косит озорные глаза на трибуну, внезапно останавливается и высоко поднимает голову. Весь корпус напружинен так, будто это красивое животное собирается подняться в воздух.

Пройден один круг, второй, третий... Раздается команда:

— Вывести из круга Пакета и Графчика!

Два кандидата в чемпионы не выдержали соревнования в силе, красоте и породистости. Теперь уже на кругу не восемь, а шесть претендентов на первенство. Снова судьи что-то говорят друг другу, и снова раздаются команды:

— Вывести Баркета!

— Вывести Руслана!.. Вывести...

В кругу остаются два коня: Веселый и Салют. Трудно отдать предпочтение одной из этих лошадей.

Зрители сгрудились вокруг трибуны. Когда выводят Веселого, они выражают свое одобрение бурными аплодисментами.

Победил Салют, выращенный фермой колхоза «Путь к коммунизму», Суздальского района. Нет спору, красив Веселый! Но у него частица рысистой крови предков. А Салют — чистопородный владимирский тяжеловоз. Работоспособности и мощи отдано предпочтение перед красотой и скоростью бега.

Конюх Василий Иванович Лылин с облегчением отирает выступивший от волнения пот, берет своего любимца под уздцы и совершает с ним почетный круг чемпиона.

Начинается смотр конематок. В кругу почти вдвое больше лошадей. Некоторые «мамаши» прибыли на чемпионат со своим потомством. Среди карих, светлогнедых и рыжих кобылиц выделяется гнедая Норка, принадлежащая колхозу имени Ворошилова, Суздальского района. Прижимаясь к боку матери, разделяя ее славу, рядом идет стройный жеребенок-сосунок. Норке присуждается первенство.

Я. ФОМЕНКО

Турнир в Швейцарии

13 ОКТЯБРЯ. Финиш в этом турнире интересен тем, что партии между четырьмя гроссмейстерами, претендующими на первое место,— Смысловым, Решевским, Кересом и Бронштейном — волею жребия состоятся в последних турах.

Сегодня одна из таких встреч: Смыслов — Керес. Одна газета отметила, что Кересу уже 37 лет, и если ему хочется играть матч с чемпионом мира, то надо этого добиваться сейчас, пока не поздно. Газета считала, что партия со Смысловым — самая важная партия в жизни Кереса. Керес играл слишком азартно. Смыслов, со свойственным ему хладнокровием, выиграл ее довольно быстро, проведя сокрушительную контратаку.

14 ОКТЯБРЯ. В двадцать пятом туре состоялась решающая партия: Смыслов — Решевский. Вскоре стало ясно, что она закончится не в пользу американского гроссмейстера. Его позиция была пассивной, и он дважды начинал переговоры о «перемирии». К перерыву Решевский потерял две пешки, и исход партии был предрешен.

Потерял надежды и Бронштейн. Геллер хладнокровно забрал все, что ему рискованно пожертвовал противник, и Бронштейну пришлось сдаться.

15 ОКТЯБРЯ. Сегодняшний день доигрывания надолго останется в памяти американского гроссмейстера. «Черный день» Решевского начался с того, что при появлении в зале Геллера он спросил его: «Вы будете продолжать партию?» Советский гроссмейстер ответил: «Еще немного поиграем». И поиграли до того, что в элементарном эндшпиле с двумя лишними пешками Решевский вынужден был согласиться на ничью.

Если я скажу, что, доигрывая затем партию со Смысловым, Решевский попал в сильнейший цейтнот, то это будет для читателей мало оригинальным сообщением. Решевский играет в шахматы, как известно, с детских лет, и кто-то пошутил, что американский гроссмейстер надеется выпустить книгу «Тридцать пять лет в цейтноте». Что касается результата партии со Смысловым, то здесь и цейтнот был не при чем. Даже при достаточном количестве времени у Решевского не было защиты от неизбежного мата. Он сдался на 56-м ходу. Итак, вопрос о победителе турнира практически решен. Смыслов сильно оторвался от остальных участников соревнования.

17 ОКТЯБРЯ. Смыслов с Бронштейном и Решевский с Кересом согласились на ничью.

«Болельщиков» теперь уже волнует вопрос не о победителе турнира, а кто займет второе место, кто попадет в первую четверку. Некоторых еще интересовал вопрос, кто займет последнее место. Но этот вопрос уже решен. Такую неприятную роль должен взять на себя шведский гроссмейстер Штальберг.

18 ОКТЯБРЯ. Смыслову теперь не обязательно выигрывать. Его вполне устраивают и ничьи. Сегодня с Глигоричем, после спокойной игры, лидер быстро согласился на ничью.

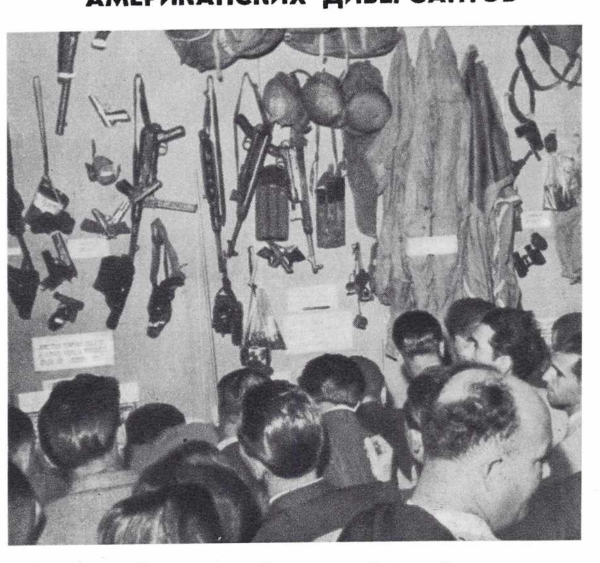
Темпераментная схватка Котов — Найдорф протекала очень напряженно. Найдорф несколько раз вскакивал с места, чтобы сообщить зрителям, что Котов вот-вот сдастся. Но Котов не думал сдаваться, и при откладывании партии Найдорф уже предложил ему ничью. Противник ответил, что еще подумает.

До конца турнира остается три тура, но претендент на матч с чемпионом мира уже выявлен. В матче на первенство мира встретятся два представителя передовой советской шахматной школы — Михаил Ботвинник и Василий Смыслов, два москвича, два гражданина Советского Союза.

Гроссмейстер Сало ФЛОР

г. Цюрих (по телефону).

«ОРУДИЯ ПРОИЗВОДСТВА» АМЕРИКАНСКИХ ДИВЕРСАНТОВ

Недавно бухарестский военный трибунал вынес справедливый приговор группе шпионов, диверсантов и убийц, заброшенных американской разведкой в Румынию. В зале, где проходил процесс, были выставлены вещественные доказательства преступных действий этих бандитов. Среди прочего «снаряжения» (часть которого запечатлена на нашей фотографии) фигурировали парашюты, автоматы, пистолеты, гранаты, ножи, карты, радиопередатчики и приемники, взрывчатка, яды, приборы для подделки документов, шифры, коды и т. д. Абсолютное большинство этих предметов было изготовлено в США.

ВСТРЕЧИ

Заметки с III Всемирного конгресса профсоюзов

К. НЕПОМНЯЩИЙ.
Специальный корреспондент «Огонька».

Плодотворная работа Всемирного конгресса профсоюзов продолжается и в перерывах между заседаниями. Делегаты разных стран по-братски обсуждают пути совместных действий в защиту жизненных интересов трудящихся, национальной независимости, пути борьбы за хлеб, свободу и мир. На днях встретились делегаты Франции и Вьетнама. Голландцы имели сердечную беседу с делегатами Индонезии. Объединенная делегация немецких рабочих встретилась с делегацией Польши, а затем — Чехословакии. Эти встречи происходят везде: за обеденным столом, в холле Концертхауза, в зале Моцарта, даже в машинном бюро конгресса и в комнате прессы, откуда беседующие делегаты понемногу вытесняют корреспондентов.

Значение этих дружеских бесед трудно переоценить. Люди находят друг для друга задушевные слова, говорящие о глубоком взаимном понимании. Обсудив все, что их волнует, они расстаются, чтобы... назавтра встретиться снова и снова делиться опытом борьбы.

Все еще продолжают прибывать делегаты. Только что появился представитель одной из стран Черной Африки. Ему протягивают руки, и вот уже здесь, на лестнице, началась беседа. Со всех сторон слышатся вопросы и ответы, рассеивая ядовитый туман лжи, с помощью которого лагерь реакции хотел бы разъединить рабочих разных стран...

Заглянем в один из уголков Концертхауза после заседания. На третьем этаже в небольшой комнате собралось человек пятнадцать. Идет дружеский разговор делегатов из Советского Союза и Англии.

* * *

На этой встрече было два председателя: Джек Лайден, докер из Ливерпуля, и Василий Крестьянинов, московский профсоюзный работник. В тесном кругу сидели вместе: советский каменщик Герой Социалистического Труда Петр Давыдов и Сидней Уайт, швейник; Николай Грузинцев с Московского автозавода и Эдуард Франклин, лейборист с тридцатилетним стажем.

— Мы собрались с вами, английские друзья,— говорит Крестьянинов,— чтобы обменяться впечатлениями, поговорить по душам о том, что нас одинаково волнует,— о правде и мире.

— По душам? — повторяет с удовольствием Тэд Диккенс, лондонский докер, немолодой уже человек, в костюме, который выглядит тесным на его атлетических плечах.— Это хорошо, и я рад, что мы встретились.

Вынув из кармана записную книжку, он начинает разговор.

С 1947 года стоимость жизни в Англии значительно возросла, а заработная плата повысилась только на 35 процентов. Это говорит о многом.

В голосе лондонского докера чувствуется тревога. Условия труда ухудшаются, налоги растут. Тэд Диккенс считает, что если бы рабочие Англии не вели борьбы за свои права, то они были бы отброшены на шестьдесят лет назад.

Эдуард Франклин, секретарь отделения профсоюза в Оксфорде, не согласен с Диккенсом:

— Я не хотел бы, чтобы наши советские коллеги вынесли такое мрачное представление об Англии. Если послушать Тэда, то можно придти к выводу, что нас скоро придется хоронить...

Но никто не смеется этой шутке.

— Не все английские рабочие,— продолжает Франклин,— находятся в таких тяжелых условиях. Очень многое зависит от того, в какой отрасли промышленности вы работаете.

— Я расскажу о себе,— встает молодой ирландец Патрик Махони. Он называет свою профессию — строитель.

— Сколько вы зарабатываете? — спрашивает Давыдов.

Давыдов — тоже строитель, и ему особенно интересно услышать рассказ английского «товарища по оружию».

— Семь фунтов в неделю,— отвечает Махони.— Двадцать пять процентов этой суммы уходит на квартиру.

— Сколько же у вас комнат?

— Одна. Мы, ирландцы, живем в Англии небольшими колониями. Десять комнат — десять семей.

— А дети у вас есть? — спрашивает ткачиха Анна Федосеева.

— Нет еще,— смущенно отвечает Махони.

— Пусть скажет семейный человек, — замечает Джек Лайден.

— Я женат,— улыбаясь, снова вступает в разговор Тэд Диккенс.— За квартиру я плачу двадцать четыре шиллинга в неделю. Считайте, Эдуард! — обращается он к оксфордцу.— Итак, шесть шиллингов — уголь, семь шиллингов — газ и электричество, дорога на работу и домой, пачка сигарет. Обед я не считаю, потому что беру с собой из дома. Работаю с семи утра до семи вечера, а остается у меня на все прочие расходы четыре фунта в неделю — половина заработка. Четыре фунта на семью и все хозяйство. Сознайтесь, что это немного, Эдуард.

Эдуард Франклин не успевает ответить, потому что слова просит Вик Ричер, пекарь.

— Да что говорить,— начинает пекарь,— жизненный уровень у нас снижается. Мы все реже ходим в кино, театр. Все чаще закрываются детские сады. Моя жена хотела бы мне помочь и пойти работать. Но что делать с детьми? Их трудно куда-нибудь пристроить. За квартиру я плачу не очень много: пятнадцать процентов заработной платы. Но живу во временном стандартном доме. Говорят, что его скоро снесут, тогда придется переехать в каменный дом с удобствами. Не думайте, что это меня радует — я должен буду платить за квартиру раза в два больше. Не знаю, что я буду тогда делать. Ведь у меня семья в пять человек...

— Выкупаете ли вы все продукты по карточкам? — спрашивает советский делегат Е. Чередниченко.

— Пять с половиной миллионов англичан не могут полностью выкупить паек, потому что им не хватает денег.

Так перед советскими делегатами раскрывается картина жизни и быта их английских товарищей.

— Кто еще хотел бы сказать что-либо?

Наступает короткая пауза.

— Два слова,— поднимает руку швейник Сидней Уайт.

Он не делегат конгресса, а наблюдатель. И послали его в Вену непосредственно сами рабочие, а не профсоюз швейников. Сидней Уайт не принадлежит ни к одной из политических партий Англии, и рабочие послали его потому, что верят в его беспристрастность.

Мы познакомились с Уайтом уже на второй день после открытия конгресса. Он охотно дал тогда интервью. Отвечая на вопрос, чего ожидают его товарищи, английские рабочие, от конгресса, Уайт сказал:

— Лондонские швейники — народ боевой. Они успешно защищают свои права. Они послали меня поближе познакомиться со Всемирной федерацией профсоюзов с тем, чтобы я потом честно и открыто доложил им о своих впечатлениях.

На вопрос о том, каковы эти впечатления, Сидней Уайт заметил, что конгресс профсоюзов проходит в атмосфере дружбы и сердечности, что трибуна конгресса действительно свободна для каждого участника и никто здесь не испытывает никакого давления, хотя об этом и пишет «Манчестер гардиан». Ему нравится, что каждый участник конгресса может внести любое предложение и оно будет всесторонне обсуждаться.

— Главное,— сказал он,— демократический характер конгресса профсоюзов...

Этот разговор состоялся у нас несколько дней назад. Послушаем Сиднея Уайта сейчас.

— Может быть, я плохо разбираюсь в политике,— говорит он.— Но, покидая Лондон, я обязался не вступать ни в одну политическую дискуссию.

— Но хотя бы вопросы наблюдатели могут задавать? — спрашивает Крестьянинов.

Все смеются. Это веселый, дружеский смех.

— Конечно,— отвечает за Уайта Эдуард Франклин.— Вот у меня вопрос. Как вы знаете, в нашей стране забастовки не очень поощря-

Здание Концертхауза.

Патрик Махони, строитель из Англии (слева), и Герой Социалистического Труда советский каменщик Давыдов.

На выставке подарков, присланных конгрессу из разных концов земного шара.

Участники конгресса приветствуют делегата Черной Африки.

ются предпринимателями. Но мы можем забастовать, если захотим. А как обстоит с этим дело в Советском Союзе?

На этот вопрос желает ответить Николай Грузинцев с Автозавода имени Сталина.

— Я двадцать пять лет работаю на автозаводе,— говорит он.

— А я — тридцать пять лет, и тоже на автозаводе,— замечает Франклин.

— Тем легче нам понять друг друга,— продолжает Грузинцев.— У нас, в Советском Союзе, забастовок нет, не было и не может быть. Где вы видели, чтобы когда-нибудь забастовал хозяин завода? А мы, советские рабочие, хозяева своих заводов.

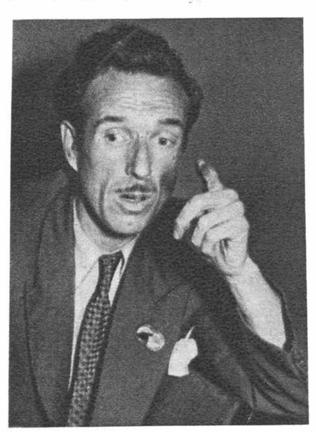
Английские делегаты слушают, стараясь не проронить ни слова. Многие записывают слова москвича в блокноты.

— Мы работаем на себя,— продолжает Грузинцев,— на свой народ. У нашего государства много забот, но самая первая, самая святая забота — о рабочем, о его труде и его благе. Об этом не раз заявляли руководители нашего правительства, и не только заявляли: вся их энергия направлена к этому. Можно привести много фактов. Но уже из сказанного ясно, что у нас нет причин для забастовок. На каждом заводе, в каждом цехе в составе профсоюзных организаций есть комиссии по заработной плате. Они внимательно следят за тем, чтобы советские законы о труде соблюдались самым неуклонным образом.

— Вы удовлетворены ответом?— спрашивает председательствующий у Франклина.

— Вполне.

— Но вот у меня еще вопрос,— говорит Патрик Махони.— Английская печать утверждает, что большинство советских людей не имеет понятия об истинном положении дел в Англии. Мне бы хотелось узнать, действительно ли это так.

Сидней Уайт.

Английские делегаты оживлены. Видно, что поднятый вопрос их очень интересует.

Слова просит Герой Социалистического Труда Давыдов.

— С детских лет у нас воспитывают человека в духе уважения к другим народам, к их культуре, традициям,— говорит он.— У нас, в Советском Союзе, уважают английский народ. Просмотрите наши газеты и журналы, послушайте наше радио. Там часто публикуются статьи о жизни Англии, о быте рабочих. Мы хорошо знаем английских борцов за мир, их статьи и речи тоже очень часто печатаются у нас. Боюсь напамять называть цифры, но книги многих английских писателей — классиков и современных — все время выходят у нас очень большими тиражами. В нашей печати часто публикуются телеграммы из Лондона.

— Имеете ли вы возможность познакомиться с английскими пьесами? — спрашивает пекарь Ричер.

— Перед отъездом из Москвы,— отвечает советский делегат Рухикян,— я как раз видел спектакль «Домби и сын», по Диккенсу, на сцене Художественного театра.

— Я присутствовал на постановке пьесы Уайльда «Идеальный муж», — замечает Чередниченко.

— Боюсь,— говорит Давыдов, — что ваши, английские рабочие в противоположность советским мало знают о жизни в СССР.

Возможно, разговор на эту тему продолжался бы долго, но снова попросил слова швейник Сидней Уайт:

— Мне кажется, меня неверно поняли. Я обещал не вступать ни в какую политическую дискуссию не потому, что я боюсь каких-либо репрессий или потерять свое положение, свой авторитет. Мне не хочется, чтобы кто-либо мог придраться ко мне и нанести ущерб моему профсоюзу.

— Это, конечно, — ваше дело,— замечает председательствующий.— Есть ли еще какие-нибудь вопросы?

— Да, есть, — отвечает Эдуард Франклин.— У меня создается впечатление, по вашим рассказам, что у вас, в Советском Союзе, все уж очень хорошо. Верно ли это?

— Конечно, дела идут у нас хорошо,— отвечает сталинградец Вдовин.— Мы гордимся успехами своего народа, потому что они на самом деле изменили нашу страну, нашу жизнь, наше сознание. Подумайте только: шесть раз за последние годы снижались цены! Все время повышается заработная плата, повышается жизненный уровень трудящихся. В речи главы советской делегации Николая Михайловича Шверника приводились факты и цифры о строительстве школ, домов отдыха, жилых домов. Эти факты, господин Франклин, говорят, как нам кажется, сами за себя.

— Неужели у вас нет недостатков? — Франклин искренне задает этот вопрос: он хочет лучше понять то, что ему рассказывают.

— Нет, почему же, у нас есть и недостатки. Не хватает, например, жилья. Мы должны увеличить производство товаров народного потребления хорошего качества. Об этом открыто пишет наша печать. Об этом открыто мы говорим на своих собраниях. Об этом говорил на последней сессии Верховного Совета председатель Совета Министров СССР Георгий Максимилианович Маленков.

— Но мы сами хозяева и сами боремся с недостатками,— вступает в разговор Крестьянинов.— За десять лет, с 1951 по 1960 год, мы в одной Москве должны построить около десяти миллионов квадратных метров жилплощади. Это почти половина жилого фонда, который имеется сейчас в Москве.

— В Англии общепризнано,— замечает Франклин,— что Советский Союз добился больших успехов.

— Английская печать утверждает, что жизненный уровень в Советском Союзе ниже, чем в Англии,— говорит инженер Эдди Фроу из Манчестера.— А английские делегаты, побывавшие в Москве и в других советских городах, говорят другое.

Кое-что желал бы добавить к словам Эдди Фроу пекарь Ричер.

— Большая английская пресса,— говорит он,— освещает все события в кривом зеркале. Например, проведенное в СССР снижение цен на продовольственные и промышленные товары британская пресса объяснила тем, что будто бы в Советском Союзе приближается экономический крах.

Наши делегаты весело смеются.

— Вспомните, друзья,— замечает Чередниченко,— что пишет «Манчестер гардиан» о нашем конгрессе. Специальный корреспондент этой газеты сообщил, что заседания конгресса проходят в пустом зале!

На этот раз смеются и английские делегаты.

— Мы правильно делаем,— говорит один из них,— что собираемся за общим столом.

— Чем чаще мы встречаемся, тем лучше понимаем друг друга,— отвечает на это Грузинцев.

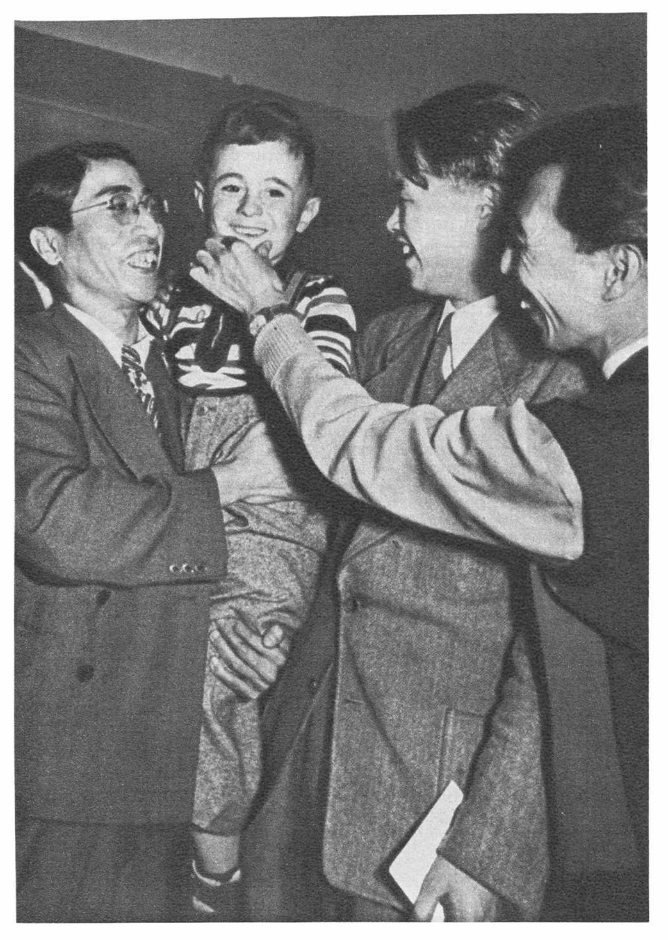
— Мы счастливы, что встретились и побеседовали с вами, советскими людьми,— заявляет от имени английских делегатов Джек Лайден.

— Мы тоже искренне рады этой встрече,— отвечает Крестьянинов.

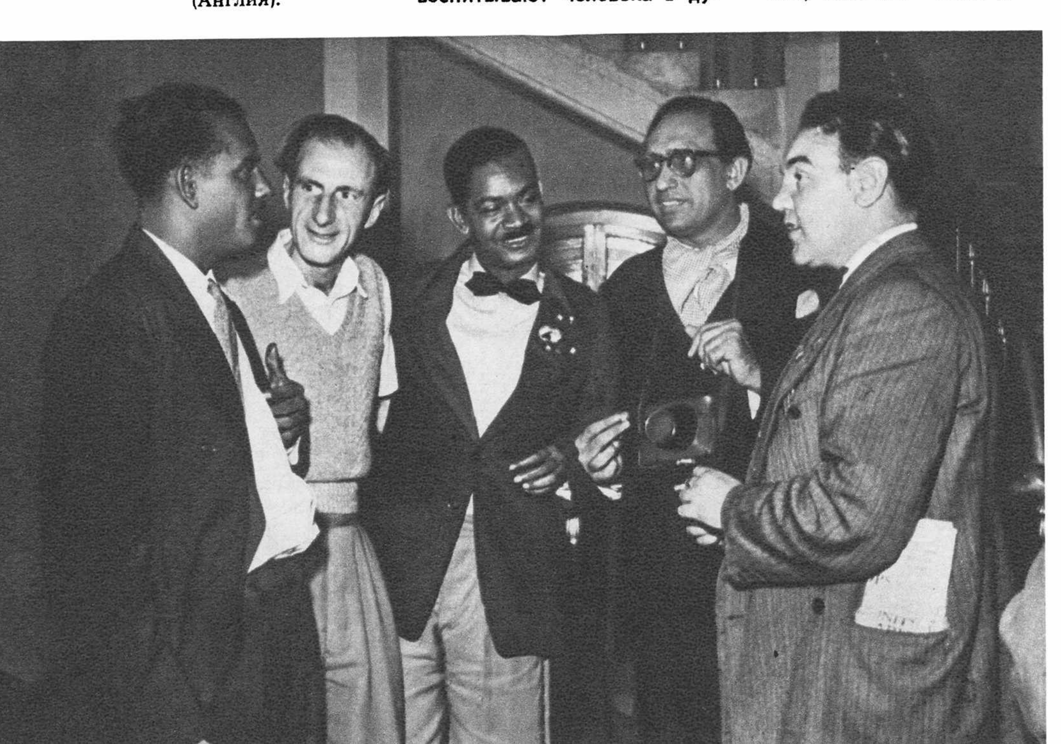
Собеседники тепло прощаются и благодарят друг друга. Английские делегаты говорят:

— Мы сделаем все, чтобы правдивое изложение этой беседы стало известно широким слоям английских трудящихся.

Вена, 19 октября (по телефону).

Японские делегаты завели в Вене новых знакомых.

Участники конгресса (слева направо): Рам Карран (Британская Гвиана), Вик Ричер (Англия), Брентон Блэкмэн (Британская Гвиана), Абдул Азиз (Цейлон), Джек Лайден (Англия).

Международные футбольные встречи

В середине октября Москву посетили футболисты старейшего австрийского клуба «Рапид» и молодого венгерского клуба имени Дожа.

Оба эти коллектива принадлежат к числу команд международного класса.

Игроки венского клуба «Рапид», имеющие в своем активе множество побед, в том числе победы над лучшими английскими командами, славятся высокой техникой обращения с мячом и мелкой передачей. Они это хорошо показали во встречах с московскими командами «Спартак» и «Динамо».

Но австрийские футболисты оказались очень прямолинейны и, как мне кажется, консервативны в своей тактике. Они играли по заранее «отработанному» рисунку в атаках и очень рискованно покидали оборонительные рубежи.

Австрийские защитники часто уходили вперед, обнажая фланги. Этим и нужно объяснить совершенно свободную игру крайних нападающих как «Спартака», так и «Динамо».

Московские спартаковцы хорошо использовали эти особенности венской манеры игры. Растянув фронт атак, москвичи быстро продвигались к лицевой линии и оттуда передавали сильные продольные мячи вдоль ворот. Именно «фланговые удары» и помогли «Спартаку» закончить первую половину встречи со счетом 3 : 0. Интересно, что голы были вбиты крайними нападающими А. Ильиным и А. Парамоновым. Хотя во второй половине тренер «Рапида» И. Уридиль и изменил тактику обороны (как он изменил ее в следующей игре с «Динамо»), все же спартаковцы доминировали на поле, часто обстреливали ворота и вынуждали хороших защитников Э. Хаппеля, М. Меркля и К. Гисера играть с полным напряжением.

В один из моментов атак Н. Симонян сумел обвести трех защитников, затем вратаря В. Цемана и ввел мяч в ворота «Рапида». Счет стал 4 : 0.

Так и закончилась эта интересная международная встреча. Спустя два дня против «Рапида» выступили динамовцы столицы. Первую половину встречи они провели в быстром темпе, с которым явно не справлялись венские гости. Фланговые атаки сменяли одна другую; В. Рыжкин и В. Фомин легко проходили к лицевой линии; мячи летели к штрафной площадке, но там нить атаки обрывалась.

Поставленный на место центрального нападающего полузащитник В. Савдунин не мог справиться со сложной ролью лидера атак. У него для этого, видимо, нет ни достаточных технических навыков, ни тактической изобретательности, ни, наконец, точного удара по воротам. Мало одной лишь физической силы и резкости, чтобы исполнять роль центрального нападающего. Кажется, это ясно для всех, кроме... тренеров «Динамо».

Вторую половину встречи динамовцы провели не в полную силу и тем дали возможность венским футболистам выиграть матч (2 : 1).

В минувшее воскресенье московская команда «Спартак» выступила против венгерских футболистов.

Клуб имени Дожа не имеет в своем активе громких побед в международных состязаниях. Тем не менее его выступление, как одного из сильнейших коллективов Венгрии, представляло большой спортивный интерес.

Так же, как и футболисты «Рапида», венгры обладают высокой техникой обращения с мячом, но в отличие от австрийских игроков применяют разнообразную тактику в атаках, хорошо координируют действия всех линий команды, наконец, умеют «держать» своих подопечных.

В игре со «Спартаком» все это продемонстрировали венгерские футболисты, среди которых хочется отметить нападающих М. Тота, Б. Эгреши и Г. Ашпирань.

Однако гости не рассчитали своих сил.

После перерыва спартаковцы предложили быстрый темп, и он оказался не под силу венгерским спортсменам. Они устали. Нападающие же москвичей вели атаку за атакой. Вскоре Н. Симонян с близкого расстояния открыл счет, затем он же вбил второй мяч, а И. Нетто — третий. Гости несколько растерялись. Они не ждали столь ошеломляющего штурма. Но наступательные действия москвичей продолжались: спартаковцы точно передавали друг другу мячи, быстро выходили на свободное место, точно били по воротам. Центр их нападения Никита Симонян, который был лучшим на поле, не только хорошо начинал атаки, но и сам неоднократно угрожал воротам. В один из таких моментов он вбил четвертый мяч, а под конец А. Ильин — пятый.

Со счетом 5 : 0 закончилась встреча «Спартака» с венгерским клубом имени Дожа.

И хотя гости проиграли нашим футболистам с крупным счетом, нам хочется сказать, что их манера игры оставила более цельное впечатление, чем манера «Рапида».

М. МЕРЖАНОВ

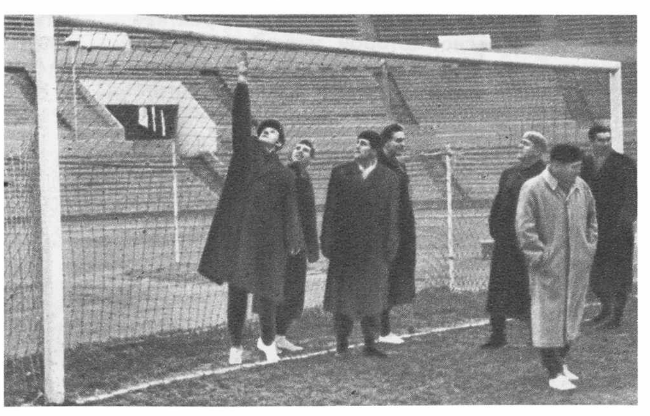
Команды «Динамо» (Москва), «Рапид» (Вена) выходят на поле.

После четвертого гола, забитого спартаковцами в ворота «Рапида».

Перед началом матча «Спартак» (Москва) — спортивный клуб имени Дожа (Венгрия). Судьи на поле. Слева направо: Н. Хлопотин, Я. Влчек (Чехословакия), Н. Чхатарашвили.

Задолго до начала матча, еще когда были пусты трибуны, венгерские гости приехали на стадион, чтобы познакомиться с состоянием поля.

↓ Команда спортивного клуба имени Дожа на улицах Москвы.

Фото А. Бочинина.

Австрийские игроки Р. Динст и И. Риглер в перерыве.

ЧЕРНАЯ ПАУТИНА

В. СВЕТАЛИН

Еще каких-нибудь два десятилетия тому назад американские миллиардеры и их представители в правительстве любили хвастать тем, что США — крупнейшая капиталистическая держава — якобы не имеет постоянных разведывательных органов. Это и тогда не соответствовало действительности: достаточно вспомнить хотя бы о ФБР — гуверовской охранке, выполнявшей функции и внешнего шпионажа,— или о немалом числе американских разведчиков в дипломатических фраках и мундирах военных атташе. Но, так или иначе, те времена давно канули в Лету. Ныне предметом хвастовства в Вашингтоне является нечто противоположное: Соединенные Штаты обладают-де самой мощной и разветвленной шпионской сетью во всем капиталистическом мире...

Действительно, в послевоенные годы методы шпионажа, подрывных и террористических действий в чужих странах в особом почете у руководителей американской политики. Можно сказать, что они стали излюбленными методами американских претендентов на «руководство» всем земным шаром.

Аппарат шпионажа и диверсий

Не успел еще смолкнуть гром пушек второй мировой войны, как американское правительство и лично президент Трумэн занялись спешной реорганизацией американской разведки. Началось усиление ее аппарата и всяческая активизация ее действий за рубежом.

В январе 1946 года мир узнал о директиве Трумэна, согласно которой учреждался центральный орган для «координации федеральной разведывательной деятельности за границей». Вслед за этим последовал принятый конгрессом «Закон 1947 года о национальной обороне». Созданный по этому закону так называемый Национальный совет безопасности взял на себя среди прочих функций также и верховную опеку над американской разведкой. Взамен ранее существовавших разведывательных органов было создано так называемое «Си-Ай-Эй» («Сентрал интеллидженс эйдженси») — Центральное разведывательное управление. Оно и стало руководящим органом всей американской службы шпионажа и подрывной работы за рубежом. В составе «Си-Ай-Эй» имеется пять главных бюро и специальная секция «И», которая возглавляет диверсионные и террористические организации, оперирующие по заданиям американской разведки за пределами США.

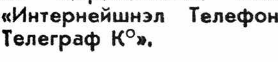
Было бы, впрочем, неправильно думать, что «Си-Ай-Эй» — единственный аппарат шпионажа в Соединенных Штатах. Многие ведомства — военное, морское, государственный департамент, министерство торговли и другие — имеют свои собственные разведки. При Национальном совете безопасности существует даже «совещательный комитет по делам разведки», который согласовывает и увязывает действия «отраслевых» разведок.

Центрами шпионажа являются и разбросанные по всему свету дипломатические и военные представительства США; достаточно вспомнить хотя бы ту руководящую роль, какую играли американские послы Артур Блисс Лэйн, Чэпин, Штейнгардт и другие в организации антиправительственных заговоров в странах народной демократии.

Но и этим дело не ограничивается. Сразу же по окончании войны американская разведка с лихорадочной поспешностью стала создавать в разных странах подсобные разведывательно-диверсионные организации и оказывать им довольно откровенное покровительство. В этих подсобных шпионских гнездах ютятся разного рода подонки общества: уголовные элементы, бывшие фашистские палачи, всякого рода эмигрантское отребье, предатели и изменники, бежавшие от народного гнева. Нынешний государственный секретарь США Джон Фостер Даллес еще в 1951 году заявил, что цель США при формировании подобных шпионско-диверсионных групп заключается в том, чтобы создать «ударную силу большой мощности», «расположить ее в удобных местах по периметру Советского Союза и использовать ее как разрушительное средство».

До 1951 года формирование всяческих «легионов» предателей и изменников происходило в США более или менее скрытно. Использовались разные «нейтральные», «благочестивые», «благотворительные» и иные вывески. Был, например, учрежден фонд Рокфеллера, официально преследовавший «благую» цель — «оказание помощи нуждающимся эмигрантам». В действительности это касса для выдачи харчевых диверсионным группам. Исподволь создавались объединения белобандитских эмигрантов, например, «Комитет борьбы за свободную Европу». На заседаниях этого «комитета» рядом с представителями эмиграции можно встретить некоторых американских деятелей, как, например, Грю, Блисс Лэйна, Аллена Даллеса и других. На деньги «жертвователей» с Уолл-стрита был состряпан и так называемый «Аграрный интернационал», возглавляемый предателем польского народа Миколайчиком и включающий подобных ему «лидеров», вышвырнутых народами в мусорный ящик истории.

Все эти очаги клеветы, предательства и диверсий создавались в Соединенных Штатах не только на средства, но и при непосредственном участии представителей американского монополистического капитала. Помимо Рокфеллера, эмигрантским бандитам бросают щедрые подачки автомобильный король Форд, банкир из моргановской группы Маккслой и многие другие. «Комитет борьбы за свободную Европу» был создан по инициативе и при прямом участии Лоуренса Джаннини — президента одного из крупнейших банков США, «Бэнк оф Америка», и Артура Пейджа — одного из директоров рокфеллеровского «Чейз нэйшнэл бэнк». Во главе созданного в 1952 году «Американского освободительного центра», цель которого — помогать заговорщицким организациям в странах народной демократии, встал Роберт Фогелер из моргановской компании «Интернейшнэл Телефон энд Телеграф К°».

Рисунки Ю. Ганфа.

Их «бюджет»

В 1951 году началась, если можно так выразиться, «новая эра» в развитии подрывной работы американской разведки: конгресс США принял так называемый «Закон о взаимном обеспечении безопасности». В законе этом имеется, как известно, вызвавшая глубокое возмущение всех честных людей мира статья о ста миллионах долларов. Эти миллионы отпущены на финансирование «любых отобранных лиц, которые проживают в Советском Союзе, Польше, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Албании... или лиц, бежавших из этих стран... либо для объединения таких лиц в подразделения вооруженных сил, поддерживающих организацию Северо-атлантического договора, либо для других целей». Автор этой статьи конгрессмен Керстен так самолично охарактеризовал ее сущность: «Моя поправка предусматривает возможность оказания помощи подпольным организациям, которые, возможно, имеются в этих странах или могут появиться в будущем».

Американские империалисты, таким образом, отказались от излишней маскировки. Эмигрантские шпионско-диверсионные шайки были отныне приняты на государственный бюджет США. Организация подрывной работы против законных правительств других стран официально была объявлена частью государственной, правительственной политики США.

Прошло немного времени после опубликования закона 1951 года, и отряды иноземных наемников, прошедших «воспитание» под крылышком американской разведки, уже начали включаться в армию США. 15 октября 1951 года, как сообщило нью-йоркское радио, в США прибыл первый такой отряд. «Старшина» отряда, некий Т. Доза, по национальности венгр, в годы второй мировой войны совершил немало преступлений, находясь в рядах эсэсовских войск на Восточном фронте.

Но «закон о ста миллионах» оказался только первой ласточкой. За ним последовали другие правительственные акты такого же рода. Для финансирования подпольной деятельности в странах народной демократии конгресс ассигновал 159 миллионов долларов и 50 миллионов долларов отпустил сверх того на подрывную работу против Китайской Народной Республики.

«Законодательство» не прекратилось и на этом. 20 июня прошлого года конгресс США принял еще один закон, расширяющий положения закона 1951 года. В новом законе прямо говорится, что деньги на шпионскую деятельность можно черпать также из сумм, отпущенных на мероприятия Северо-атлантического союза. Очередные ассигнования на так называемую «помощь иностранным государствам», утвержденные конгрессом, тоже включают в себя средства на диверсионную работу против Советского Союза и стран народной демократии. Наконец, как сообщило 13 июня этого года агентство Юнайтед пресс, правительство и конгресс отпустили новые миллионы долларов «на страны Азии».

Все эти щедрые бюджетные ассигнования за счет американских налогоплательщиков, которые отнюдь не желают враждовать с народами других стран, американская разведка обращает на создание широкой сети своих шпионско-диверсионных центров за границей. Еще летом 1948 года такой центр был основан в Швейцарии, с филиалами в Западном Берлине и Стамбуле. Швейцарский центр возглавил бывший начальник американской разведки в Европе в годы второй мировой войны Аллен Даллес.

В 1949 году был создан во Франции, в Париже, центр экономического шпионажа США в Европе. Этому центру подчинены «информационные бюро», существующие в столицах государств Западной Европы. Разумеется, все эти «бюро» не что иное, как шпионские агентства, раскиданные по всему европейскому материку.

Немалые услуги оказывают разведке Уоллстрита и лидеры правосоциалистических партий европейских стран. Здесь имеются также свои закамуфлированные разведывательные органы, часто связанные с американскими разведывательными центрами. Желтый «интернационал» этих партий — тоже в значительной степени шпионская организация. На службе у «Си-Ай-Эй» состоят и лидеры некоторых католических партий, и «святые отцы» из Ватикана, и руководители «американизированных» желтых профсоюзов Западной Европы.

А два года тому назад в Париже возник еще один «сверхцентр», координирующий все европейские разведывательные службы США и некоторых других европейских государств. Этот «сверхцентр» создан при европейском штабе агрессивного Северо-атлантического блока.

Их «кадры»

На службе у американских разведывательных центров в Европе состоит большое число (по данным американских газет, десятки тысяч) наемных диверсантов, провокаторов и убийц. Многие из них включены в различные террористические организации. Больше всего таких организаций, созданных из фашистских недобитков и всяких уголовных элементов, имеется на территории Западной Германии. Таков, например, «Белый легион», руководители которого тесно связаны с уже упоминавшимся американским конгрессменом Керстеном; таковы заслужившие грязную славу фашистские банды, сколоченные в Западном Берлине,— «Группа борьбы против бесчеловечности», нацистский «Союз немецкой молодежи» и т. п.

Американская разведка прилагает все усилия не только для вербовки на свою службу людей, готовых за деньги пойти на любое преступление. Она озабочена также подготовкой «высококвалифицированных» шпионских кадров. Для этой цели существуют специальные шпионско-диверсионные «школы» и «училища» в Европе и Америке. Более всего подобных «питомников», пожалуй, в Швейцарии. Об одном из них красочно рассказывала итальянская газета «Аванти».

В школе, говорилось в сообщении газеты, обучается около 50 человек. Большая часть учащихся — бывшие германские эсэсовцы, итальянские фашисты, бежавшие после совершения ими в своей стране преступлений против народа, югославские четники, усташи Павелича и прочие военные преступники. «Преподавательский» состав школы состоит из американских офицеров. «Директором» является швейцарец Франк Бухман, руководитель фашистской организации в Швейцарии, известной под нарочито «невинным» названием «Моральное перевооружение». Швейцарская шпионская школа, по словам корреспондента «Аванти», готовит также провокаторов для подрывной работы в рабочих партиях западноевропейских стран и в странах народной демократии.

Такие же «учебные заведения» созданы американской разведкой в Турции (так называемый «Робертс-колледж»), в Италии (в Бари, Неаполе). В Западной Германии шпионы и диверсанты обучаются в школах близ Мюнхена и около Франкфурта-на-Майне. В этих двух школах обучались, в частности, те американские шпионы, которых разведка США пыталась забросить на территорию СССР в апреле 1953 года и на территорию Польши в ноябре 1952 года и которые были своевременно выловлены советскими и польскими органами безопасности.

Черная паутина рвется

В первые послевоенные годы американская разведка из кожи лезла вон, чтобы поколебать народно-демократический строй в странах Восточной Европы с помощью заговорщицких организаций, опиравшихся на остатки разбитых народом реакционных партий. Но эти попытки были разоблачены. Провалились заговоры Маниу — Братиану в Румынии, Надь Ференца и Миндсенти в Венгрии, Миколайчика в Польше, Петкова в Болгарии и прочие. После этих поражений американские «рыцари» шпионажа и диверсий решили привести в действие свою югославскую агентуру. Но и она была раскрыта и обезврежена: всем памятно разоблачение этих агентов в Венгрии (Райк), Болгарии (Костов), Албании (Дзодзе) и в других странах. Вслед за этим наступила очередь буржуазно-националистических организаций всякого типа: были разгромлены заговоры Гомулки в Польше, Сланского — Клементиса в Чехословакии и другие.

Совсем недавно в Польше был разоблачен антинародный шпионско-диверсионный центр, вдохновителем которого был архиепископ Вышинский. В течение ряда лет этот центр получал указания американской разведки через Ватикан и через бывшего посла США в Варшаве Артура Блисс Лэйна. Так же позорно провалилась американская разведка в Германской Демократической Республике, где несколько недель тому назад была разоблачена финансировавшаяся американцами шпионская организация, действовавшая под ширмой «Института производственной гигиены». Перед бухарестским судом недавно предстала и понесла заслуженную кару группа шпионов, сброшенная на парашютах на территорию Румынии американской разведкой.

Народы демократических стран, все теснее сплачиваясь вокруг коммунистических и рабочих партий, вокруг своих правительств, повышают бдительность, зорко охраняя свои великие завоевания. С каждым днем все лучше и краше становится жизнь трудящихся стран демократического лагеря, все с большей уверенностью смотрят они вперед. Вот что обрекает на провал преступные, человеконенавистнические планы, вынашиваемые в кругах американской реакции, разрабатываемые в тайных канцеляриях американской разведки. Эти планы наталкиваются на мощный отпор миллионов и миллионов людей, готовых отстаивать до конца свою свободу и национальную независимость. Яд и кинжал, пистолет наемного убийцы, заговор не могут задержать поступательный ход истории.

Американские империалисты, несмотря на внушительные уроки, которые преподнесла им жизнь, не прекращают своей преступной деятельности. Они не желают считаться с тем фактом, что история развивается не по их предписаниям. Недавно «Комитет по вопросам психологической войны» при президенте США опубликовал новый доклад, в котором требует продолжать политику «холодной войны» и еще больше усиливать заговорщицкую деятельность против демократических государств. Поэтому боевым лозунгом народов демократических стран, как и демократических сил во всем мире, является: «Бдительность!» Миллионы простых людей зорко следят за агрессивными замыслами американских поджигателей войны и все тверже и решительнее поддерживают мирную политику Советского Союза.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ТАЛЛИНА

Борис ЭНСТ

Десятки тысяч посетителей ежегодно знакомятся в Таллинском государственном художественном музее с хранящимися здесь сокровищами. Около двадцати тысяч произведений живописи, скульптуры, графики и прикладного искусства разных времен и народов собрано здесь.

Богатый русский отдел располагает произведениями Рокотова, Боровиковского, Кипренского, Венецианова, пейзажами Шишкина, Айвазовского, Волкова, Ендогурова, жанровыми картинами Орловского, Клодта, В. Маковского, Перова, Репина, Касаткина, Архипова и других.

Значительна коллекция полотен мастеров западноевропейского искусства. Музей гордится уникальным собранием произведений эстонских художников. История национального искусства, начавшаяся еще в глубокой древности, берет свои истоки в народном творчестве.

Особо важную роль в формировании эстонской национальной школы живописи сыграло русское реалистическое искусство: нет почти ни одного эстонского художника XIX—XX веков, творчество которого тем или иным образом не было бы связано с русским искусством. Многие получали в Петербурге художественное образование, другие из-за невыносимых условий особого «балтийского порядка», установленного немецкими баронами, вынуждены были на долгие годы переселяться в Россию.

Развитие портретного жанра начато было Г. Хиппиусом, когда он, живя и работая в Петербурге, создает серию литографических портретов Пушкина, Жуковского, Карамзина, скульптора Мартоса, ученого Оленина. В пятидесятых годах прошлого века — уже у себя на родине — художник пишет два известных полотна, находящихся сейчас в экспозиции музея: «Эстонская невеста» и «Эстонская молодуха»,— передающих задушевность и красоту простых крестьянок.

Передовые художники Эстонии, обращаясь к изображению жизни простого народа, тем самым боролись за правдивое, понятное массам искусство. Один из лучших эстонских мастеров, также учившийся в Петербурге в Академии художеств, Иохан Келер, считается по праву основоположником национальной реалистической живописи.

Тесная связь с передовой русской культурой направила творчество Келера по пути служения народу. Он писал: «Я не считал, что звание художника избавляет меня от обязанностей человека и гражданина... Неужели искусство должно служить только художественным целям, — почему бы не воспользоваться им для воплощения идей, как наиболее наглядным способом передачи?». В картинах «Пробуждение от волшебного сна», «Проклятие Лорелей монахами» Келер, используя сюжеты и образы фольклора, в аллегорической форме рассказывает о судьбах эстонского народа.

Портреты, созданные Келером, глубоко раскрывали психологию, характер человека. Наиболее интересны портреты, запечатлевшие образы выдающегося художника-географа Семенова-Тянь-Шанского, ученого и дипломата Ковалевского, композитора А. Серова и основоположника эстонской литературы Фр. Крейцвальда.

Келер с любовью изображает родную деревню, мельницы, мосты, деревья и ручьи. В небольшой картине «Пряха» живописец просто и убедительно показывает беспросветную, полную горя и нужды жизнь труженицы.

Реалистические традиции национального искусства, заложенные Келером, были продолжены и развиты целой плеядой эстонских художников. Один из последователей Келера, тоже бывший ученик Академии художеств, Эжен Дюккер, создал прекрасные пейзажи родной природы, умело оживленные жанровыми сценами.

Наряду с пейзажами, передающими своеобразную красоту эстонских городов, с уличными зарисовками, в искусстве Эстонии первой половины XIX столетия появляются образы крестьян, картины о жизни деревни.

В музее имеется большое собрание работ известного эстонского художника конца XIX — начала XX века О. Гофмана, который все свое творчество посвятил изображению быта простого народа. Полевые работы, базары в Тарту, сцены в корчмах — основные сюжеты его полотен. Будучи поборником реализма, Гофман и в своем творчестве и в выступлениях в прессе боролся с формалистическими влияниями.

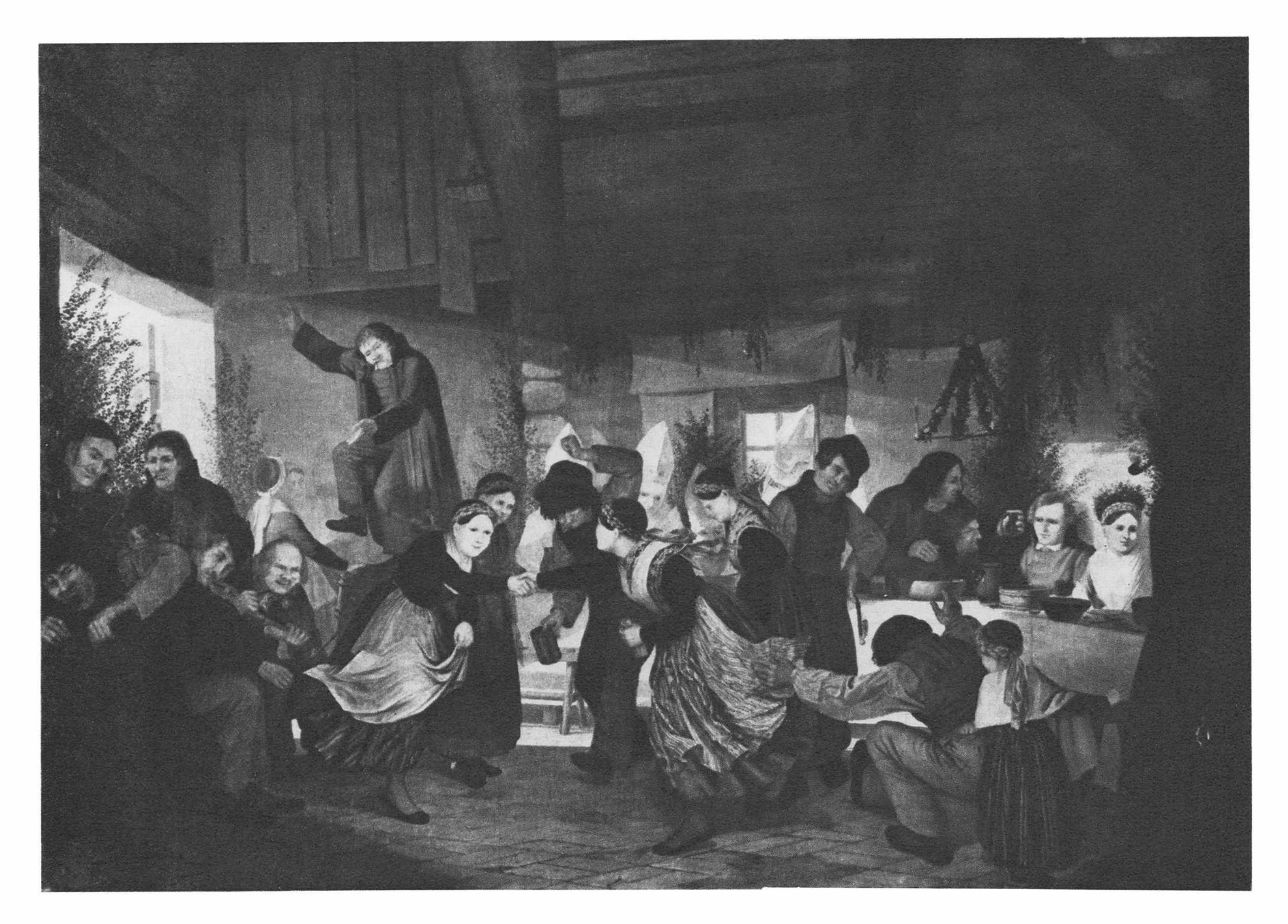
Последовательным реалистом, создавшим много прекрасных произведений, посвященных жизни эстонского крестьянства, был и А. Бохман. Так как он жил вдалеке от родины, то работы его почти не сохранились, а имя было на время забыто. Недавно найдены две его картины — «Крестьянская кузница у большой дороги» и «Эстонский большак»,— где с большим мастерством изображены природа, народ, быт.

Среди жанровых полотен, хранящихся в музее, отметим еще «Деревенскую свадьбу в Лифляндии» Э.-Г. Шлихтинга.

В период революции 1905 года передовые художники Эстонии стали на сторону народа. Так, Антс Лайкмаа вместе с учениками своей студии иллюстрирует революционные периодические издания, устраивает художественные выставки для народа. В годы реакции Антса Лайкмаа ссылают, и он вынужден жить в эмиграции. Особый интерес представляют созданные им портреты Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, А. М. Горького и прогрессивных эстонских деятелей.

Достойными преемниками лучших черт национального искусства становятся художники Советской Эстонии, овладевающие методом социалистического реализма. Фонды музея из года в год пополняются их лучшими произведениями. В нынешнем году в музее создается постоянный отдел советского искусства.

Таллинский музей организует ежегодные республиканские выставки советского и русского искусства, а также искусства братских республик. Кроме того передвижные выставки направляются в колхозные клубы, на заводы, в школы. В музее проводятся работы по изучению художественного наследия эстонского народа.

Э.-Г. Шлихтинг (1812—1890). ДЕРЕВЕНСКАЯ СВАДЬБА В ЛИФЛЯНДИИ (1841 год).

Г. Хиппиус (1792—1856). ЭСТОНСКАЯ МОЛОДУХА. 1852 год.

Государственный художественный музей Эстонской ССР (г. Таллин).

«Огонёк». 1953.

О. Гофман (1851—1912). ПОБЕРЕЖЬЕ ЭСТОНИИ ВЕЧЕРОМ (ок. 1890 г.).

Государственный художественный музей Эстонской ССР.

О. Гофман. ЛЕСОВОЗ (ок. 1890 г.).

Государственный художественный музей Эстонской ССР.

А. Бохман (1850—1931). ЭСТОНСКИЙ БОЛЬШАК. 1910 год.

Государственный художественный музей Эстонской ССР.

И. Келер (1826—1899). ИМЕНИЕ МШАТКА С БАЙДАРСКИМИ ВОРОТАМИ. 1875 год. Государственный художественный музей Эстонской ССР.

А. Шлатер (1834—1879). ВОРОТА СТАРОГО ТАЛЛИНА. Государственный художественный музей Эстонской ССР.

ЮЛЬКА

Рассказ

И. ДВОРЕЦКИЙ

Рисунки О. Верейского.

Юлька стал героем дня. Великолепно чувствуя это, он вел себя рассудительно и с большим тактом.

Нельзя сказать, что случившееся его ошеломило: и без того жизнь приносила много интересного и необычайного, особенно после вступления в пионеры. Но все же последние события превзошли все. Юлька встретил их с достоинством, мужественно, как и подобает члену совета дружины.

Началось все сразу после того, как Юлька, ударив «одиннадцатиметровый штрафной» по воротам противника, которыми служили двери их собственного подъезда, вдребезги расколотил стекло в широком окне квартиры Макаровых. Запыхавшись, в порыве крайнего увлечения, собрав для удара всю силу своих маленьких загорелых ног, Юлька забыл обо всем, кроме лежащего перед ним мяча. Ослепленный азартом, он не заметил, что мяч пошел вправо от «штанги». Юлька просто не чувствовал в этот миг веса собственного тела, а в глазах что-то ярко-преярко сверкало. Но звон посыпавшихся стекол заставил его очнуться. От страшного и непоправимого сдавило в груди. В воображении Юльки неприятность с каждой десятой долей секунды вырастала до размеров катастрофы. И, словно прозрев, он увидел разбитое стекло, катившийся по двору мяч и всю свою команду, молчаливо замершую в предчувствии бури.

«Как поправить дело?» — было первой мыслью Юльки. Предстояла расплата, которая больше всего страшила тем, что была еще впереди. И, вопреки всем пионерским законам, первым решением Юльки было бежать, что он незамедлительно и сделал под несколько запоздалые и пронзительные крики Макарихи, матери его закадычного друга Вальки.

Правда, припустив во всю мочь, Юлька все же подумал о неблаговидности своего поступка, однако опыт подсказывал, что не надо останавливаться.

Так начали развертываться события.

У самого палисадника Юлька заметил незнакомого человека. Высокий, в белой вышитой рубашке-косоворотке, подпоясанный широким офицерским ремнем, в сапогах, сильно загоревший, человек этот вошел во двор. Мгновенно, на ходу сообразив, что между его появлением и неестественно оборвавшимся криком Макарихи существует какая-то связь, обернувшаяся ему на пользу, Юлька остановился.

Что это за человек? Лицо его, с точки зрения Юльки, было взволнованно и, несомненно, торжественно. Юлька это определил, конечно, по-своему, но точно. И уже не вызывало сомнений, что незнакомец не просто случайный прохожий, потому что Макариха не только перестала ругать Юльку, но стояла теперь смущенная и улыбающаяся.

Когда, поклонившись ей, загадочный человек прошел к подъезду, она с любопытством поглядела ему вслед, а потом загадочно посмотрела на Юльку. Юлька это немедленно подметил и готов был сколько угодно спорить, что тут что-то есть.

Через минуту предчувствие его сбылось: распахнув окно, бабушка позвала Юльку домой.

Уже по тому, как она взглянула на него, едва он вошел, Юлька понял, что каким-то образом стал теперь важной персоной. Но из-за

присутствия чужого человека, сидящего на диване, а больше от какого-то неясного чувства он необычно смутился и присмирел. Лишь краешком глаза взглянув на незнакомца, Юлька остановился с опущенными по швам руками и исподлобья покосился на бабушку. «Что такое, бабушка?» — спрашивали его глаза. Вслух он спросить не решался.

Удивительным стало поведение бабушки. Бабушка, которая была самым главным человеком в его жизни, даже главнее матери, та самая бабушка, которая знала решительно все, оказалась сейчас сконфуженной не меньше Юльки.

Как маленькая, она суетилась по комнате, взяла со стола пепельницу, нивесть зачем поставила ее на этажерку, прогнала с маминого портрета муху, потом крепко схватила Юльку за руку.

— Юля,— сказала она,— это твой папа.

Юлька чего-то испугался и опустил голову.

— Ну,— ласково сказала бабушка,— ты всегда спрашивал, почему у тебя нет папы. Вот... он приехал...

Широко открытыми глазами Юлька упорно смотрел в пол. Он знал, что надо сейчас сделать: подойти и поцеловать. Но он все стоял, чувствуя, что перед ним незнакомый, чужой человек, которого он не помнил, не признавал.

Как ему хотелось иметь папу!.. Года четыре назад он не давал покоя ни бабушке, ни матери: почему, спрашивал он, у всех мальчишек во дворе есть папы, а у него нет.

Мама молчала. Бабушка говорила: «Папа твой далеко, на Севере, он тебе посылает деньги, а сам приехать не может». «Вранье,— думал Юлька,— что-то знают, а не говорят». Он пошел на хитрость. Бабушка подарила ему щенка. Лаская его, Юлька сказал: «Какой добрый барбос... у него тоже нет папы?» Тогда мама отвернулась к стене и стала вытирать слезы.

Юлька расстроился. Он любил маму. Он обхватил ее ноги и сказал: «Милая моя, хорошая мама, я не буду больше тебя обижать, сядь, мамочка, на диван...» Ему хотелось погладить ее по голове, но она такая высокая, что не дотянешься. Мама присела. Юлька обнял ее, гладил по лицу и уговаривал: «Милая, хорошая моя, солнышко мое...» Эти слова она сама всегда говорила ему, когда укладывала спать.

Ни у кого не было такой мамы: красивая, добрая, ласковая. Юлька любил дотрагиваться до ее лица, до ее рук. Руки у нее изумительно мягкие, теплые, в ямочках. И волос таких ни у кого не было — густые, шелковые. А когда мама распускала волосы, они совсем скрывали плечи и в них можно было закутаться, как в накидку.

И вот после истории со щенком Юлька перестал спрашивать о папе.

Впрочем, выяснилось все при помощи той же Макарихи. Она жила в доме много лет и все про всех знала. Она всем новым соседям рассказывала, что папа и мама Юльки развелись, что любили они друг друга безумно, а сошлись молодыми, еще студентами, и начались у них трудности и ссоры, поэтому они стали говорить, что ошиблись друг в друге, и пошли в загс, и не нашлось умных людей, чтобы их остановить...

Юлька думал, что Макариха все врет. Он терпеть ее не мог за это. Но соседи ей верили, и, наверное, она говорила правду.

Дома от Юльки трудно было что-нибудь скрыть. Он знал, что от отца теперь часто приходят письма. А мама день ото дня становится задумчивее, и бабушка говорит, что мама похудела.

И вот что слышал Юлька.

— Ты напишешь ему? — спросила бабушка маму.

— Я не знаю, что написать... Я совсем не знаю,— отвечала мама. Она закинула руки за голову и сказала: — Что же делать?

— Ты любишь его,— сказала бабушка.

Она хотела что-то добавить, но заметила Юльку и показала на него маме глазами. Обе замолчали. Но Юлька кое-что понял. Он только сделал невинные глаза и, пользуясь случаем, запустил пальцы в сахарницу.

Задача была почти неразрешима. Юлька сознавал: стоять так угрюмо, бирюком, как сейчас стоит он, нехорошо. Как же быть? Он поднял глаза на отца, и сразу же ему стало легче. Дело в том, что отец сам был смущен и куда больше, чем Юлька и бабушка. Он, правда, улыбался, но как-то уж очень робко. Он, наверное, и сам не знал, что ему сейчас делать.

Обоих выручила бабушка.

— Юля, ну, подойди, поцелуй папу,— твердо сказала она.

Послушно чмокнув отца в губы, Юлька поспешно высвободился из его объятий. Дальше все время командовала бабушка.

— Юля, покажи папе свои отметки.

Юлька показывал табель.

— Юля, расскажи, кем тебя выбрали в пионеротряде.

Юлька рассказывал.

Но никак Юлька и отец не могли освоиться со своим новым положением. И, пожалуй, из-за этого минут через десять Юлька решил, что пора уходить.

— Я пошел, бабушка.

— Постой! — опешила она.— А с отцом побыть ты разве не хочешь?

— Я уже побыл,— нахмурился Юлька.— У нас сегодня совет отряда.

Отец расхохотался. Смеялся он здорово, от всей души и громко, без всяких стеснений. Однако Юлька без труда понял, что отец не над ним хохочет и не над бабушкой, а сам над собой. Поэтому Юлька тоже улыбнулся. Отец

схватил его в охапку, подкинул к потолку и начал тискать. И тут Юлька с восхищением обнаружил, какой он ловкач и богатырь, отец.

Впрочем, отец быстро справился со своим порывом, осторожно опустил Юльку на пол и с абсолютной серьезностью сказал:

— Давай подумаем, может быть, мы отложим совет, походим с тобой по городу?

Чувствовалось, он придавал совету значение не меньшее, чем Юлька. Юлька это оценил. Он подумал и, увидев, что бабушка настойчиво кивает ему головой — соглашайся! — коротко бросил:

— Ладно, отложим.— И, не выдержав, сразу же решил уточнить: — А куда мы с вами, дядя, пойдем?

Отец почему-то покраснел до самых ушей и умоляюще посмотрел на бабушку. Лишь тогда Юлька спохватился, что сказал не так.

— Какой же он тебе дядя? — ужаснулась бабушка.— Он отец твой, слышишь? Нельзя ему говорить «дядя».

— Ладно, не сразу, разберемся,— прокашлявшись, сказал отец. Он поднялся, заглянул во все углы и заметил: — Все, как было...

— Алеша,— перебила бабушка,— может, ты умыться, покушать хочешь с дороги? Ты когда же приехал?

— Спасибо, завтракал... А приехал я вчера вечером.

— Вчера? — сухо повторила бабушка.

— Татьяна Ивановна,— громко сказал отец и приложил ладони к груди,— поймите меня.

— Ну, ну,— опять перебила бабушка,— ты куда же сейчас с ним хочешь-то?

— Мы объездим весь свет,— ответил отец, поглядев на Юльку. — Мы будем ходить и знакомиться.

— А вы долго, папа, пробудете здесь? — спросил Юлька на трамвайной остановке.

— Не знаю, Юля,— грустно сказал отец и вздохнул.

«Странно,— подумал Юлька,— не знает. А кто же знает? Не хочет сказать»,— решил он, но промолчал. Вообще, по мнению Юльки, тут было много пока непонятного. Хоть папа и приехал, но он еще не как папа. Слишком уж вежливо и внимательно он разговаривает с Юлькой, крепко держит за руку, поднимает на подножку, как маленького, и смотрит все время на него, будто старается запомнить.

— Вы где, папа, живете? На Севере?

— Юля, я же твой папа, и ты должен говорить мне «ты», а не «вы».

— Извините, папа,— ответил Юлька виновато,— я еще не привык, потому что всех чужих мне велят называть на «вы».

— Но я же твой отец, Юля.

— Я знаю, но вы понимаете, папа...

— Ты понимаешь, папа,— терпеливо поправил отец.

— Ладно, я больше не буду говорить тебе «вы»!..— Слово «тебе» Юлька произнес залпом и ни с того, ни с сего подумал, что папа все же в двадцать раз лучше, чем дядя Коля, и не в пример тому слушаться папу много приятнее.

На дядю Колю Юлька имел собственный взгляд. Давным-давно, еще раньше, чем ему сказали об этом ребята со двора, Юлька узнал, что дядя Коля — жених мамы. Не совсем жених, ведь все во дворе говорили, что мама пока ничего не решила и надежд у него немного. Но он настойчиво ходит и всегда уверяет бабушку: «Я к вашей семье привязан сердечно, можете на меня рассчитывать». И бабушка ему всегда отвечает: «Спасибо, Николай Петрович...» А после его ухода она говорит, что в нем много положительного, что ей нравятся его настойчивость и постоянство. Словом, он ходит и ходит и неизвестно для чего старается добиться расположения Юльки. Чудак! Он, очевидно, не знает, до чего ж это противно, когда взрослый, большой человек лебезит перед маленьким.

— Что ты хочешь купить себе? — спросил отец Юльку в детском магазине.

— Ничего не хочу.

— Почему же? — несказанно удивился отец.

— А у тебя деньги есть?

— Есть.

— А у бабушки никогда денег нет. Что ни попросишь купить, всегда денег нет. Это хорошо, что у тебя есть. Тогда давай покупать.

Отец улыбнулся.

— Хочешь, Юля, купим пушку?

Юлька внимательно осмотрел орудие из жести.

— Чем она стреляет?

— Камушками стреляет.

— Нет, папа, не надо пушку, она для маленьких. Лучше купить вон ту саблю...— Юлька тяжело вздохнул и мужественно отодвинул пушку в сторону.

События следовали одно за другим. Купили саблю, мяч, краски, книжку. На книжке был нарисован красивый всадник на лошади и сверху написано: «Лев Толстой. Хаджи Мурат». Потом отец повел Юльку в другой магазин и сам выбрал для него костюмчик. Вышли из магазина, ели мороженое, потом купили конфет и ехали на «Победе». Причем, когда добрались до сверкающей широкой реки, Юлька сказал:

— Честное слово, папа, я откуда хочешь найду дорогу домой, только вот отсюда не найду.

Он уже смело называл отца папой, уверенно говорил ему «ты», и если отец брал его за локоть или за плечо и притягивал к себе, Юлька больше не сопротивлялся — покорно становился рядом. А во время переезда через высокий длинный мост Юлька до того засмотрелся, что и сам не заметил, как ухватил большую отцовскую руку и долго не отпускал ее.

Он был доволен отцом. Ему нравилось, как отец, не торопясь, ходит с ним всюду, где только он, Юлька, хочет, как серьезно с ним разговаривает и совсем не подделывается, как некоторые. Один раз даже накричал на Юльку, когда он побежал и чуть не попал под трамвай. Ну, что ж, накричал за дело...

Заезжали к какой-то тете, рыжеволосой и такой толстой, что Юльке хотелось дотронуться до нее пальцем и узнать, надутая она или нет. Но, несмотря на полноту, ходила и поворачивалась тетя с необыкновенной легкостью. Может быть, она даже занималась спортом и играла в теннис — Юлька однажды видел такую же на теннисном корте. Надо полагать, эта рыжая тетя была большой приятельницей отца: они разговаривали между собой по-свойски.

— Слушай, Варенька,— сказал отец,— смотрю на тебя второй день и поражаюсь, какая же ты стала толстуха! Помню, на нашем курсе ты была самой стройной студенткой...

Тетя Варя сделала вид, будто сердится, и ничего не сказала по поводу «толстухи», а грубовато спросила:

— Ты скоро, Леша, чемоданы свои из коридора заберешь? Соседи ходят и спотыкаются.

Отец вдруг помрачнел.

— Не знаю, ничего не знаю,— ответил он.

Сели пить чай с вареньем. Отец намазывал варенье на крошечные ломтики хлеба и подавал Юльке. Прихлебывая горячий чай, Юлька проявлял всю свою воспитанность: совсем не шмыгал носом, не пачкал скатерть и все время давал понять, что нисколько не слушает, о чем говорят взрослые.

— Юлька здорово похож на тебя, Леша,— сказала тетя Варя.

Отец обрадовался и заулыбался. А Юлька на секунду отставил чай и постарался совсем не двигать мускулами лица: он боялся, как бы не усомнились в его сходстве с отцом.

— Ты уже видел Катю? — спросила тетя Варя.

— На работе она...

— Страшно встретиться? — спросила тетя Варя.

Отец помолчал и сказал:

— Страшно.

Потом он вежливо спросил Юльку:

— Ты не хочешь во дворе поиграть? Там скверик и ребят много...

— Нет,— возразил Юлька,— они мне незнакомые. Хочешь, я на окне посижу и буду смотреть на улицу?

Тетя Варя и отец засмеялись.

— Ну, посиди,— сказал отец.

А тетя Варя достала из шкафа кипу журналов и протянула их Юльке.

Комната у тети Вари была огромная, подоконники такие широкие, что Юлька свободно улегся на одном из них. В скверике мальчишки гоняли мяч. Юлька вспомнил, что разбил утром стекло, и снова испугался: он не знал, что ему еще за это будет. Впрочем, теперь, с появлением отца, все стало, несомненно, проще. Потом он ненадолго увлекся игрой, происходившей на улице, и перестал обращать внимание на разговор отца с тетей Варей. Но минуты через три, когда смотреть надоело, он все-таки стал незаметно прислушиваться.

— Не знаю, что бы я только не отдал, Варенька,— глухо говорил отец,— лишь бы вернуть мне Юльку и Катю. Второй год пишу ей и прошу приехать...

— Полно, Леша,— ответила тетя Варя,— может, еще вернется Катя... Но уж разреши мне сказать. Ни тебе, ни ей нельзя простить, что вы в свое время не подумали о нем (Юлька догадался, что тетя Варя показала на подоконник)... Я рада, что жизнь тебя кое-чему научила...

«Чему это его жизнь научила?» — подумал Юлька.

Снова заговорил отец:

— В последнем письме она ответила: приезжай, вместе будем решать, заочно ничего решать не стану.

Было слышно, как тетя Варя начала мыть посуду.

— Я понимаю Катю,— сказала она.— Раз обожглась, в другой раз не хочет.

— Ты думаешь, она не желает примирения?

Юлька насторожился. Он хотел совершенно точно знать, помирятся они или нет. Тетя Варя звенела стаканами и, наверное, думала, что ответить.

— Не знаю,— созналась она.— Разумеется, ей надо тебя увидеть. Что письма? Ведь так много воды утекло... Если любит, все перемелется. Да что же ты, Леша, киснешь?! — возмутилась наконец тетя Варя.— Вот тебе телефон. Сейчас узнаем ее номер, и звони ей, пожалуйста, сколько угодно. Договаривайтесь, встречайтесь!

Юлька скатился с подоконника и радостно закричал:

— Не надо узнавать! Я знаю ее телефон. Давайте звонить!

Отец испуганно замахал руками:

— Нет, не будем сейчас звонить.

— Как хочешь! — обиделся Юлька.

Отец и тетя Варя переглянулись; тетя Варя тихо и коротко засмеялась и вдруг предложила:

— Леша, знаешь что? Расскажи-ка нам с Юлькой про твой Север.

Тут началось действительно интересное. Отец за одну секунду преобразился и давай рассказывать, как он ездил на оленях, как строил обогатительную фабрику, как спал в мешке на снегу. Потом отец пошел в коридор, открыл чемодан и достал маленькие меховые торбасы, все обшитые бисером. Оказывается, он привез их Юльке, а сам молчал почему-то. Если бы не лето, Юлька бы надел их сразу. Но летом меха не носят, пришлось завернуть торбасы в газету и взять подмышку.

Тетя Варя проводила гостей до трамвайной остановки. На прощанье она неизвестно для чего закричала:

— Ни пуха, ни пера!

В трамвае они переговорили обо всем. И о том, на каком самолете прилетел отец, и о том, что Юльке завтра же необходимо достать провод для телефона из квартиры в отряд, и о том, что мама работает в горсовете и Юлька был у нее там. Устроились они на площадке, и, хотя Юлька далеко стоял от двери, отец все время держал его за плечо. Юльке было неудобно, но он мирился с этим. Говоря с ним, отец думал еще о чем-то своем.

— Папа, на Севере есть медведи?

— Много.

— А они белые?

Вопросы следовали один за другим:

— Папа, а ты за кого болеешь: за «Спартак» или за «Динамо»?

— Я за «Спартак»,— сказал отец.

— Правильно, и я за «Спартак»,— сказал Юлька и с уважением посмотрел на отца.

Тот крепко сжал юлькино плечо.

— Юля, когда тебе было два годика, я тебя носил на руках. Ты, конечно, этого не помнишь?

Юлька поморщил лоб.

— Нет, не помню.

— Юля, ты знал, что папа должен приехать?

— Знал,— соврал Юлька и от сильного толч-

ка трамвая уцепился за отцовский карман.— А ты знаешь, Валька Макаров очень сильный, сильнее меня.

Перед самым домом отец погрузился в раздумье. Он замедлил шаги, будто боялся идти дальше. Юлька тревожно подумал: «Может, он расхотел?»

— Папа, знаешь что,— предложил Юлька,— давай я зайду первый и скажу маме, что ты уехал и приедешь... через год! А потом ты войдешь. Хочешь так?

Отец с удивлением посмотрел на Юльку:

— Ну, ну, беги.

Мать ждала их. Юлька догадался об этом по тому, что она стояла в коридоре и смотрела на дверь.

— Папа идет! — закричал ей Юлька, а сам помчался к бабушке.

Захлебываясь от восторга, он в течение минуты успел рассказать ей о путешествии по городу. Потом вспомнил про отца и побежал за ним. Но сразу же вернулся, шепотом доложил бабушке:

— Стоит с мамой там... Оба бледные и молчат.

— Молчат? — так же шепотом спросила бабушка.

— Ага! — мотнул головой Юлька.

Он секунду подумал, махнул рукой и деловито развязал сверток с игрушками.

Мать и отец очень долго не входили в комнату, бабушка тихонько поворчала на них за это, но позвать побоялась. Она начала стелить Юльке постель. Наконец вошла мать, взяла пальто и сказала Юльке: «Давно пора спать!» Потом вошел отец попрощаться с Юлькой. У отца были невидящие счастливые глаза. Он присел на кровать.

— Ты придешь завтра? — спросил Юлька.

— Приду, Юля, с утра жди.

— В парк пойдем?

— Пойдем.

— А в цирк?

— Обязательно!

Оставшись с бабушкой, Юлька еще долго рассказывал ей о том, где они с отцом были. Только поздней ночью, забравшись всем туловищем на большую белоснежную подушку, широко раскинув маленькие мускулистые руки, он начал тревожно засыпать. В полусне он еще бормотал какие-то слова, затем вялым, тягучим голосом спросил:

— Бабушка, а Толстой умер? — и, не дождавшись ответа, уснул.

Утром, после ухода матери на работу, Юлька с нетерпением ждал отца. Тот долго не приходил. Юлька, поминутно отлучаясь во двор к ребятам, каждый раз не забывал наказывать бабушке:

— Ты смотри, не забудь. Как придет, скажи ему, что я сейчас прибегу.

Вместе с матерью отец появился в шестом часу. Мать шла чуть впереди и, улыбаясь, протягивала руки Юльке. Юлька с обидой отвернулся.

— Папа, я тебя ждал, ждал, а ты не пришел...

— Видишь, Катя,— сказал отец, потом спохватился и добавил: — Виноват, Юля.

— Ну, ничего...

Большой пакет со сластями, принесенный отцом, скоро заставил его забыть об огорчении. Однако он осведомился:

— В парк-то пойдем?

Отец вопросительно посмотрел на маму.

— Завтра,— сказала она.

Юлька понял, что возражать бесполезно, но все же возразил:

— У тебя все завтра да завтра!

Несколько позже он был во дворе.

— Папа прилетел на самолете,— рассказывал он Вальке Макарову.— Я тоже полечу с ним.

— Ври! — сказал с завистью Валька.

— Честное пионерское! Не веришь — спроси у бабушки. Папа сам сказал, что возьмет меня.

— А на каком самолете?

— На «ЛИ»!

— А сколько там моторов?

— Четыре! — придумал Юлька.

— Ну и неправда: не четыре, а два.

Юлька хотел было сказать, что это такой новый самолет, но, насторожившись, замолчал. По двору большими, уверенными шагами шел дядя Коля.

— Здравствуй, Юля. Мама дома? — спросил он, поровнявшись с Юлькой.

Юльку так и подмывало сказать «нет», но он не решился и, запинаясь, ответил:

— Дома...

Но лишь дядя Коля сделал шаг, Юлька, мгновенно что-то сообразив, поймал его за рукав и добавил:

— И папа дома!

Сообщив это, Юлька немного повеселел. От дяди Коли он на одной ноге поскакал к Вальке. При этом он успел заметить, что дядя Коля был изрядно ошеломлен и даже хотел что-то спросить, но, помедлив, решительно вошел в подъезд.

В голове у Юльки лихорадочно запрыгали мысли. Веселость, которую он минуту назад победно продемонстрировал перед дядей Колей, немедленно улетучилась, в маленькое сердце его упорно вползала тревога и неприятное, тяжелое предчувствие. Скверно было и то, что Валька Макаров не хуже его оценил обстановку.

— Сейчас твой отец ему как даст! — не скрывая удовольствия, сказал Валька.

Юлька ничего не ответил. Ни с кем он не хотел говорить об этом. Задумавшись, он побрел через двор. То, что обо всем думает Валька, перед которым Юльке было почему-то стыдно, тоже имело немаловажное значение. Не обернется ли положение так, что не только Валька, но вообще все ребята во дворе будут над Юлькой смеяться?

Чувства Юльки раздваивались. Ему нестерпимо хотелось пойти сейчас домой и посмотреть, что там происходит. Но при мысли о том, что он поднимется туда, наверх, ему становилось не по себе.

Заняв выгодную позицию у дома напротив, Юлька принялся наблюдать за своим подъездом. Ему хорошо были видны двор и часть улицы. С веселым трезвоном прошел трамвай. На подножке висели знакомые ребята из соседнего двора. «Поехали купаться,— подумал Юлька,— сейчас самая хорошая вода: теплая, теплая, и из нее не хочется вылезать, потому что на берегу уже прохладно...» Затем прошло еще несколько трамваев. Юлька терял терпение.

Вдруг он стал прислушиваться. Где-то в подъезде громко хлопнула дверь, послышались шаги. Юлька затаил дыхание: кто? Наверное, дядя Коля... Юлька торжествующе улыбнулся. Но улыбка пропала: по двору шел отец.

Лицо у него было бледное, глаза блестели. Теперь Юлька уже не чувствовал никакого страха, но ему стало очень жалко отца.

Отец уже был на другом конце двора, никого не замечая, он подходил к калитке. Внезапно кто-то схватил его за руку. Это было так неожиданно, что он вздрогнул. Он обернулся, перед ним был Юлька.

— Папа, ты куда? — В глазах его был испуг, в голосе слышались слезы.

— Сейчас вернусь.— Отец, захваченный какими-то своими мыслями, совершенно не замечал состояния Юльки.

— А ты правда вернешься, папа? — Юлька смотрел на отца и не верил ему. «Обманывает»,— мелькнуло у него в голове.

— Правда, Юля, правда,— отвечал отец на ходу.— Обязательно вернусь.

Недоверие Юльки не проходило. В тоне ответа он ясно слышал противоположное тому, что говорил отец. Неужели уйдет? Было тяжело и обидно.

— Папа, можно мне пойти с тобой? — в голосе мальчика было столько мольбы, столько настойчивости, что отец остановился, заглянул в глаза Юльки и все понял.

— Конечно, можно, Юля! Конечно! Пойдем! — отец с благодарностью сжал юлькину руку.

Отец и Юлька стремительно шагали по самой середине улицы. Крепко взявшись за руки, они шли молча, как два единомышленни-

ка, не замечая прохожих, и каждый был занят своими мыслями.

Беспокойство Юльки еще не прошло, но он был рад, что идет с отцом. И хотя давно хотелось спросить, куда же они идут, он ничего не спрашивал. Казалось, сейчас надо молчать.

Отец остановился у киоска.

— Юля, хочешь пить?

— Хочу.

Юлька пил фруктовую воду, отец — пиво. Он как будто впервые рассматривал сына.

— Становится прохладно, Юля. Ты очень легко одет.

— Ничего, папа, мне же не два года,— с важностью ответил Юлька,— да и не холодно. Ни капелюшечки!

Отец сейчас показался Юльке снова таким же добрым, таким же внимательным, каким был вчера, в первый день встречи. Поглядев на часы, он вдруг — для Юльки это было полнейшей неожиданностью — задумчиво спросил:

— Как думаешь, сынок, не пора ли нам домой?

— Пора, папа. Пойдем? — Юлька едва сдерживал радость.

Вскоре они поднимались по лестнице к себе домой.

Мама была уже одна. Она тяжело опиралась о стол и молчала. Лицо ее было серым, утомленным, но глаза определенно смеялись. Подобные вещи от Юльки не ускользали никогда, и он тоже был полон восторга.

— Катя, я ушел... — сказал отец.— Я должен был дать вам поговорить.

— Ты правильно сделал, Алеша,— мама не замечала Юльку и смотрела только на отца.— Я могу передать тебе весь разговор, и он был последним...

— Пожалуйста, не надо,— умоляюще попросил отец.

Мама высоко подняла голову и медленно пошла к нему.

Юлька тихонько, на цыпочках, вышел из комнаты. Все, что мог, он сделал. Теперь надо было спешить к Вальке.

Когда отец обернулся, Юльки в комнате не было.

Осенняя страница

Сергей СМИРНОВ

ПРИЗНАНИЕ

На себя посматриваю хмуро —
Подошла незваная пора:
В золотом запасе шевелюры
Стало очень много серебра.

Или это пыль из-под ботинок
На виски осела тяжело,
Или прядь крылатых паутинок
Бабье лето в волосы вплело?

Нет, не пыль
И, нет, не паутина...
Знаю и свидетельствую сам:
Это жизнь моя
неотвратимо
Провела рукой по волосам.

Жизнь,
меня ты баловала редко,
А вот сердце верное дала:
Не томит его грудная клетка,
Даль дорог ему не тяжела.

Сердце,
будто птица-невидимка,
За прекрасным гонится вослед
И на всех житейских поединках
Побеждает
тридцать с лишним лет.

Сердце, сердце,
Если ты порою
Вдруг начнешь пошаливать в груди
То,
прошу,
о выходе из строя
Хоть за десять лет предупреди!

ЛИСТОПАД

Под залихватский посвист паровоза
Промчится гром и скроется вдали,
И снова слышно,
как листва с березы
Слетает и касается земли.

Багряные осины присмирели,
И, вероятно, думают они,
Что позади хмельные дни апреля
И летние приветливые дни.

Пусты поля.
Безлюдны огороды.
Главенствуют холодные тона,
Как будто
наработалась природа
И в отпуске находится она.

И Дед Мороз
идет со снегом вязким.
Полна его заплечная сума,
И в ней —
очарованье длинной сказки
С простым названьем
Русская зима.

СИНИЦА

Дождь висит, как дымчатые пряди.
На шесте пустует птичий дом.
А синица в праздничном наряде
Щеголяет
прямо под дождем.

Каплями унизанная ветка,
И на ветке — пташка-егоза.
Черный галстук, желтая жакетка
Сразу же бросаются в глаза.

Это вам не глупая франтиха,—
Тут большая умница видна:
Вот кусты обследовала тихо,
Вот нашла вредителя она.

Вот бесцеремонно суетится
Возле человечьего жилья,—
Мол,
на смену знатным певчим птицам
В гости к вам
Пожаловала я.

Вот на тонком прутике малины
Так забавно спела егоза,
Что с вершины дуба-исполина
Покатился жолудь, как слеза.

* * *

Счастье уживается не с каждыми,
Но, года в свидетели беря,
Мы, неунывающие граждане,
Видим то,
что встретились не зря.

Стали старше,
А грустить нам нечего,—
Склок не знаем,
Сплетен не плетем.
Все конфликты,
все противоречия
Мирным ликвидируем путем.

Пусть других пугает увядание.
И оно прекрасно без прикрас!
Наша песня первого свидания
До сих пор
звучит, как в первый раз.

Эй, листва,
гори еще заметнее!
Ветер, дуй и стаи туч крути! —
Это
дваждысовершеннолетние
Мы встречаем осень на пути.

ЕЛКА

Молчат деревья оголенные;
Они листву покорно сбросили.
А рядом елка, вся зеленая,
В штыки встречает время осени.

Не отступает перед стужею,
Не клонит голову под тучею...
Ее краса,
Ее оружие —
Неувядаемость колючая.

ПЕРЕЯСЛАВ-ХМЕЛЬНИЦКИЙ

В. ШУМОВ

Фото Н. Козловского.

Добрый десяток веков существует город Переяслав. О нем упоминают документы X столетия. Как повествует летопись, здесь, у рек Альты и Трубежа, боевые дружины Киевской Руси не раз обращали вспять полчища печенегов и половцев. В одной из битв русский богатырь в единоборстве победил сильнейшего противника, «перенял» его славу. Отсюда — Переяслав.

В наше время город переименован. Его прежнее название соединено с именем славного сына украинского народа Богдана Хмельницкого, в гетманство которого в 1654 году Переяславская Рада присоединила Украину к русскому государству. Исторический этот акт сыграл огромную роль в экономическом, политическом и культурном развитии Украины. Вековая дружба братских народов крепла и развивалась в общей борьбе против царизма, помещиков и капиталистов, против иноземных захватчиков. Она стала несокрушимой силой в годы советской власти.

В 1954 году украинский народ будет отмечать важную дату своей истории — трехсотлетие воссоединения с великим русским народом. Эту дату отметит вся наша Родина. Готовится к ней и Переяслав-Хмельницкий.

...Мчится из Киева комфортабельный автобус по асфальтированному шоссе. Когда позади остается девяносто километров, машина круто сворачивает с магистрали направо. Здесь, на перекрестке дорог, недавно закончено сооружение монумента, олицетворяющего многовековую дружбу русского и украинского народов. В нише четырехметрового постамента из полированного гранита — бронзовый горельеф работы скульптора И. Гончара, изображающий события 1654 года: городскую площадь, заполненную народом; Богдана Хмельницкого с товарищами; послов Москвы — торжественные дни Переяславской Рады.

Автобус идет дальше, среди чудесного пейзажа украинской лесостепной полосы. Тенистые дубравы сменяет березовая роща, за лесной полянкой — густой сосновый бор. Раскинулись поля с изумрудными квадратами высокой конопли, пышной темнозеленой ботвой свекловичных плантаций. Хлеба давно убраны. В прозрачном воздухе разлита спокойная тишина необъятного приволья. Сверкнула река, потянуло прохладой с поймы, заросшей осокой.

Город встречает приезжих шумом большой стройки. По улицам снуют десятки автомашин с кирпичом, цементом, трубами. Строительные материалы приходится доставлять издалека, с пристани, что на Днепре, или с железнодорожной станции. Но расстояние не пугает. На стройке работают мощные автомобили, их более сотни.

По стенам кабинета председателя горсовета Г. И. Ижели развешаны проекты новых зданий. Мы хотим увидеть, как эти проекты воплощаются в камень и бетон. Председатель горсовета советует познакомиться с бригадой каменщиков Иосифа Яковлевича Ковалева.

Ковалева мы застали на стройке Дома Советов в центре города. Был полдень. Каменщик закончил выполнение своей первой нормы. Отсюда, с высоты, открывалась панорама строительства. Рядом выросли стены новой гостиницы, с другой стороны — почти законченное здание универмага. Это участок молодого техника-строителя Ивана Андреевича Хоменко, под руководством которого работает около двухсот человек.

Сооружаются четвертая по счету школа, кинотеатр, Дом культуры, больница, павильоны бытового обслуживания, Дом связи, пять жилых домов, новое здание педагогического училища.

За узорной оградой в саду — красивый белый особняк, в котором размещается санаторий для детей. В городе тридцать врачей и около ста медицинских работников.

Переяслав-Хмельницкий издавна славится мастерицами-вышивальщицами. Некоторые из них решили отметить историческую дату. На улице Ленина живет большая искусница вышивки домохозяйка Валентина Юльевна Вердони. Мы застали ее в садике. Перед ней — подрамники с натянутым холстом. С холста смотрит энергичное лицо Богдана Хмельницкого.

Многие из приезжающих в Переяслав-Хмельницкий заходят в исторический музей. Одноэтажный домик с дощатым крылечком сам по себе — история. Он принадлежал врачу Козачковскому, у которого останавливался великий певец украинского народа Т. Г. Шевченко. В этом доме поэт написал свои знаменитые произведения «Заповіт» и «Кавказ».

Как-то на площадке строительства летнего театра, когда бульдозер снял верхний покров земли, обнаружилась кладка старинного здания. Дальнейшие раскопки вскрыли нижнюю часть церкви. Археологи утверждают, что она сооружена в XII веке.

Вместе с группой экскурсантов идем в городской парк. Здесь могилы советских воинов, русских людей — гвардии старшего лейтенанта Михайлова, гвардии капитана Орлова, гвардии полковника Онучина, отдавших жизнь за освобождение Переяслав-Хмельницкого от оккупантов. Далеко от этих мест, у старинного русского города Можайска, бился и погиб переяславец Герой Советского Союза Кравченко.

В этом году переяславцы послали в Можайск большое письмо. Рассказав о своей жизни и работе, они предложили начать соревнование на колхозных полях и фермах за дальнейший расцвет сельского хозяйства. Можайцы пригласили в гости украинскую делегацию.

В окрестностях Переяслав-Хмельницкого, у реки Трубежа.

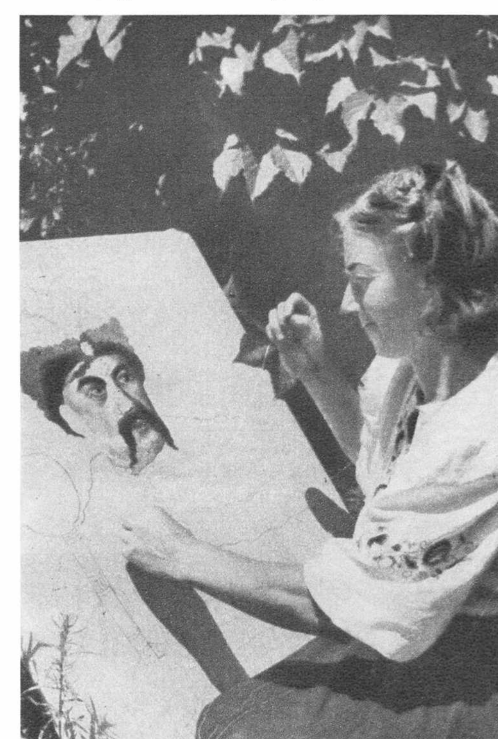

Успенская церковь, возле которой собиралась Переяславская Рада.

На стройке. Десятник И. А. Хоменко (слева) и бригадир И. Я. Ковалев.

В. Ю. Вердони вышивает портрет Богдана Хмельницкого.

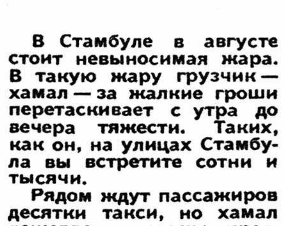

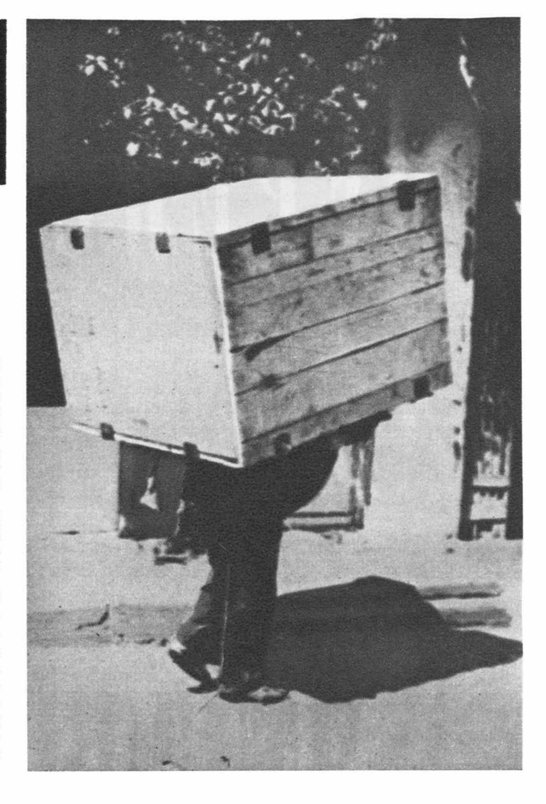
В СТАМБУЛЕ

Стамбул. Синяя гладь Золотого рога. Точеные минареты мечетей — творения великого турецкого зодчего Синана.

Блестящие проспекты Перы, многоэтажные здания редакций газет, доходные дома, тенистые особняки, виллы на берегу Босфора. Торговые и сыскные агентства, банки, биржи, бары. Это Стамбул дельцов, спекулянтов, политиканов, американских «советников» и «туристов».

А рядом иной, настоящий Стамбул. Суровые лица, натруженные кряжистые руки. Хибарки из фанеры и жести, нищета. Стамбул лодочников, грузчиков, рыбаков, табачников, рабочих арсенала «Топхане», кожевенных и текстильных фабрик. Стамбул революционных традиций национально-освободительной войны, колыбель рабочего класса Турции...

В Стамбуле в августе стоит невыносимая жара. В такую жару грузчик — хамал — за жалкие гроши перетаскивает с утра до вечера тяжести. Таких, как он, на улицах Стамбула вы встретите сотни и тысячи.

Рядом ждут пассажиров десятки такси, но хамал дешевле, и дельцы предпочитают использовать этих «вьючных людей». Нередко хамал возвращается вечером в семью с пустыми руками: желающих получить даже такую работу слишком много — сотни турецких предприятий закрываются, не выдержав американской конкуренции, и выбрасывают на улицу все новых безработных.

Вот шестиэтажный дом на бульваре Ататюрка. Плата за квартиру здесь пятьсот или шестьсот лир в месяц. Это трехмесячный заработок квалифицированного рабочего.

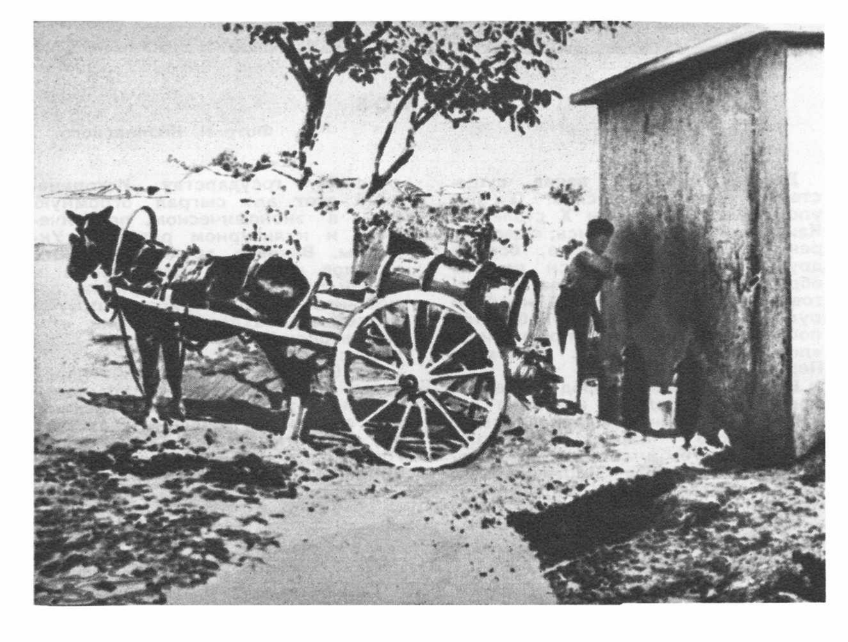
* * *

А другая фотография воспроизводит «дом» в предместье Стамбула. Это жилище из числа так называемых «гедже-конду» — понятие, непереводимое на другие языки. Приблизительный его смысл — «птичий насест». Хорошо еще, что живущим в этом сооружении удалось набрать строительного материала для четырех стен и укрепить камнями от ветра подобие крыши; многим приходится ограничиться простой ямой.

Вечером, когда в богатых кварталах зажгутся яркие электоические фонари, в такие «дома» будут возвращаться тысячи рабочих и работниц. Большинство работниц табачных фабрик Стамбула больны чахоткой. Окна табачных складов целый день занавешены — табаку вредны солнечные лучи. В полутьме, в духоте и табачной пыли работницы по 10—12 часов в сутки сортируют известные на весь мир сорта «самсун», «ташова». После окончания рабочего дня их ждут сырые лачуги.

* * *

Более семнадцати лет тому назад было объявлено, что в центре Стамбула будут воздвигнуты дома для рабочих. Но это осталось только обещанием. Зато в самом центре города, у развалин старой византийской крепости, вы видите фургон; это «квартира» разорившегося ремесленника. Сегодня фургон на бульваре Ататюрка, а на следующий месяц он перекочует на другое место. Одно несомненное удобство у этого «гедже-конду» на колесах — не надо вносить квартирную плату.

В самые жаркие месяцы бидон воды в рабочих кварталах Стамбула стоит столько же, сколько килограмм хлеба. В наиболее «благоустроенных» рабочих районах воду из единственного источника развозят водовозы. В менее «благоустроенных» по ночам у источников выстраивается длинная очередь.

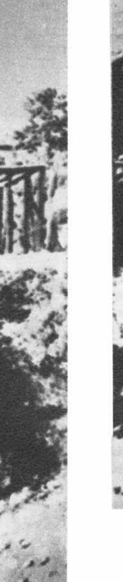
* * *

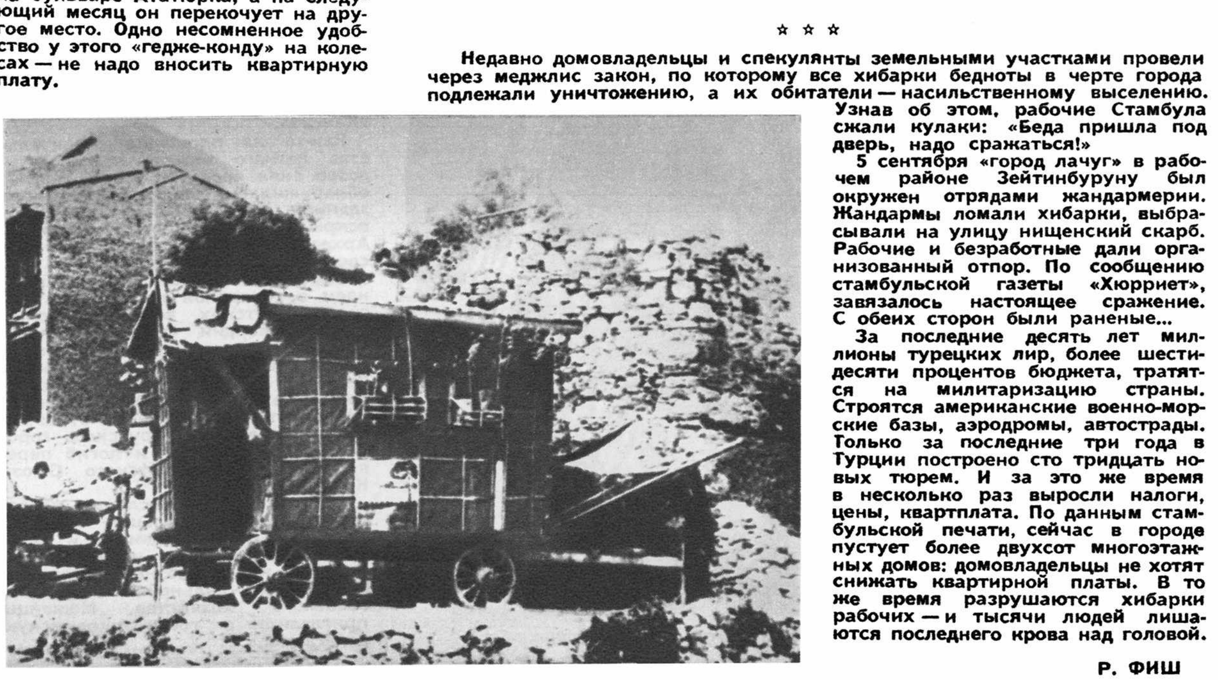
Недавно домовладельцы и спекулянты земельными участками провели через меджлис закон, по которому все хибарки бедноты в черте города подлежали уничтожению, а их обитатели — насильственному выселению.

Узнав об этом, рабочие Стамбула сжали кулаки: «Беда пришла под дверь, надо сражаться!»

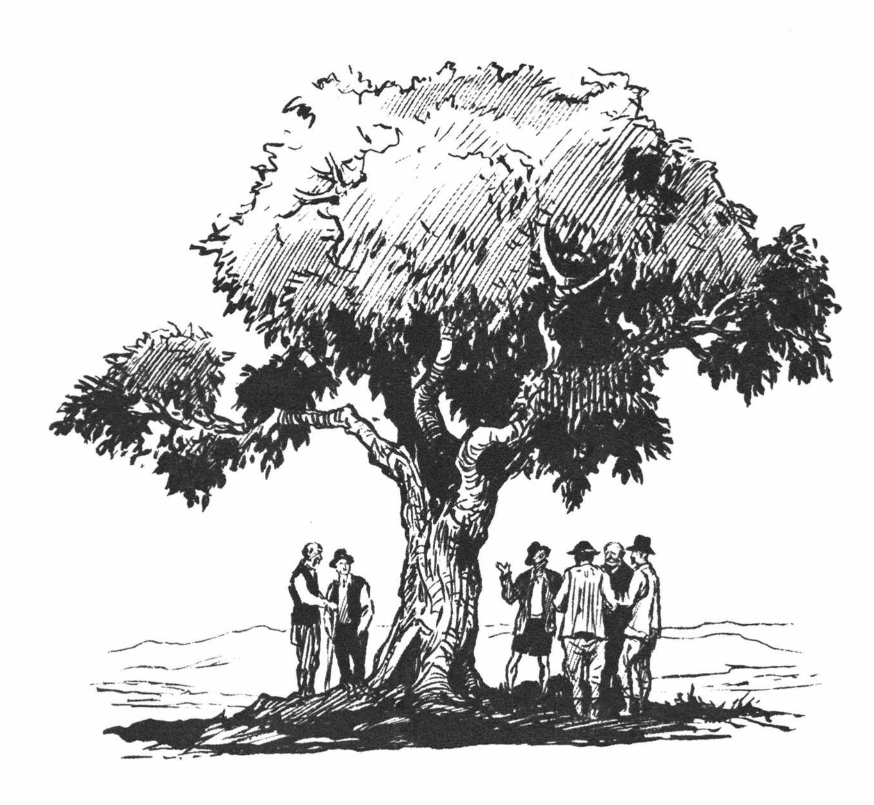
5 сентября «город лачуг» в рабочем районе Зейтинбуруну был окружен отрядами жандармерии. Жандармы ломали хибарки, выбрасывали на улицу нищенский скарб. Рабочие и безработные дали организованный отпор. По сообщению стамбульской газеты «Хюрриет», завязалось настоящее сражение. С обеих сторон были раненые...

За последние десять лет миллионы турецких лир, более шестидесяти процентов бюджета, тратятся на милитаризацию страны. Строятся американские военно-морские базы, аэродромы, автострады. Только за последние три года в Турции построено сто тридцать новых тюрем. И за это же время в несколько раз выросли налоги, цены, квартплата. По данным стамбульской печати, сейчас в городе пустует более двухсот многоэтажных домов: домовладельцы не хотят снижать квартирной платы. В то же время разрушаются хибарки рабочих — и тысячи людей лишаются последнего крова над головой.

Р. ФИШ

ЖИЗНЬ НЕ ПЕРЕСПОРИШЬ

Рассказ

С. КРУШИНСКИЙ

Рисунки В. Высоцкого.

Завязку этой истории следует искать в споре, разгоревшемся летом на берегу Тиссы в тени орехового дерева. От листьев ореха в тот жаркий день распространялся крепкий, здоровый иодистый запах. Но люди, собравшиеся под деревом, не замечали этого. Молодящийся старик с крашеными усами, облаченный в клетчатый пиджак и короткие, выше колен штаны, потрясая папкой с бумагами, требовал, чтобы крестьяне немедля взялись за пилы и свалили это дерево и еще десяток таких же, стоявших на некотором отдалении друг от друга в пойме Тиссы.

— Вы дали мне слово выйти с пилами,— говорил он скрипучим голосом старого чиновника, немножко нараспев и таким тоном, точно кто-то должен был записывать его слова.

— А мы и вышли,— уклончиво отвечал крестьянин в валяной шляпе, глядя не на крикливого агента по заготовкам, а то на раскидистую крону орехового дерева, тяжелую от множества плодов, то на пилу, лежавшую в траве.

— Вы дали слово спилить деревья,— продолжал диктовать агент.

— Это же — золотое дерево, Эрне-бачи! — ответил другой из крестьян.— Разве вы не видите, оно еще тридцать лет будет плодоносить! Одно такое дерево может прокормить чуть не целую семью! Разве вы не знаете этого, Эрне-бачи?

И хотя, по обыкновению, говоривший именовал агента, своего ровесника, дядей Эрне, в обращении его не было почтительности.

— Хорошо, в таком случае я вас всех оштрафую! Вы у меня попляшете! — пригрозил агент и постучал согнутыми пальцами по своей папке с таким видом, точно в ней заключена была волшебная сила. Опасливо покосившись на папку, крестьяне все-таки продолжали упорствовать.

— За что? — спрашивали они.— Разве мы отказываемся выполнить распоряжение?

— А не отказываетесь, так и беритесь за пилы!

— В такую-то жару? Да разве сейчас мыслимо пилить?

Крестьяне явно выжидали, тянули время, и скоро выяснилось, зачем.

Наклонясь набок на повороте тропы, к дереву подкатил велосипедист. Рубаха его была привязана к раме велосипеда. Загорелое тело лоснилось от пота. Круто затормозив, он соскочил на землю и оказался лицом к лицу с агентом.

— В чем дело, Эрне-бачи? — задиристо выпалил велосипедист.

— Это я должен спросить, в чем дело. Кто тебя сюда приглашал? Не мешай мне выполнять распоряжение властей!

— Каких властей, Эрне-бачи?

— Ваших, народных,— не удержавшись, съязвил чиновник.— Им нужна для мебельных фабрик ореховая древесина...

— Наша народная власть не допускает произвола и вредительства. Вам не давали распоряжения пилить плодоносящие деревья!

Агент по заготовкам попятился и кинул было взгляд в ту сторону, где под другим деревом стояла его двуколка. Но он все еще не терял надежды взять верх в споре и пробурчал:

— Я сам с властями объяснюсь...

Велосипедист надел для пущей официальности рубаху и нанес противнику решающий удар:

— Вы только еще хотите объясниться, а мы уже объяснились... Передаю распоряжение властей: плодоносящих деревьев не трогать. Вам приказано немедленно явиться в район...

На этом спор и закончился. Сторонкой, сторонкой, делая вид, что он осматривает колосящуюся пшеницу, Эрне-бачи пробрался к своей двуколке и, не оглядываясь, погнал коня прочь от Тиссы.

А велосипедист окинул крестьян сияющими глазами, точно это они вступились за него, а не он за них, и, не выслушав скупых, сдержанных слов благодарности, покатил по лесной тропе вдоль берега. Скоро он увидел лежавший в траве велосипед. Велосипедистка, спрятавшись в зарослях ивняка, тихо плакала. Он подошел к ней, сел рядом. У ног бежала Тисса, пронося клочья желтой пены: в верховье прошли дожди, вода прибывала.

— Неужели ты все еще не понимаешь: я ведь не мог поступить иначе! — сказал он.

— Конечно, не мог, потому... потому, что ты меня совсем не любишь! — Девушка разрыдалась.

— Ты же знаешь, по распоряжению твоего отца уже погублено двадцать драгоценных деревьев. И когда эта двуколка опять появилась здесь, я не мог молчать, Магда!..

— Да, деревьями ты дорожишь, а на меня тебе наплевать! Ты опозорил моего отца, а значит, и меня. Я все отсюда слышала, все. Я тебя ненавижу, Шандор, и не прощу тебе этого до конца жизни!

* * *

Дело завернулось круто. Началось следствие, и выяснилось, что не везде крестьянам удалось отстоять ореховые сады, что кое-где плодоносящие деревья были срублены. Дядюшку Эрне заключили под стражу. Шандор, окончивший институт и приезжавший в родную деревню отдохнуть, вернулся в Будапешт.

Магда верила, что никогда не простит его. Но это оказалось не так легко: она любила его. А в глазах всей деревни он был героем, и Магда в своей обиде ни у кого не находила поддержки.

— Шандор — злой, ограниченный человек? Вот как? — возражали ей.— А разве не он первым пошел на подготовительные курсы и получил высшее образование? И разве не отправился теперь на свой завод, чтобы поскорее приложить к делу молодые руки? Вот так «ограниченный»! Да таких золотых ребят, как этот Шандор, не видывала еще целая округа! О нем даже в газетах пишут — вот, пожалуйста!

О Шандоре все говорили с восхищением, отца же Магды никто не желал помянуть добрым словом. И понемногу ей опять начало передаваться это общее восхищение Шандором; обида отступала перед доводами рассудка. Конечно, она чувствовала себя несчастной, но теперь она не была уверена, что в этом виноват Шандор.

Поворот в их отношениях завершился неожиданно. Помог этому некий Ковач — в прошлом оптовый торговец орехами. Эрне когда-то служил у него агентом-скупщиком. Лишенный своего могущества, Ковач, затаясь, жил в деревне. Он был частым гостем в доме Эрне, навещал этот дом и сейчас. Обычно он просил сварить ему черного кофе и, развалясь в кресле, подолгу пилил Магду и учил ее ненависти.

Сначала это подзуживание вызывало у Магды вспышки ярости против Шандора, но со временем они все смягчались, и наконец стало появляться раздражение против самого господина Ковача. Пришел день, и это раздражение прорвалось.

— Вы находите меня, господин Ковач, неблагодарной,— начала Магда с тихой яростью.— Вы говорите, что я плохая дочь. Вы называете Шандора негодяем. А не найдется ли у вас хлесткого словца для оценки вашей собственной роли? Разве не вы в этой самой комнате подбивали отца рубить плодоносящие деревья? Разве не вы говорили ему, что за это ничего не будет: он ведь заготавливает древесину для государственных заводов, у него бумажка с печатью, и ненависть крестьян обратится не на него? — наступая на гостя, все более и более распалялась Магда.— Разве не

вы говорили, что ничего не случится, если все они пойдут по миру? Я этого не забыла, господин Ковач. А для чего это было вам нужно? Не для того ли, чтобы вы опять швырялись миллионами? — Девушка уже не сдерживалась, она кричала: — А вы обвиняете Шандора в отсутствии благородства! Не Шандор — вы посадили моего отца в тюрьму! Да, да, вы! Вы сбили его с толку! Вместо того, чтобы рассуждать здесь о благородстве, вы бы лучше обратились к властям и попросили посадить вас в одну камеру с моим отцом!

Господин Ковач вылетел из дверей с такой поспешностью, будто им из пушки выстрелили.

А Магда? Магда перечитала еще раз накопившиеся за время разлуки письма Шандора и впервые ответила на них.

* * *

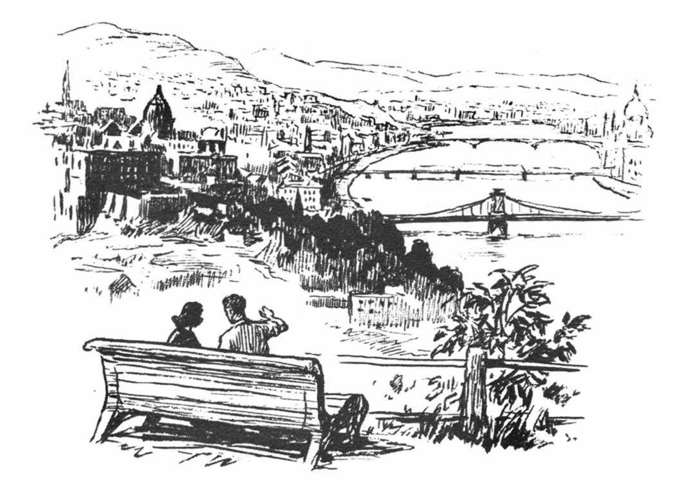
Теперь она увидела Венгрию.

Отец Магды держался сам и учил ее держаться так, как будто кто-то украл у них Венгрию. Но какой это был жалкий самообман! Что он сам-то видел, мелкий слуга тупого торговца? И кто вообще чувствовал себя раньше хозяином всего того, что составляет в своей совокупности Венгрию: ее гор и степей, рек и озер, туристских тропинок и богатств недр земных? Никто, кроме, может быть, всех этих ковачей. А теперь — Шандор был совершенно прав — хозяин страны — народ. Шандор показал ей страну, показал, что все это принадлежит народу.

Жизнь их отнюдь не была ограничена стенами скромной квартиры в Уйпеште, в одном из районов столицы. Нет, они владели всем Будапештом. Им принадлежали плавательные бассейны и открытые театры на острове Маргит, для них Дунай, сверкая под жарким солнцем, катил свои воды. По воскресеньям они выезжали за город, однажды побывали и на озере Балатон. Молодые рабочие и инженеры с завода, где работал Шандор, катались на яхтах.

А еще как-то перед закатом солнца они поднялись на гору Геллерт. Воздух был прозрачный и свежий, чувствовалось уже приближение осени. Они сидели на скамейке на бетонном пятачке, врезанном в кручу горы. Таких пятачков белело вокруг множество. Внизу проплывала под ближним мостом какая-то коряжина, на ней тесным полукружьем сидели притомившиеся за день чайки. Стало темнеть, за Дунаем загорались огни, обозначая линии проспектов, овалы площадей Будапешта.

— Смотри, это наш город! — тихо и взволнованно сказал Шандор.— И он не один у нас. Как бы пояснее выразить то, что меня сейчас волнует? Городов в нашем демократическом мире множество, а деревушкам и числа нет. И всюду в них друзья, братья... Мы радуемся с тобой, что теперь не дымятся развалины. Это наша победа. В центре этого огромного мира работают, творят, прокладывают путь в будущее советские люди. Они сплотили всех нас, помогли понять, как разумно и справедливо может быть устроена жизнь...

Поздно вечером, когда они пришли домой, кто-то постучал в дверь. Шандор открыл. Перед ним стоял Эрне-бачи...

— Здравствуйте... — выжидательно сказал Шандор, не выпуская ручку открытой двери.

— Что же ты не зовешь в дом, дорогой зятек? — спросил Эрне.— Ваша власть добрей тебя, выпустила меня по амнистии.

* * *

Старый Эрне ехал в Будапешт, исполненный смутного мстительного чувства. Он собирался придти в квартиру Шандора и грозно хлопнуть дверью. Собирался взять тон судьи и спросить у них ответа за все. В одном вагоне с ним ехало еще несколько амнистированных. Один из них дорогой и разжигал в Эрне мстительное чувство, говоря, что теперь их судьи заюлят перед ними. Но никто перед ними не заюлил. Будапешт встретил их без особого интереса, строго. На скамейках под платанами сидели в парке парни и девушки, любезничая друг с другом. Тот, что подзуживал, узнал сына своего бывшего дворника и позвал его.

— А в чем дело, гражданин? — спокойно спросил юноша.

Подстрекатель сам вынужден был подойти к нему.

— А, вот тут кто! — воскликнул юноша с мимолетным любопытством и в последовавшем затем разговоре дал понять, что теперь он ударник на металлургическом заводе.— Если вы поняли что-нибудь и не будете пытаться вредить нам, можете спокойно трудиться: работы хватит всем,— сказал он в заключение тоном хозяина. И отвернулся.

И Эрне понял, что дверью хлопать ему не с чего. Он понял, что власть объявила амнистию вовсе не потому, что она испугалась какой-то чужой силы, а как раз напротив, потому, что почувствовала свою собственную возросшую силу.

И вот он сидел в обществе дочери и зятя, осторожно укоряя их:

— Это как же так? Меня упрятали в тюрьму, а сами принялись вить семейное гнездышко?

— Едва ли есть смысл возвращаться к истории погубленных ореховых деревьев,— сказал Шандор с отрезвляющим спокойствием.

И старый чиновник осекся. Он сказал, что будет попрежнему жить в деревне, старым бобылем. Они не возражали. Потом Шандор ушел на завод, в ночную смену. Оставшись наедине с дочерью, отец спросил:

— А сын-то будет?

— Будет,— ответила Магда, заливаясь краской смущения.

— Ну что ж, жизнь не переспоришь,— продолжал отец, подводя какой-то свой, длинный и нелегкий итог.— Вижу, вы с вашей властью умеете не только наказывать, но и прощать. Живите!

И стал собираться в дорогу.

ЗА ПОЛЯРНЫМ КРУГОМ

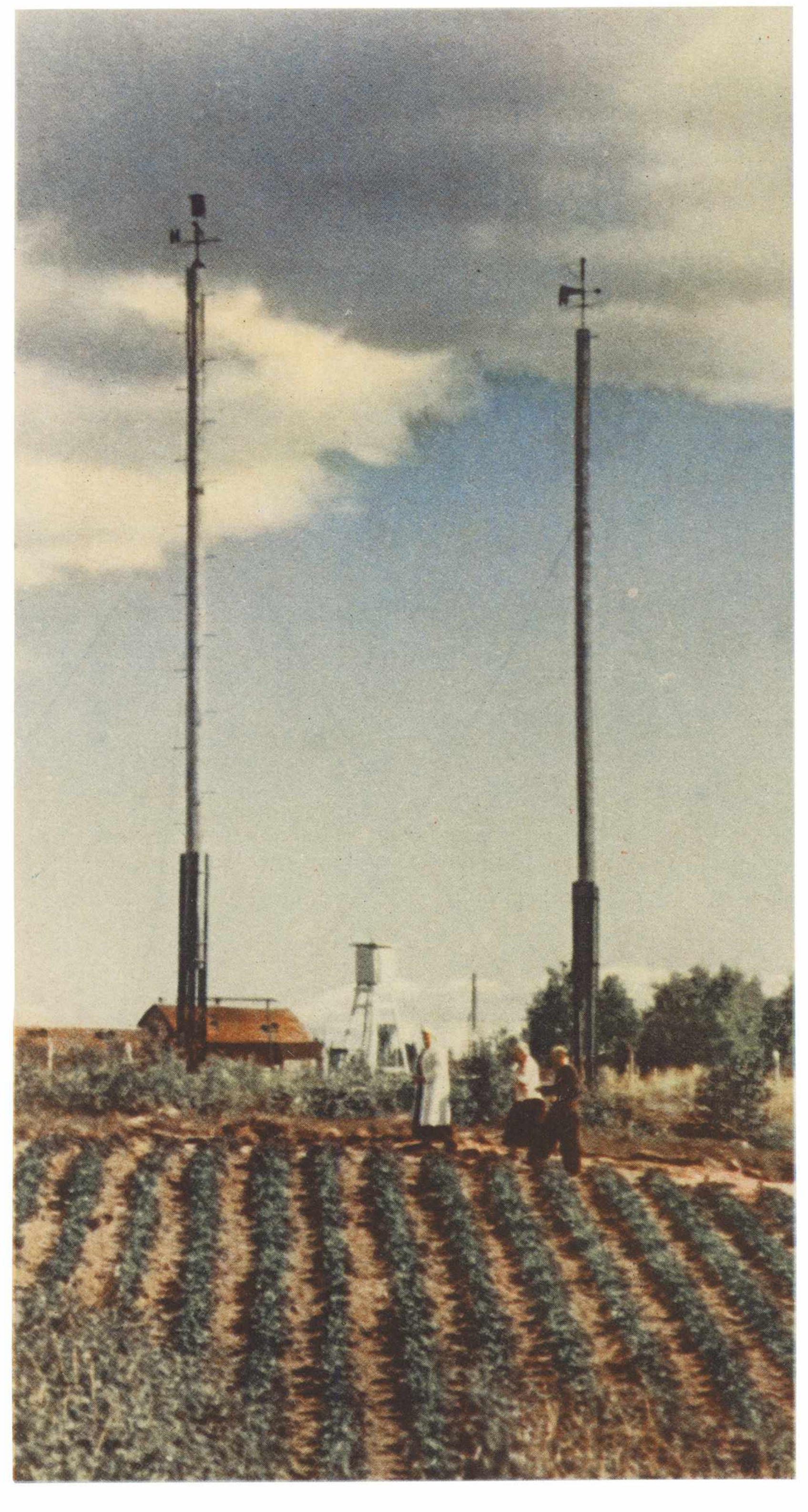
Фото И. Тункеля.

На северо-западном крае советской земли — Кольском полуострове — тридцать лет назад открылось полярное отделение Всесоюзного института растениеводства. Казалось, ни одно культурное растение не сможет нормально развиваться в суровых климатических условиях Заполярья, на бедных тундровых почвах, среди груд валунов, гальки и песка. Однако советские ученые поставили перед собой дерзкую задачу — создать здесь собственную продовольственную базу, обеспечить население овощами, вырастить кормовые травы для животных — и смело взялись за ее осуществление. На берегу озера Имандра разместились дома и опытные участки.

А через несколько лет, еще в 30-х годах, первые достижения пионеров полярного земледелия были переданы специально созданным овощно-молочным совхозам. На полуострове начало развиваться сельское хозяйство.

Исследователи выводят новые сорта растений, отличающиеся не только скороспелостью, но и высоким урожаем и холодоустойчивостью. Элитные семена рассылаются для размножения не только в местные совхозы, колхозы, но и на многие опытные участки страны: в Московскую и Астраханскую области, Кубань и Сахалин, Якутию и Сибирь. Теперь на полуостров не завозится больше картофель. В магазинах летом свой лук, редиска и капуста. Местные овощи вошли в меню детских садов и столовых.

В лабораториях и теплицах, в парниках и на полях осуществляется различная научно-исследовательская работа. На агро-метеорологической станции ведутся непрерывные наблюдения за погодой. Ведь от нее нередко зависит жизнь растений, а их нужно «закалить», приучить к заморозкам.

В другом месте Кольского полуострова расположена еще одна замечательная лаборатория исследователей полярной природы — самый северный в мире ботанический сад. Значительную часть его занимает заповедник.

Ученые работают над вопросами обогащения растительных ресурсов Севера и озеленения городов и поселков Заполярья.

В саду проходят учебную практику студенты Ленинградского сельскохозяйственного института. Сюда часто приезжают за цветами, семенами и рассадой и просто на экскурсии жители ближайших городов и поселков.

Стихи Николая Асеева

Недавно вышедший двухтомник избранных произведений Николая Асеева включает значительную часть его лирики, пять поэм и переводы стихотворений польских и чешских поэтов. Хронологически «Избранные произведения» охватывают творчество 1919—1952 годов. За плечами поэта нелегкий, сложный и во многом поучительный путь упрямых поисков. На этом пути у Н. Асеева были свои успехи и взлеты, были и отдельные творческие неудачи и ошибки.

Первые книги Асеева появились еще в 1914 году. Немного позже стихи ранних книжек были объединены в сборник «Оксана». В этих стихах пытливый читатель не мог не почувствовать пробивающуюся сквозь декадентско - формалистические увлечения молодого поэта живую и светлую струю. Отдельные строки вдруг поражали своей простотой, искренностью и обнаруживали в поэте человека с самобытным лирическим голосом. Сквозь формалистическую усложненность образов можно было ощутить зреющий в душе поэта, хотя еще и не отчетливо осознанный гнев против империалистической бойни.

В годы гражданской войны Асеев работал в большевистской газете Владивостока. Он выступил здесь со стихами, разоблачавшими английских и японских интервентов. Книжка стихов «Бомба» была сожжена интервентами во время разгрома типографии.

С тех пор, как в 1920 году поэт переехал в Москву, началось его активное сотрудничество во многих газетах и журналах. Окрепшая в эту пору дружба с Маяковским наложила яркий отпечаток на все последующее творчество Асеева.

Под воздействием революционной действительности поэт все чаще и активнее стал обращаться в своих стихах к актуальной политической тематике, к новым жанрам, в частности к стихотворному фельетону. Он стремился «сдуть со стихов посторонною примесь» декадентско-формалистических влияний.

В 1923 году Асеев собрал в сборник «Совет ветров» стихи, рожденные революцией и связанные с ней. «Оказалось,— писал он в предисловии, — что именно эти — самые дорогие мне и связанные с жизнью. Поэтому-то «Совет ветров» я считаю своей единственной и первой книжкой...»

Первый раздел двухтомника озаглавлен строкой из широко известной асеевской песни-марша о Буденном — «Выросли мы в пламени». В стихах этого раздела поэт воспевает нашу беспокойную, живую и радостную эпоху, которая открыла народным массам путь к творческому труду и созиданию.

Оглянись на страну
большую, —
полоснет пестротой по глазу.
Люди в ней не живут —
бушуют,
только шума не слышно
сразу, —
от ее глубокого вала
и меня кипеть подымало, —

пишет поэт в «Русской сказке» (1924).

В стихотворениях «Время лучших. Памяти Ф. Э. Дзержинского», «Семнадцатый встает», в стихах о Кирове поэт пишет о Коммунистической партии — могучей гвардии ленинской выучки, он вспоминает ту знаменательную для нашей страны дату, когда «зашумел второй партийный съезд, и полетели золотые «Искры»...»

В произведениях поэта звучит вера в торжество ленинского дела, в то, что «никто пути пройденного назад не отберет». Небо родины залито блистаньем огней новостроек: «это сияет рабочая воля, углы залуступые светом облив». По разливам этих огней поэт стремится угадать контуры еще более радостного и счастливого будущего Страны Советов.

Лучшие из стихотворений Асеева двадцатых и тридцатых годов поныне не утратили свежести своего звучания, потому что в них прославляется уверенная поступь нашей «романтической страны», которая с каждым годом становится все богаче, все моложе и все прекраснее.

Века перегоняя,
с этапа на этап,—
строительства огнями
ведет свой путь Октябрь.

Одна из излюбленных тем поэта — это тема молодости, тема «всеобщего непостаренья».

В своей лирике, особенно в таких стихотворениях, как «Эстафета» и «Заплыв», Асеев призывает к дерзанию и творчеству. Поэт хочет, чтобы по этой земле всегда рядом «в шумном ветру шли влюбленность и труд». Эта мысль ярко выражена им в стихотворении «Не за силу, не за качество...»

Забота о том, чтобы у нашей страны были только бодрые духом и жизнерадостные люди, и одновременно тревога за тех, который подчас еще душит удавья хватка мещанства, звучит в цикле «Пять стихотворений» и во многих других произведениях Асеева.

Даже в цикле «Курские края», озаренном светлыми воспоминаниями о детстве и выделяющемся акварельной тонкостью красок в зарисовках родной природы, поэт не забывает напомнить о «тавровом мещанстве», которое еще пытается грозиться из тьмы прошлого.

В области эпического жанра определенной удачей поэта явились посвященная памяти бакинских комиссаров поэма «Двадцать шесть» (1925) и стихотворное повествование о герое гражданской войны — поэма «Семен Проскаков» (1926—1927).

Поэма «Маяковский начинается», опубликованная в 1940 году и отмеченная Сталинской премией,— лучшее произведение Н. Асеева. В ней на широком социально-историческом фоне нарисован правдивый образ Владимира Маяковского. Уже первое появление молодого поэта — будущего певца революции — запоминается читателю:

Он шел по бульвару,
худой
и плечистый,
возникший откуда-то сразу,
извне,
высокий, как знамя,
взметенное
в чистой
июньской
несношенной голубизне.

Маяковский показан в борьбе с врагами Октябрьской революции, в борьбе с теми, кто в годы мирного строительства продолжал исподтишка вредить народу и партии.

Проникновенные лирические строки сменяются в поэме сатирическим обличением, когда Асеев начинает говорить о троцкистской нечисти, об этих людишках «с цитатою луженой на губах, с кошачьим сердцем, но в телячьей шкуре», о «литературных гангстерах», мешавших жить и работать замечательному поэту.

Автору удалось воссоздать близкий и ощутимый человеческий облик поэта, показать цельность и красоту его духовного мира.

Повествуя о борьбе Маяковского за лучшие традиции нашей поэзии, Асеев и сам постоянно обращается к современности и беспощадно бичует хлесткими строками литературных приспособленцев, дельцов и халтурщиков.

Стих поэмы отличается гибкостью интонаций. Автор умело применяет разные размеры, причем переход от одной интонации к другой всегда внутренне мотивирован. Асееву удалось достигнуть той задушевности и непосредственности, которая придает огромную убедительность всему разговору поэта со своим читателем.

Поэма «Маяковский начинается» — лучшее художественное произведение о великом советском поэте. В двухтомнике она опубликована в последней редакции, в которой автор исключил то, что давало неверное представление о роли футуризма в истории советской поэзии и в творческой биографии Маяковского.

В двухтомнике представлены также лучшие из произведений Асеева, посвященных героическому прошлому нашей родины, — «Синие гусары» («Декабристы»), «Чернышевский». Проникнутые чувством революционной национальной гордости, эти своеобразные баллады выделяются также тщательной отделкой поэтической формы.

Вызывает недоумение то, что в сборник не вошло ни одно стихотворение из цикла «Итальянские стихи», в котором Асеев выступил, как представитель советской культуры, развенчивающий «воинствующую мошкару мещан» буржуазного Запада. Не найдет здесь читатель и некоторых других удавшихся поэту лирических произведений, в том числе, например, характерной для Асеева «Свердловской бури». Между тем в сборник включено несколько таких стихотворений, которые трудно отнести к творческим успехам поэта.

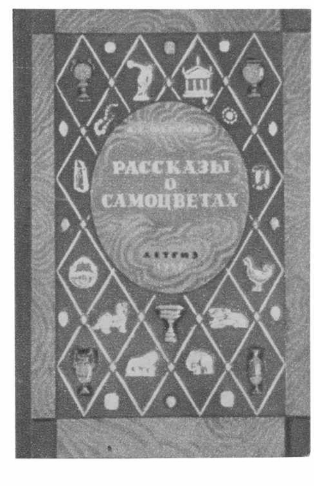
Стихотворений последних лет в сборнике немного. В эту пору Асеев работал менее интенсивно, чем в предшествующие десятилетия. В стихах пятидесятых годов, большинство из которых включено в раздел «Родная земля», у поэта появился заметный налет успокоенности и созерцательности, так не свойственный его творчеству вообще. В свое время Асеев активно работал в жанре стихотворного фельетона. В последнее время он не выступил ни с одним сатирическим стихотворением.

Советский читатель вправе ожидать от крупного и самобытного поэта, «лирика по складу своей души», новых ярких и глубоких произведений о нашей современности.

В. МИЛЬКОВ

Николай Асеев. Избранные произведения в двух томах. Гослитиздат. М. 1953.

Камни-самоцветы

Вся жизнь замечательного советского ученого Александра Евгеньевича Ферсмана была отдана науке о камне. Его научное наследие состоит более чем из восьмисот работ. Под руководством Александра Евгеньевича были созданы исключительные по полноте описания минеральных богатств Урала, Кольского полуострова, Средней Азии и других районов СССР.

Не менее примечателен облик Ферсмана как учителя и воспитателя молодежи, блестящего популяризатора научных знаний. Ученый звал молодежь на путь научных исследований, освоения несметных минеральных богатств, таящихся в недрах нашей страны. А. М. Горький назвал ученого в одном из писем к нему «прекрасным популяризатором». Своеобразным художником, «поэтом науки» выступает А. Е. Ферсман в таких своих книгах для детей и юношества, как «Занимательная минералогия», «Воспоминания о камне», «Занимательная геохимия», «Мои путешествия». Тесная связь с жизнью, с практикой, широта кругозора, яркая, богатая фантазия ученого проявляются в этих произведениях с исключительным блеском.

В этом году вышла книга «Рассказы о самоцветах», законченная по наброскам и черновикам А. Е. Ферсмана его друзьями и учениками. Многие страницы книги звучат настоящим гимном русскому камню. «Не раз старики-горщики на Урале,— рассказывает ученый,— сидя вечером на завалинке, рассказывали мне о самоцветах родного края, и в их произношении слышалось не то «самоцвет» не то «самосвет», как будто бы они хотели выразить не только яркую окраску камня, но и его внутренний свет, прозрачность и чистоту».

Автор и сам обладает даром выражать красоту камня в поэтических образах, дополнять воображением то, что рисуется глазу при взгляде на прихотливый узор, выведенный самой природой:

«Чего только не увидите вы, рассматривая коллекцию орских яшм! Вот бушующее море, покрытое серовато-зеленой пеной... На горизонте, сквозь черные тучи, пробивается огненная полоса заходящего солнца. Вот какой-то хаос огненно-красных тонов, кто-то бешено мчится среди пожара, и черная фигура всадника резкими контурами выделяется на фоне пламени. А вот мирный осенний ландшафт: голые деревья, чистый первый снежок, кое-где еще остатки зеленой травы. Вот еще прелестная картинка: лепестки цвета яблони упали на поверхность воды и как будто тихо качаются на светлых волнах».

Но А. Е. Ферсман никогда не забывает указать, что подлинную свою красоту камень получает только в руках человека. Читая книгу, как бы совершаешь увлекательную экскурсию в славное прошлое русской культуры камня, продолжающейся в искусстве наших современников — строителей социалистических городов, подземных дворцов московского метро и других замечательных сооружений нашей эпохи.

Вот жизнерадостно яркий малахитовый зал Зимнего дворца, колоссальные вазы из небесно-синего камня — лазурита — и обелиск из русского камня — родонита, находящиеся в Эрмитаже,— этим же камнем в сочетании с нержавеющей сталью отделаны колонны подземной станции «Маяковская». Даже работая с камнем, которого в России немного, русские мастера находили секрет особой мозаики и искусно подбирали куски ее, чтобы места спая были совершенно незаметны.

А. Е. Ферсман особенно подчеркивает любовь русских умельцев к своему делу, мастерство, с которым они, сочетая искусство и технический навык, создавали выдающиеся памятники ваяния и архитектуры. Потому так часто упоминается в книге о сохранившихся работах мастеров Петергофской, Екатеринбургской и Колыванской гранильных фабрик. Эти сведения дополняются многочисленными упоминаниями о русских «горщиках»— опытных и зорких добытчиках редких минералов, многому научивших и самого А. Е. Ферсмана за долгие годы его скитаний по Уралу.

Образное описание камней умело дополняется в книге точными сведениями об их происхождении, методах промышленной добычи и обработки.

Отражены в книге и главные положения геохимии. Замечательным образцом популярного изложения основ этой науки может служить глава «Цвета самоцветов».

От чего зависит радующая глаз окраска самоцвета? Почему чаще всего в природе встречаются самоцветы зеленые и желтые, а синие — гораздо реже? Почему в одних случаях окраска минерала постоянна, как бы присуща ему, а в других — изменчива, не связана непосредственно с его химическим составом?

Ученый не углубляется в сложность проблемы, до настоящего времени далеко не разгаданной, но указывает на связь между окраской камня и расположением входящих в его состав атомов и ионов. Выбирая из учения о цветах минералов лишь наиболее доступное пониманию подростка, автор умело знакомит читателя с кругом сложнейших вопросов естествознания.

Живые и яркие очерки А. Е. Ферсмана не только вводят нас в историю русского камня и в лабораторию исследователя. Они говорят о будущем камня и в технике и в быту, о той роли, которую предстоит ему еще сыграть в производстве точных приборов, буровой технике, в строительстве социалистических городов.

И. ИНОЗЕМЦЕВ

Академик А. Е. Ферсман. Рассказы о самоцветах. В обработке и с дополнениями Е. С. Синегуба и члена-корреспондента Академии наук СССР Д. И. Щербакова. Детгиз. 210 стр.

ЧЕХОСЛОВАЦКИЕ КИНОКОМЕДИИ

Р. ЮРЕНЕВ

Разнообразие тем и форм — вот что сразу же привлекает внимание в чехословацких кинокомедиях. В поисках комедийных сюжетов чехословацкие кинематографисты используют и средневековую легенду о Големе, и поэтичные сказки Божены Немцовой, и сатирические рассказы великих юмористов Гашека и Чапека. В образах прошлого постановщики и актеры отображают благородные и привлекательные черты народа: стремление к свободе, трудолюбие, любовь к острой шутке, добродушие. Но чаще прошлое предстает на экране в сатирических образах, гневно осмеянными тупостью и корыстью, чванством и злобой, трусостью и ленью верхних слоев общества, тогдашних вершителей судеб народа.

Умело используя традиции своей литературной классики, чехословацкие комедиографы охотно обращаются и к темам современности. Повседневный труд и заслуженный отдых строителей новой жизни, их мечты, любовь, думы и стремления — светлый и радостный мир современной чехословацкой комедии. Но новое всегда развивается в борьбе с отмирающим, старым. Содействовать победе нового, беспощадно, смело и зло разоблачая и высмеивая пережитки прошлого,— одна из коренных задач комедийного жанра. Чехословацкие комедиографы еще только на пути к выполнению этой задачи: сатира не заняла пока в современной кинокомедии надлежащего места.

Первое знакомство с чехословацкой кинокомедией произошло у советского зрителя весной нынешнего года, когда на наши экраны вышел фильм «Пекарь императора». Остроумно и оригинально переплелись в этом фильме сатирические картинки жизни при дворе взбалмошного императора Рудольфа II, обиравшего народ и тратившего огромные средства на поощрение разных мракобесов и шарлатанов, с иронически осмысленной средневековой легендой.

Герой этой легенды глиняный гигант Голем послушен тому, кто оживит его при помощи талисмана. Веселая путаница, в которой пекаря принимают за омоложенного императора, кончается тем, что пекарь, перехитрив коварных министров, иноземных шпионов и драчливых рыцарей, овладевает талисманом. Страшные силы Голема теперь направлены на мирные цели облегчения человеческого труда. Историческая буффонада раскрывала свой злободневный смысл благодаря замечательной игре артистов Яна Вериха, исполнявшего роль пекаря и императора, Иржи Плахия и Фр. Черного в ролях алхимиков. Постановщик, один из опытнейших и талантливейших чехословацких кинорежиссеров, Мартин Фрич зарекомендовал себя здесь как незаурядный мастер комедии. Об этом говорила и другая его кинокомедия — «Это было в мае», пользовавшаяся в Чехословакии заслуженным успехом. Она рассказывала о том, как старый опытный рабочий Шебеста не сразу понял и принял новые методы труда, новые отношения людей на производстве и в быту.

Новелла «Бунт арестанта Шейбы». Сцена в суде. На скамье подсудимых — Шейба (Эман Фиала).

Подобно Мартину Фричу, молодой режиссер Борживой Земан также создал и комедийную сказку о далеком прошлом и лирическую комедию о современности. Его фильм «Гордая принцесса» — экранизация сказочного сюжета Божены Немцовой. Это увлекательный рассказ о чистой и верной любви.

Современная комедия «Ангел в отпуске», поставленная Б. Земаном, подкупает живым ощущением нового, простотой и человечностью образов. Фильм этот — остроумный, хотя и немудреный рассказ о том, как контролер пражского трамвая Густав Ангел провел свой отпуск на курорте «Озерки», как общество простых, добрых и честных людей смягчает его колючий, ворчливый характер. И исполнитель главной роли Ярослав Марван, и молодые актеры А. Вранова, Я. Дитетова, В. Раж, и актер Иозеф Пер в роли механика, мастера на все руки, готового всем помочь, убедительны, правдивы и привлекательны. Поэтому зритель охотно прощает фильму немалые недочеты его композиции, натянутость и наивность некоторых положений.

«Щука в пруду». В роли каменщицы — начинающая артистка Лида Вендлова.

За последнее время чехословацкая кинематография выпустила новые комедии, утверждающие и развивающие то положительное и новое, что было найдено в фильмах «Это было в мае» и «Ангел в отпуске». Среди этих веселых киноповествований выделяются фильм Владимира Чеха «Щука в пруду», остроумно рассказывающий о девушках — новаторах строительства, и картина Ярослава Маха «Женщина — хозяйка своего слова», также затрагивающая вопрос о положении женщины в новом обществе.

Однако авторы этих произведений подчас грешат против комедийной формы: темп развития действия зачастую замедлен из-за ненужных и несмешных подробностей, растянутых диалогов; в характеристике персонажей наметились уже стандарт и повторения. В разработке современной тематики мы наблюдали иной раз нарочитое сглаживание жизненных конфликтов, явную боязнь сатирической остроты. К примеру, один из персонажей комедии «Женщина — хозяйка своего слова» всерьез считает, что рабочий не имеет права на личную жизнь, на развлечения, и с этих позиций пытается «руководить» своими сотрудниками. Авторы же фильма так и не решились зло осмеять этого сухого и скучного человека.

Чехословацким кинематографистам есть у кого учиться боевой и идейной сатире: отечественная литература дает им прекрасные образцы такого жанра. Некоторые сатирические произведения классиков удачно перенесены на экран. Это объемная мультипликация Карела Земана «Король Лавра» по поэме К. Гавличка-Боровского. Это рассказы бессмертного сатирика Ярослава Гашека, экранизированные режиссером Мирославом Губачеком.

Фильм «Комические рассказы Гашека» состоит из четырех, между собою не связанных новелл. В первой рассказывается о том, как глупый и злобный австрийский князь вздумал сам сварить похлебку для чешских детей, а потом передоверил «благотворительное» дело пьянице-полицейскому. Шаловливые дети сварили сапоги полицейского, и «похлебку» вкушал сам «благодетель». Во второй новелле пьяница и жулик староста, его распутный помощник, хитрый и лживый поп и другие «столпы» дореволюционной деревни проводят выборы на должность полицейского. Третья повествует о судьбе мелкого чиновника, которого начальник женит на своей скомпрометированной дочке. И, наконец, четвертая новелла — рассказ о «бунте» арестанта Шейбы, попавшего в заключение за кражу хлеба, когда он умирал с голоду. «Бунт» начался с отказа заключенного исполнять обязанности пономаря как раз тогда, когда в тюрьму прибыли благочестивые обследователи.

Не все новеллы одинаково хороши.

Социальная острота и горькая правда лучшего кинорассказа — «Бунт арестанта Шейбы» — еще более усиливаются от превосходного исполнения актером Эманом Фиала заглавной роли. Новелла (вторая) о выборах полицейского перегружена не всегда остроумными перипетиями, а в повествовании о свадьбе (третья новелла) есть сильный привкус фарса. Франтишек Смолик, Ярослав Марван, Ладислав Пешек, Рудольф Грушинский, Эман Фиала, Иржи Плахий и другие создают в названных киноновеллах незабываемую галерею образов тупых, злобных, упрямых и коварных властителей, чиновников, полицейских недоброй памяти австро-венгерской монархии, многовековой тюрьмы чехословацкого народа.

Сатира — острейшее оружие в борьбе с пережитками прошлого. Несомненно, что чехословацкие кинематографисты будут все смелее обращаться к созданию современных сатирических комедий с острыми жизненными конфликтами и драматическими столкновениями, с резким противопоставлением отрицательных, разоблачаемых персонажей правдивым и привлекательным героям современности.

Рассказы о прыжках

И. БОРИСОВ

На трамплине — Роман Бренер

— Прыгает Роман Бренер! — объявляет диктор.

Бассейн пронизан солнцем. Маслянисто поблескивает вода: то светлозеленая там, где неглубоко, то темная у края, над которым нависли трамплин и вышка. Мальчишки, только что бороздившие воду, спешат к бровке. Они сделали свое дело — взволновали гладь бассейна: с высоты, когда смотришь в недвижную толщу воды, не ощущаешь глубины,— выложенное светлыми плитками дно кажется совсем близко, и это смущает прыгуна.

Бренер выходит на устланную кокосовым ковриком доску. Секунду стоит неподвижно на середине, спокойный, сосредоточенный, будто повторяет в памяти последовательность движений предстоящего прыжка. «Три с половиной оборота вперед с разбега» — назвал этот прыжок судья-информатор. Сложный, мастерский прыжок.

Пружинящим шагом устремляется Бренер вперед. Перед ним — прямоугольник зеленой, в световых пятнах воды, под ногами — обрыв...

Толчок Бренер делает на самом краю доски. Сила мышц, отдача трамплина подбрасывают прыгуна вверх и вперед.

Затем следует падение. Оно длится менее двух секунд. Прыгун сжимается в комок, руками, до того свободно вскинутыми перед собой, он обхватывает ноги и плотно прижимает их к корпусу. Тело спортсмена образует живое колесо. Сальто, еще одно сальто, третье...

Какой решительностью и ловкостью должен обладать прыгун, чтобы за считанные дольки времени проделать столько красивых и сложных движений, падать, не теряя контроля над собой, крутить оборот за оборотом — и безошибочно чувствовать высоту!

Уже над самой водой Бренер распрямляется и красиво ныряет.

Всплыв на поверхность, прыгун направляется к лесенке, быстро поднимается вверх, чтобы успеть взглянуть на судейские щитки. Высокая оценка! Чемпион страны готовится к следующему прыжку. А тем временем на трамплинной доске начинает разбег другой участник...

Мужество и ловкость

— Прыгун в воду имеет дело одновременно с сушей, водой и воздухом,— говорит Серафима Блохина, заслуженный мастер спорта, победительница многих первенств страны. Серафима Павловна отдала любимому спорту более 20 лет. Последний раз она прыгала в 1948 году вместе со своими ученицами, которые и оказались ее главными соперницами.

В свое время Блохина увлекалась и воздушным спортом; она участвовала в групповом прыжке московских парашютисток, установивших рекорд страны. Смелость и самообладание прыгуна в воду как нельзя лучше пригодились Блохиной-парашютистке. Да и само мастерство прыгуна во многом повторяло мастерство воздушного спортсмена.

Воздух и вода вошли в жизнь Блохиной, как и в жизнь любого прыгуна: ведь до погружения в воду спортсмен находится в воздухе. Это сочетание двух стихий требует от него особого мужества.

Попробуйте пригласить на десятиметровую вышку новичка. Его испугает высота, зыбкая — как ему покажется — площадка разбега, лоснящаяся внизу плотная вода. Он почувствует себя таким слабым и беспомощным, что на вашу просьбу подойти к краю доски не всегда ответит согласием.

Но когда будет совершен первый прыжок, вы новичка не узнаете. Он обогатится прекрасным чувством победы над страхом, по-хорошему удивится самому себе: вот, мол, каков я и на что способен!

Прыжки в воду требуют, однако, не только смелости и решительности. Прыгун должен еще уметь владеть своим телом — выполнять в воздухе сложные движения, правильно входить в воду.

Прежде чем начинать прыжки в воду, спортсмен проходит специальную «наземную» подготовку, в первую очередь знакомится с искусством гимнаста и акробата. Многие прыгуны являются одновременно и мастерами по акробатике.

Когда наблюдаешь за соревнованиями прыгунов, удивляешься легкости их движений, красивых и ловких, предельно собранных и одновременно мягких.

Но за непринужденными прыжками мастера, от простейшей «ласточки» до виртуозных «оборотов» и «винтов», скрываются бесконечные тренировки, длительная закалка воли, настойчивые поиски своего стиля...

Вот почему спортсмен чувствует себя одинаково непринужденно как в воздухе, так и в воде.

Пятый прыжок...

День выдался на славу — ни туч, ни ветерка. Зной, висевший над Бухарестом, смягчался близостью воды, и спортсменам, перед тем как прыгнуть в прохладную глубь бассейна, было приятно чувствовать на шее и плечах прикосновение солнца. Люба Жигалова сидела на скамейке, под вышкой, в длинном ряду участниц и ждала своей очереди. Вчера во время жеребьевки ей достался пятый номер, девятый получила Нинель Крутова — ее «вечная» соперница. Нинель сидела недалеко от Любы — невысокая, хрупкая, в белой резиновой шапочке — и, еще не исполнив ни одного прыжка, уже имела преимущество: перед каждым своим выступлением она будет знать оценку, которую дадут судьи прыжку Жигаловой.

Впервые Люба встретилась с Нинель Крутовой более десяти лет назад, на всесоюзных соревнованиях девочек. Тогда победила тринадцатилетняя Нинель, Жигалова была второй. Через год соперницы поменялись местами. С тех пор и длится их дружба и спортивный спор.

Сколько раз они встречались на трамплинной доске, на мостике вышки! И каждый раз, покидая бассейн, соперницы знали, что их поединок еще не закончен. Будут новые соревнования — будет новая борьба.

Люба отнюдь не считала, что именно сегодня наступит развязка их затянувшегося спора. На спортивных играх Всемирного фестиваля молодежи и студентов выступали сильнейшие прыгуны — венгерка Ирен Жагот, чемпионка Германской Демократической Республики Ортель. Борьба будет трудная, но тем почетнее победа.

Пока судья-информатор объявляет прыжок Жигаловой, Люба успевает сосредоточиться. В каждом прыжке есть свой основной, самый важный элемент, о котором надо вспомнить на старте и мысленно выполнить его перед тем, как оттолкнуться от пружинящей доски...

Еще в полете, готовясь войти в воду, Люба почувствовала, что прыжок получился неудачным. Она не смогла совладать с волнением, и вот результат. Сейчас Крутова без особого труда может ее обойти...

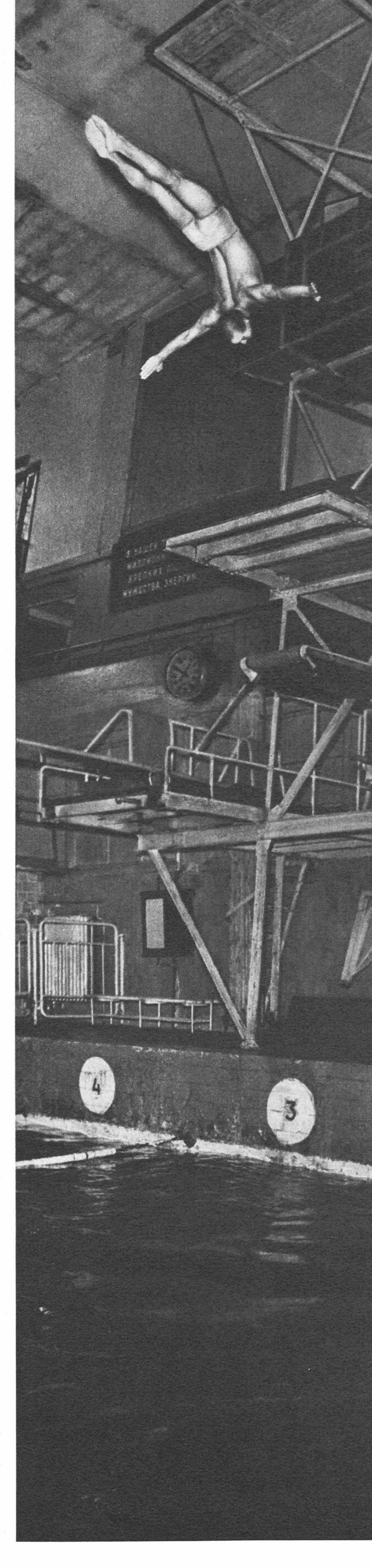
Подождав, пока «отпрыгают» еще три спортсменки, Люба возвращается к вышке. На скамейке, где только что сидела Крутова, горкой лежит ее халат, а сама она уже на трамплине. Снизу Нинель кажется еще более хрупкой. Но Крутова достаточно сильна и гибка и в воздухе чувствует себя с завидной уверенностью.

Да, хорошо прыгает Нинель! Первый и четвертый прыжки она выигрывает у Любы. Теперь у Крутовой солидный запас — полтора балла,— а первая половина состязаний подходит к концу...

Готовит Любу к соревнованиям ее муж, неоднократный чемпион страны Алексей Жигалов. Задолго до начала фестиваля они составили программу прыжков. В ней чередовались трудные прыжки с более легкими. Самый сложный Люба оставила напоследок — пятый. В этом прыжке спортсменка выполняет последовательно движения в горизонтальной и вертикальной плоскостях — «полуоборот с полувинтом». Тут должно быть все рассчитано до точности: и разбег, и взлет, и время падения, и то, что называется «жесткостью» трамплина.

Не много участниц решились включить этот прыжок в программу своих выступлений, и среди них была Нинель Крутова. Вышло так, что у нее он тоже значился пятым.

«Надо взять себя в руки, обязательно выиграть этот прыжок»,— решает Жигалова. Ей не сидится на месте. Люба запахи-

Прыжок Романа Бренера.
Фото Е. Тиханова.

вает халат и мелкими шажками прохаживается вдоль площадки. Был бы хоть Алексей рядом, но он сейчас судья — официальное лицо. Собственно, его совет она знает и так: «Спокойно, больше веры в себя».

«Разрешаю прыжок»,— возвещает свисток судьи, и Люба начинает разбег. Трамплин, как праща, выбрасывает ее вверх. Спортсменка изящно отгибается назад, руки разведены в стороны, как крылья парящей птицы, ноги напряжены, носки оттянуты. Достигнув вершины взлета, Люба плавным движением поворачивается к трамплину, как бы ввинчивается в воздух, опускает голову вниз и стремительно летит навстречу воде...

Сейчас вступит в свои права арифметика. Оценки судей дадут одну — общую. Она будет перемножена на коэффициент трудности прыжка, и тогда диктор объявит окончательный балл. Его присовокупят к уже имеющимся оценкам за предыдущие прыжки, и станет ясно, кто впереди: Жигалова или Крутова.

Тот же самый прыжок — «полуоборот назад с полувинтом» — Нинель исполняет без разбега. Поэтому толчок у нее не так высок, как у Любы, и, проделав все элементы четко, ей не хватает какой-то доли секунды, каких-то сантиметров полета, чтобы над поверхностью воды выпрямиться и нырнуть, не подняв брызг. Незаметный просчет, и лидерство утеряно. Так кончается первая половина состязаний...

Вечером состоялись финальные прыжки. Крутовой еще раз удается выйти вперед. У этой не очень сильной на вид прыгуньи, оказывается, огромная сила воли. Но и Жигаловой не занимать упорства. Она уверенно заканчивает соревнования. Сейчас ее уже никто не может догнать: ни Крутова, ни выдвинувшаяся последним виртуозным прыжком на второе место Валентина Чумичева.

В тройку сильнейших вошли три советские спортсменки.

Любовь Жигалова.

И. ВЕРШИНИНА

Михаил Петрович вернулся с работы в хорошем настроении. Впереди целый вечер. Пообедав, он уютно расположился с книгой на тахте и потянулся к приемнику.

Несколько минут все шло хорошо, пока шум, ворвавшийся в окно, не заглушил радио. Точильщики? Однако с каких пор они ходят бригадами? Нет, скорее всего это чинят крышу. Вдруг чей-то хриплый и глухой голос, принадлежавший лицу неизвестного пола и возраста, проступил сквозь скрежет, нараспев предложив всему двору «пожать друг другу руки» и двинуться «в дальний путь на долгие года». «Да это же песенка, которую пели еще задолго до войны! — промелькнуло в сознании Михаила Петровича.— Подумать только: какие бывают стойкие привязанности! И песенка-то не первый сорт. Будто нет современных хороших песен о любви».

Скрип и лязг оборвались, но через секунду возобновились с новой силой. При этом кто-то во дворе стал громко икать, настойчиво, с одной и той же интонацией твердя таинственную фразу: «Нежно с мо... с мо... с мо...»

Михаил Петрович предположил, что эта пластинка — пособие для изучающих иностранный язык. «Только система какая-то странная»,— подумал он. Голос старухи-лифтерши внес ясность: «Будь она неладна, эта дурацкая пластинка,— вечно её заедает на одном и том же месте!»

Михаил Петрович предпринял еще одну попытку углубиться в книгу. В этот момент женское сопрано, не без приятности, строго конфиденциально запело о своей любви к голубке. Затем история с голубкой повторилась еще и еще. Конечно, это было несравненно лучше дурацкого «нежно с мо...», но все же, когда песня пронизала двор в седьмой раз, Михаил Петрович не выдержал. Вскоре он далеко не дружелюбно постучался в соседнюю квартиру.

Владелец патефона встретил его приветливо:

— Заходите, сейчас как раз новую пластинку собираемся слушать— «Голубку».

— Как? Опять?

— Почему опять? Первый раз. Вчера только привез,— достал в Свердловске.

— Значит, это не вы весь вечер ее заводите?

— Будто во всем доме только у нас патефон! — усмехнулся сосед.— Их тут, поди, штук двадцать. Патефонов, как видите, много, а хорошую лирическую пластинку выпускают раз в год. «Вот тут и вертись»,— процитировал он.— И довертелись. Смотрите, до чего дошли.

И он подал... рентгеновский снимок. Да, обыкновенный рентгеновский снимок, только в форме диска. На нем была запечатлена чья-то грудная клетка, а меж ребер вклинилась неожиданная надпись «Голубые глаза».

Михаил Петрович с некоторой опаской посмотрел на соседа.

— Изумлены? А как вы относитесь к этому? — И он поставил на патефон диск с рентгеноскопией черепа.

Хрипловатый голос сразу же информировал собравшихся, что «Сашка был когда-то хват».

— Вы, я вижу, шутник,— робко произнес Михаил Петрович.

— Какие уж тут шутки! Просто «ловкие» люди учли тягу молодежи к легкой музыке, к танцам и наладили производство этой макулатуры. А кто ведает репертуаром граммпластинок, не интересуется запросами слушателей. Ведь половина выпущенных пластинок лежит в магазинах месяцами без всякого движения!

И сосед стал напамять перечислять устарелые названия патефонных пластинок, ругая их на чем свет стоит.

Но пластинки ругать было не за что. Вряд ли эти маленькие черные кружочки виноваты были в том, что на них записывали вторые части произведений тогда, когда еще не были изготовлены записи первых, устаревшие марши в громоподобном исполнении духовых оркестров, сложные и многофигурные бальные танцы, мало находящие применения... А вот, например, 2-й концерт Рахманинова... Три года ожиданий этой пластинки, бесконечных запросов, заявок, просьб покупателей так ни к чему не привели. То же и с 9-й симфонией Бетховена. Этого произведения нет даже в каталоге пластинок, выпускаемых в 1953 году. Или новая пластинка для детей... За последние три года не много появилось новых названий в этом жанре. «И правильно,— очевидно, рассуждают руководители граммофонной промышленности.— Незачем! Дети-то растут. Те, которые слышали прежние пластинки (три, а может, и десять лет тому назад), теперь выросли, а народившимся и старое будет внове».

Попробуйте также раздобыть простой по ритму и фигурам бытовой танец. Причем такой, который можно было бы танцевать, не оканчивая специальных курсов, и без необходимого для бальных танцев кворума в 10—12 пар. Таких пластинок не выпускали уже сколько лет, а они, наверное, нашли бы во много раз больше спроса, чем па-зефиры, па-де-патинеры, которые, кажется, покупают одни только массовики домов отдыха.

Настойчивые любители пластинок пишут письма, требуют, выступают со своими претензиями на конференциях. На одной из таких конференций, проходившей 5 июня в Москве, говорили:

— Мало записано Римского-Корсакова, трудно достать арии из «Снегурочки». Недостает пластинок с Собиновым. Выпустили сначала II, III, IV части «Квартета № 4» Гайдна, а потом только I часть. «Токката» Баха исполняется на клавесине, а на этикетке написано: «Орган».

— Слушателю — любителю музыки — стало нечего покупать. Люди, ведающие репертуаром, без вкуса. Они не интересуются спросом... Надо дать равноправие всем жанрам. Плохо, что у граммпластинок много нянек.

Да, нянек у граммпластинок немало, и вот что из этого получается. Музыкальная редакция Главного управления радиоинформации проводит интересующие ее записи на магнитофон. Раз так, решают работники граммофонной промышленности, то зачем им волноваться, искать самим, заказывать? Проще прослушать записи, сделанные для радио, и понравившееся внести в каталог грядущего года. Разве это не будет выглядеть очень солидно? Затем предстоит разослать каталог торгующим организациям — пусть те изучат запросы потребителя и пришлют свои заявки. А потом, если художественно-репертуарный отдел, художественно-технический совет, Дом звукозаписи и другие инстанции возражать не станут, можно будет передать заказ Апрелевскому заводу.

Правда, при такой системе, быть может, пройдет год — полтора, пока «новинка» дойдет до слушателя. Но это не беда, зато будет ясна точка зрения каждой из шести инстанций по поводу каждой пластинки! А новая пластинка всегда кстати: не так уж часто такое случается!

Мы не коснулись многих других претензий покупателей к руководителям граммофонной промышленности:

— Забыли о народной музыке. Нет записей Уральского хора.

— Очень мало песен и романсов в исполнении Шаляпина, в том числе давно нет «Дубинушки».

— Нет записей музыкантов с мировыми именами, таких, как Крейслер, Тибо, Тосканини, певец Джильи.

Не будем утомлять читателей пересказом выступлений на этой конференции, то есть бесконечным перечнем того... чего нет. Поговорим лучше о том, что есть.

Есть очень хорошие долгоиграющие пластинки. Размер их такой же, как и обыкновенных, но на каждой стороне можно записать в 3—4 раза больше. К примеру, на одной стороне пластинки записан концерт Лемешева из семи произведений, на другой —

восемь различных исполнителей. Вся опера «Евгений Онегин» записана на 4 пластинках, и стоят они 40 рублей 80 копеек, тогда как в обычном оперном комплекте эта запись занимает 20 пластинок, и цена их — 78 рублей.

Длительностью записи и дешевизной еще не исчерпываются достоинства долгоиграющих пластинок: они в два с половиной раза меньше изнашиваются, чем обычные, и не бьются при падении. Но самое основное их достоинство в том, что они бесшумны, то есть никакого шипения, жужжания — обязательного ассортимента шумов при проигрывании пластинки — здесь вы не улавливаете. Чистота записи, полноценность и сочность звука такие, что закройте глаза, и у вас будет полное впечатление: вы в концертном зале.

Но, к сожалению, пластинки эти не могут выдержать веса обычной мембраны и давления обычной иглы,— их можно заводить только на специальных проигрывателях или добавив к радиоле облегченный звукосниматель. Научно-исследовательский институт звукозаписи сконструировал универсальный проигрыватель, на котором можно прослушивать и обычные и долгоиграющие пластинки, так называемый «Ун. проигрыватель». Вернее бы под «ун.» подразумевать «уникальный». Изготовляет такие проигрыватели только один завод, и за 1953 год он выпустит их не более 60—70 тысяч. Не поэтому ли к середине сентября на Апрелевский завод, занимающийся выпуском долгоиграющих пластинок, не поступило... ни одного заказа, хотя завод в IV квартале мог бы их выпустить миллиона полтора?

Счастливцы, которым достались проигрыватели, очень высоко отзываются о долгоиграющих пластинках и требуют все новые и новые записи. Но проигрывателями даже в специализированном магазине на Арбате торгуют всего 2—3 дня в месяц.

На конференции слушателей художественный руководитель Дома звукозаписи заявил: «Безусловно, мы должны прислушиваться к требованиям покупателей, но тут главную роль играют продавцы» (!!).

Мы решили посмотреть, как же справляются с этой своей «главной ролью» «исполнители». Надо сказать, что положение у них не выигрышное: главная роль оказалась бессловесной. А покупатель ждет, ждет текста — исчерпывающих ответов на свои вопросы.

Покупатели:

— Что же вы совсем не выпускаете новых пластинок? Какие записи ведутся сейчас в студии? Чем порадуете нас в ближайшее время?

— Из каких соображений урожайные частушки стоят 3 рубля, а посевные — 5 рублей 25 копеек?

— Любопытно, почему грамзаписи исполнения солистками Большого театра В. А. Давыдовой и М. П. Максаковой одного и того же романса «Черный веер» расценены совершенно по-разному?

— Чем так уж не удалась Сергею Яковлевичу Лемешеву песня «Вьется вдаль тропа лесная», что пустили ее за 3 рубля? Ту же пластинку в исполнении Нечаева я купил за 5 рублей 25 копеек.

Продавщица, краснея от собственного бессилия и стыда за людей, поставивших ее в незаслуженно глупое положение, бежит к заведующей.

И там происходит сцена... Впрочем, не будем описывать эту сцену: она очень напоминает ту, которая происходила дома у соседей Михаила Петровича. Всё так же ругали многострадальную пластинку.

Вот мы и решили за нее вступиться!

В магазин «Грампластинка» часто заходят и артисты-исполнители. Заслуженный артист РСФСР В. А. Канделаки за прослушиванием пластинки с записью исполненных им куплетов из «Кэто и Котэ».

Фото А. Гостева.

«ГАЗ-69»

«ГАЗ-69» уверенно преодолевает опасные спуски.

Крутой подъем не преграда новому автомобилю. Машина упрямо взбирается вверх.

Каждый раз, приступая к массовому выпуску нового типа автомобиля, инженеры подвергают его конструкцию всесторонним испытаниям. Экзамен, учиненный новому автомобилю Горьковского автозавода, был особенно суров: ведь создавалась машина на редкость неприхотливая, которая могла бы двигаться по любым дорогам, и даже очень плохим.

Новый «ГАЗ» (его порядковый номер — 69) предназначен для сельских районов. Он проходит там, где заказан путь всем другим машинам. Его не остановить крутыми подъемами, опасными спусками. Даже дорожная грязь, такая страшная в период распутицы, не пугает водителя, сидящего за рулем «ГАЗ-69».

Вот встретился участок сыпучих песков. Колеса начинают буксовать. Шофер включает передний мост. Теперь усилия от мотора передаются не двум задним колесам, как обычно, а всем четырем. С этого момента все четыре колеса движут машину, и она проходит трудный участок пути.

Поверхность резиновых покрышек изрезана глубокими зигзагами. Сцепление таких шин с землей очень велико.

Отличное сцепление с грунтом, передача усилий двигателя на все колеса — все это наделяет «газик» силой великана. Он не только легко проходит там, где вязнут другие машины, но, обогнав застрявший автомобиль, способен вытащить его из грязи.

Новая машина универсальна — выпускается с кузовами двух типов. В кузове семь мест (восьмое занято водителем). Скамейки легко и быстро складываются, и тогда место, предназначенное для пассажиров, могут занять 500 килограммов груза.

Ну, а если нужно доставить большую тяжесть? Или одновременно перевозить и людей и грузы? Для таких случаев предусмотрен прицеп, вмещающий полтонны.

В колхозах часто возникает необходимость перевозок, при которых легковая машина мала, а грузовик слишком велик. В подобных случаях новый «ГАЗ» очень удобен. А на обратном пути из города можно захватить различные промышленные товары. В прицеп вмещается даже мебель.

Колхозники доставляют на городские рынки свежую рыбу. Свежую, но не живую. Перевозка улова в воде требует довольно сложного дорогостоящего оборудования. «ГАЗ-69» устраняет эти трудности. Прицеп наполняется водой, и в таком своеобразном аквариуме живая рыба может быть доставлена прямо в магазин.

Автомобиль с кузовом второго типа более комфортабелен, рассчитан только на перевозку пассажиров. Однако и эта пятиместная легковая машина может тянуть за собой прицеп.

Выпущенный для сельского хозяйства новый автомобиль найдет себе применение на лесозаготовках, на строительствах, в изыскательских экспедициях, при перевозке почты.

Новые автомобили уже выезжают из ворот завода имени В. М. Молотова. Они станут надежными друзьями людей самых различных профессий.

М. АРЛАЗОРОВ

Фото Я. Дихтера.

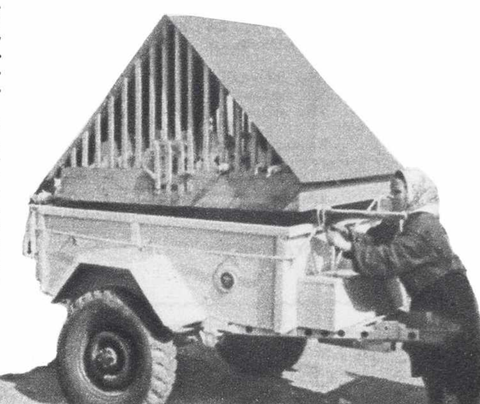

Небольшие речушки можно пересечь вброд.

Если включить передний мост, все колеса станут ведущими и сыпучий песок быстро останется позади.

Птичий домик со своими пернатыми жильцами грузится на прицеп.

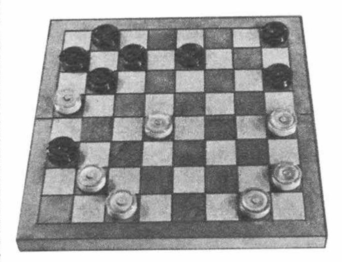
ШАШКИ

Под редакцией мастера Г. Я. Торчинского

ДВЕ КОМБИНАЦИИ

В московских соревнованиях 1951—1953 годов больших успехов добился студент Московского энергетического института имени В. М. Молотова Ким Шахсуваров. Зрелая и вместе с тем свежая и оригинальная игра позволяет молодому шашисту создавать за доской много интересных комбинаций.

В партии Г. Берлянд — К. Шахсуваров из первенства МЭИ после 16-го хода черных получилась позиция, показанная на доске.

За пожертвованную шашку у белых достаточная компенсация — связка правого фланга черных. Однако один неосторожный ход белых решил исход борьбы. Последовало:

17. b2—c3?	. . .

Нужно было играть 17. g1—f2! и на e7—d6 18. f2—e3 с ничьей впереди.

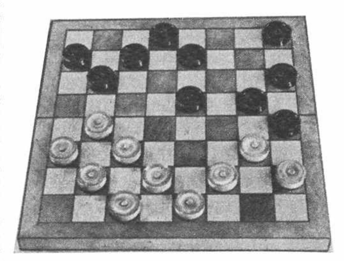
17. . . .	e7—d6
18. g1—f2	. . .

Иначе 18. ... d6—c5 с выигрышем.

18. ...	b6—c5!!
19. d4 : d8	h6—g5!
20. h4 : f6	d6—e5!
21. f6 : d4	b8—c7
22. d8 : b6	a7 : g1

Белые сдались.

В чемпионате Москвы 1953 года К. Шахсуваров (белые) после нешаблонно разыгранного дебюта в партии с С. Таксером вышел из тяжелого положения, проведя следующую комбинацию:

После 11-го хода черных

12. g3—f4	g5 : g1

Если 12. . . . e5 : g3, то 13. h2 : f4 g5 : g1 14. c3—d4 g1 : c5 15. b4 : b8 e7—f6 16. b8—d6 и т. д.

13. b4—c5!	b6 : d4
14. e1—f2	g1 : e3
15. d2 : f8	h6—g5

Теперь уже черные должны форсировать ничью.

16. c3 : e5	g5—f4
17. e5 : g3	h4 : f2

Согласились на ничью.

ДУШЕВНЫЙ КОНФЛИКТ

Мих. ЗОЩЕНКО

Рисунки И. Семенова.

Водка появилась 600 лет назад. Причем она появилась в качестве лекарства. Средневековые врачи прописывали ее слабым больным для поддержания бодрости духа.

Но в дальнейшем произошла необычайная перемена, какой не случилось ни с одним из лекарств. Здоровые люди целиком овладели этим медицинским напитком, а больным перестали его давать. И это был опасный поворот в истории человеческой жизни.

Как и при каких обстоятельствах произошло это событие, мы, к сожалению, не знаем за давностью лет. Но одно яркое напоминание о прошлом все же осталось. Осталась привычка говорить перед принятием этого снадобья: «Будьте здоровы!»

Конечно, этот возглас когда-то звучал разумно. Подавая лекарство, больному желали здоровья. Но теперь это восклицание вносит неразбериху в человеческие отношения. Трудно понять, кто, кому и почему желает здоровья.

Вообще вся история водки, начатая столь блистательно, в дальнейшем полна загадок и путаницы. Эта путаница, увы, и по сие время продолжается.

Истинное происшествие, о котором мы собираемся вам рассказать, полностью подтверждает наше соображение.

И мы далеко не уверены, что с помощью одного фельетона можно будет прояснить обстановку. Однако попробуем.

* * *

В одной коммунальной квартире проживал со своей семьей некий Сергей Сергеич Лапушкин. Он работал мастером на мебельной фабрике.

Это был нестарый человек, добродушный, жизнерадостный. Раз в неделю он непременно бывал со своей женой в театре или в кино. Остальные же дни почти всегда проводил дома. Занимался со своими детишками. Шалил с ними, играл в прятки или же читал им книжки.

Эти приятные семейные сценки радовали окружающих и доставляли удовлетворение Сергею Сергеичу и его супруге.

Но потом горе посетило эту славную семью. Сергей Сергеич стал выпивать и все чаще и чаще являлся домой в нехорошем виде.

Жена его, Анна Лаврентьевна, не сразу разобралась во всем значении этой беды. А когда спохватилась, то было поздно. Сергей Сергеич уже не смог отстать от своей привычки.

Было много грустных сцен за последние годы. Не раз и не раз плакали его дети. А подчас и супруга, оставшись одна, голосила на деревенский манер.

Полгода назад Сергея Сергеича стали лечить от алкоголя. Но лечение не принесло существенной перемены. Некоторое время, правда, он вовсе не пил, но потом с новой силой приступил к прерванному занятию.

Не зная, что предпринять, Анна Лаврентьевна обратилась за советом к своему соседу, который проживал в их квартире. Это был старенький человек, научный работник, ботаник по профессии. Все квартиранты его почитали и не переставали восхищаться его тихой, созерцательной наукой.

В настоящее время ботаник этот находился на пенсии, писал какой-то труд о растениях и был слишком занят. Тем не менее он охотно принял Анну Лаврентьевну и долго беседовал с ней.

Выслушав ее, он сказал ей:

— Добрейшая Анна Лаврентьевна, прежде всего нам надо отыскать причину, которая толкает его на путь алкоголя. Причин бывает немало. Один человек недоволен собой, другой — не удовлетворен работой, третий, допустим, мечтал быть министром, а жизнь предоставила ему вовсе не то. Возникает душевный конфликт. И в результате человек обращается к водке.

Анна Лаврентьевна простодушно воскликнула:

— Нет, мой Сергей никогда ни в какие министры не метил! Своей работой он бесконечно доволен. Доволен семьей, квартирой, едой. И тут будет напрасный труд — искать причину.

На это ботаник вот что ответил:

— Добрейшая Анна Лаврентьевна, бывают причины конфликта более сложные. И даже такие, в которых человек и сам себе не всегда признается. И тут, повторяю, надо раскрыть загадку его поведения. Истоки этого поведения могут лежать как в области чувств, так и в сфере общественных отношений.

Анна Лаврентьевна с беспокойством спросила:

— А что же, например, в области чувств может случиться?

Желая ее успокоить, ботаник торопливо сказал:

— Нет, нет, говоря о чувствах, я не имел в виду вашего мужа. Просто я вспомнил одного моего приятеля, который в 1901 году, будучи женат, полюбил другую. Конечно, возник душевный конфликт — борьба между чувством и долгом. Мой бедный приятель стал пить и вскоре сошел с круга.

Тут Анна Лаврентьевна снова воскликнула:

— Батюшка Александр Степаныч, будьте отцом родным! Побеседуйте с моим Сергеем. И если только окажется, что у него имеется этот конфликт, то пусть он тут с ней и остается, а я, например, заберу детишек и уеду в колхоз к моим престарелым родителям.

Ботаник пообещал все выяснить. И со следующего дня приступил к выполнению своей задачи.

Однако оказалось, что он взял на себя нелегкий труд. Он был деликатный, стеснительный человек. Чувствовал крайнюю неловкость заговорить с Сергеем об его личной жизни. Да и тот не выражал желания исповедоваться. Поэтому, встречаясь в коридоре, они все больше отмалчивались. И никакой душевной беседы у них не завязывалось.

Наш старый ботаник никогда не имел пристрастия к вину, но тут, ради дела, он решил пойти на некоторые жертвы. В одну из суббот он пригласил Сергея Сергеича где-нибудь посидеть, чтобы за рюмкой вина обоюдно развязать языки.

Сергей Сергеич охотно пошел с профессором и, выйдя на улицу, сказал ему:

— Обычно, Александр Степаныч, я захожу в «забегаловку», чтобы выпить мою скромную порцию. Но сегодня, пожалуй, нам с вами следует зайти в какое-нибудь чистенькое кафе, чтобы там культурно провести время.

Спутники зашли в кафе и там, приятно закусывая, немного выпили. И тогда наш ботаник в лоб поставил вопрос о душевном конфликте. На это Сергей Сергеич прямо и не виляя ответил:

— Да, испытываю душевное недовольство...

Ботаник затаил дыхание, чтобы выслушать собеседника, а тот, шумно вздохнув, сказал:

— Например, сегодня, Александр Степаныч, мне хотелось послушать ваши рассказы о ботанике. Я надеялся, что в кафе вина не бывает. Но оказалось, что они тут подается. И так всякий раз. Куда ни зайдешь, непременно всюду вино. А натура у меня слабая. Категорически отказаться не умею. Пью и пью. И при этом испытываю душевное страдание.

Эти будничные, заурядные слова ошеломили нашего ботаника. Он рассчитывал услышать сложнейшую душевную драму со всякими психологическими поворотами, а вместо этого ему рассказали простенькую и даже вульгарную историю человека, который пьет по слабости своей воли.

Некоторое время ботаник молчал, испытывая странное разочарование. А потом недоверчиво спросил:

— Неужели всюду подают вино?

Поглядывая на буфетную стойку, Сергей ответил:

— Всюду подают вино. Насчет кафе я сомневался, но теперь выяснилось, что и тут без этого не обходятся. А поскольку я сейчас принял сто граммов, то мне, Александр Степаныч, придется повторить мою порцию.

Часа через два ботаник и Сергей Сергеич, сильно пошатываясь, вернулись домой.

Нет, в тот вечер разговор с Анной Лаврентьевной не состоялся. Ботаник поспешил заснуть. А на другой день он вот что сказал ей:

— Отыскали, отыскали причину, добрейшая Анна Лаврентьевна. Но эта причина оказалась не из тех, о которых я говорил вам. Тут дело обстоит проще. И поэтому мы поведем борьбу со злом, как полагается в данном случае. В ближайшие дни я сам проверю все факты, соберу материал и пошлю его в одну из редакций. Пусть поставят вопрос в печати и внесут некоторые границы в эту неразбериху с вином. И я, добрейшая Анна Лаврентьевна, не сомневаюсь, что мы успешно защитим категорию людей слабой воли.

* * *

Ботаник Александр Степаныч собрал обширный материал. И вот теперь его материал перед нами.

Оказывается, Александр Степаныч лично посетил многие столовые, театры, кафе, буфеты. Картина всюду была одинаковая. На каждом углу, как он пишет, слабого человека подстерегала опасность. Даже в театрах, где зритель менее всего к этому подготовлен. Правда, в театрах отпускают главным образом коньяк. И, кто его знает, быть может, этот крепкий напиток помогает зрителю усваивать слабые пьесы.

В своих выводах Александр Степаныч выражает пожелание сохранить некоторое количество тихих и уютных уголков, где бы подавался чай и все, что к нему полагается.

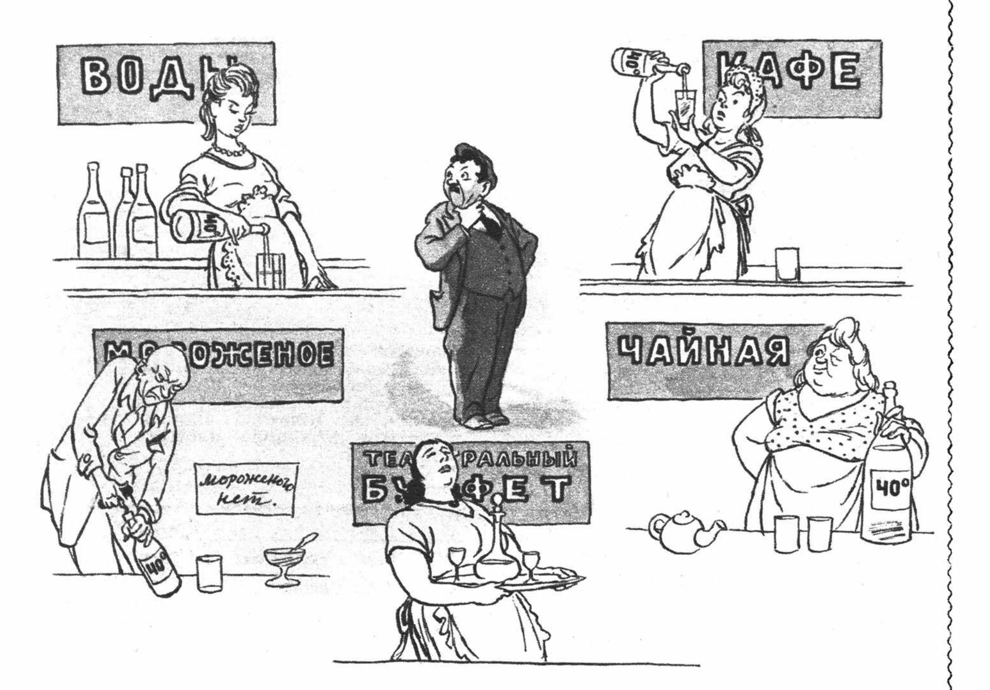
И мы целиком разделяем это скромное мнение. Нам кажется, что даже пьющему человеку будет приятней не всюду отыскивать вино. Некоторые затруднения отнюдь не испортят радости. Как сказал один великий поэт:

Надобно немного затруднить
их счастье,
чтоб легкость достижения
не сбавила
для них его цены...

Поэт сказал эти слова не о вине, однако и в отношении вина вполне применима эта поэтическая формула.

Что касается Сергея Сергеича, то он все еще не бросил своей привычки. Но до нас стороной дошли тревожные слухи, что теперь и ботаник слегка пристрастился к этому занятию.

И тут надо бы скорей уважить его просьбу — открыть чайные без подачи крепких напитков. Тогда он снова перейдет на чай. Тем более, что чай тоже утоляет жажду. Я, помню, пил его когда-то.

ШАХМАТЫ

НАХОДЧИВОСТЬ МОЛОДОГО ГРОССМЕЙСТЕРА

Во втором туре матч-турнира в Швейцарии молодой советский шахматист Тигран Петросян встретился с опытным гроссмейстером — американцем С. Решевским. Любимое начало С. Решевского — как за белых, так и за черных — защита Нимцовича; Т. Петросян, однако, не уклонился от этого начала.

С. Решевский — Т. Петросян

1. d2—d4 Kg8—f6
2. c2—c4 e7—e6
3. Kb1—c3 Cf8—b4
4. e2—e3 0—0
5. Cf1—d3 d7—d5
6. Kg1—f3 c7—c5
7. 0—0 Kb8—c6
8. a2—a3 Cb4 : c3
9. b2 : c3 b7—b6

Хорошо известный вариант защиты Нимцовича, популярный лет 15 назад; ныне он опять вошел в моду. Теперь обычно продолжают 9 . . . dc с последующим Фc7 и e6—e5; Т. Петросян избирает более старое продолжение.

10. c4 : d5 . . .

А. Алехин против П. Кереса (Амстердам, 1938 год) играл 10. a4. В данной партии белые проводят идею советского гроссмейстера М. Тайманова.

10. . . . e6 : d5
11. Cc1—b2 c5—c4
12. Cd3—c2 Cc8—g4
13. Фd1—e1! . . .

Этот остроумный маневр М. Тайманов в аналогичной позиции успешно провел в партиях против И. Бондаревского и М. Ботвинника. «Соль» маневра состоит в том, что после Kh4! и f2—f3 конь h4 будет защищен белым ферзем (с поля e1). Проще всего здесь продолжать черным 13 . . . C : f3 с достаточно надежной позицией; два слона белых вряд ли могут дать им перевес ввиду замкнутого характера позиции.

13. . . . Kf6—e4

Это, конечно, лучше, нежели 13. ... Лe8 14. Kh4! Ch5 (аналогично партии Тайманов — Ботвинник, Москва, 1953 год), но все же дает белым некоторое преимущество.

14. Kf3—d2! . . .

Слабее 14. C : e4 de 15. Kd2 Фd5 16. f3 Cf5, и черные контролируют поле e4; слона c2 полезно сохранить.

14. . . . Ke4 : d2
15. Фe1 : d2 Cg4—h5
16. f2—f3 Ch5—g6
17. e3—e4 Фd8—d7
18. Лa1—e1 d5 : e4

Позиционный промах, в результате которого положение черных становится критическим. Не следовало блокирующую пешку d5 разменивать на пассивную пешку f3; черные также теряют возможность получить на поле d5 базу для фигур. Более логично 18. . . . f5, так и продолжал Т. Петросян в партии против В. Смыслова, игранной несколькими турами позже.

19. f3 : e4 Лf8—e8
20. Фd2—f4 b6—b5

Уже угрожало 21. Ca4!, с последующим d4—d5.

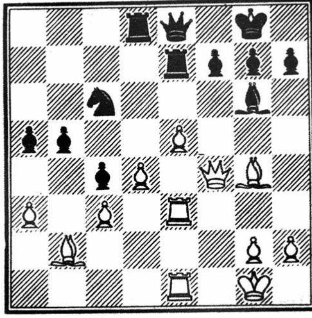
21. Cc2—d1 . . .

Белые переводят слона на более активную позицию и одновременно подготавливают продвижение e4—e5.

21. . . . Лe8—e7
22. Cd1—g4 . . .

Незаметная ошибка, артистически использованная черными. Правильно было 22. Лe3, сохраняя пешку на e4. Теперь черные вызывают продвижение e4—e5, что приводит к ослаблению поля d5.

22. . . . Фd7—e8!
23. e4—e5 a7—a5
24. Лe1—e3 Лa8—d8
25. Лf1—e1 . . .

Черные, на первый взгляд, в отчаянном положении. Белые третий раз защитили пешку e5, и теперь грозит 26. Cf3 с последующим d4—d5—d6. Т. Петросян находит, однако, удивительное спасение.

25. . . . Лe7—e6!!

Весьма неожиданно, красиво и просто! Черные должны незамедлительно провести блокирующий маневр Kc6—e7—d5; отступить ладьей по седьмой линии опасно ввиду e5—e6, поэтому ход в партии является единственной, хотя и скрытой, возможностью.

Черные теряют качество, но при этом выбывает с поля боя самая активная фигура белых — слон g4. Образующиеся белопольные слабости в лагере белых являются, пожалуй, достаточной компенсацией за качество.

26. a3—a4 . . .

Белые хитрят: а вдруг противник сыграет 26. . . . b4 и после 27. C : e6 fe 28. Фf1 Cd3 29. Л : d3 cd 30. Ф : d3 белые по сравнению с продолжением в партии выиграют важный темп (конь будет еще на c6)?

26. . . . Kc6—e7!
27. Cg4 : e6 f7 : e6
28. Фf4—f1 Ke7—d5
29. Лe3—f3 Cg6—d3
30. Лf3 : d3 . . .

Вынужденная ответная жертва: иначе черные продолжали бы 30. . . . b4 с отличной игрой.

30. . . . c4 : d3
31. Фf1 : d3 b5—b4
32. c3 : b4 . . .

Это ведет к уравнению игры и к быстрой ничьей, так как блокированная лишняя пешка белых (d4) не имеет никакого значения. Однако опасно было 32. c4 Kb6, и белые теряли пешку a4.

32. . . . a5 : b4
33. a4—a5 Лd8—a8
34. Лe1—a1 Фe8—c6
35. Cb2—c1 Фc6—c7
36. a5—a6 Фc7—b6
37. Cc1—d2 b4—b3
38. Фd3—c4 h7—h6
39. h2—h3 b3—b2
40. Лa1—b1 Kpg8—h8

Согласились на ничью. Интересная партия, в которой молодой советский гроссмейстер проявил исключительное хладнокровие и находчивость!

Гроссмейстер
М. БОТВИННИК

Летят перелетные птицы...

Научные сотрудники Бюро кольцевания Л. С. Таманцева и Т. П. Шеварева просматривают кольца перед отправкой их в заповедники.

Каждый охотник считает, что он, как никто другой, знает все виды птиц и все их повадки. Каково же было изумление охотников, скажем, Калининской области, когда у них вдруг появились невиданные цапли с ярко-желтой грудкой! «Не видели таких, не знаем, откуда они»,— сказали почти все старые охотники. Но, конечно, нашлись и «знатоки», которые называли им одним известные, мудреные породы птиц и утверждали, что они просто давно не прилетали, а вот сейчас «пожаловали».

Нетрудно представить, как выглядели эти «специалисты», когда в областных и районных газетах появились объявления, сообщавшие, что в Дарвинском заповеднике Калининской области одновременно с кольцеванием многих птиц окрасили в яркожелтый цвет грудь у 100 серых цапель.

Всех, заметивших желтогрудых цапель, просили сообщить об этом в заповедник или в Бюро кольцевания птиц: Москва, Малый Черкасский переулок, дом 1/3. И вот в адрес Бюро кольцевания стали поступать письма с Украины, из Болгарии, Италии, из Африки...

Почти полмиллиона птиц за 30 лет окольцевали наши заповедники, различные научно-исследовательские институты и многие юные натуралисты. Каждый год с наступлением холодов улетают пернатые в далекие страны, неся на своих лапках маленькие птичьи «паспорта» — колечки с пометкой «Москва».

Поступающие в Бюро кольцевания письма и колечки-паспорта изучаются, систематизируются. Перед учеными постепенно вырисовываются данные о повадках и привычках птиц-путешественниц, уточняются маршруты их перелетов.

Так, например, мы узнаем, что чайки зимой предпочитают жить в Египте, в Африку же улетают и цапли и некоторые виды уток. Кстати, всегда считали, что утки улетают только в южные страны, а оказывается, многим из них нравится, например, природа Англии или Франции. Скворцы из Калининской и Ленинградской областей, как правило, направляются в Бельгию или Голландию, а подмосковные зимуют в Италии. Одна наша чайка несколько зим подряд улетала на остров Гельголанд, где ее встречали, как старую знакомую, и о прибытии ее немедленно сообщали в Москву.

Есть птицы — обладательницы нескольких колец, то есть «прописанные» уже в ряде стран. Выяснилось, что любят путешествовать птицы, которых обычно считали домоседками; так, в районы Подмосковья прилетали синицы из Чехословакии и Голландии.

Кольцевание помогло внести поправки в существующие представления о продолжительности жизни многих птиц.

Свои путешествия птицы подчас начинают с «раннего детства» и пролетают огромные расстояния. Моloденьких, четырех-пятимесячных птенцов цапель в сентябре — октябре встречали в Африке, на их лапках были наши кольца, надетые в Дарвинском заповеднике в июне.

...Осень. Тянутся косяки птиц к зимовкам, и на сотнях лапок блестят колечки, надетые в 1953 году.

Р. ЛИХАЧЕВА

Через сто лет

В родной стихии! Бобр плывет по реке Янсаевке.
Фото В. Михайлова.

В Свердловской области снова появились бобры. Их не было здесь лет сто: этот ценный зверек хищнически уничтожили.

Работники Свердловского областного отдела охотничьего хозяйства для выпуска на развод бобра избрали бассейн реки Туры с ее притоками. Здесь глухо, спокойно. Вдоль берегов растет много осины и ивы, кору которых бобры охотно едят. По берегам густые заросли смородины, различных кустарников.

Из Воронежского заповедника сюда привезли 21 бобра. Зверьки совершили путь по железной дороге до станции Туринск, затем — на машинах по тайге до последнего селения, дальше — на лошадях к верховьям притока Туры — Янсаевки.

Нелегкая это дорога для пушистых путешественников; к тому же стояла жара, которую они плохо переносят. Бобров приходилось в вагоне купать и поливать холодной водой пол, на котором стояли клетки. На машине и лошадях двигались только ночью, а днем на стоянках клетки покрывали ветвями, смоченными водой.

Путешествие длилось около двух недель. Каждый зверь еще в заповеднике был окольцован. На правое ухо самцу, а на левое самке были повешены «сережки» — бирки из алюминия с номером.

Бобры быстро освоились и прижились на новых местах.

Н. РОЗИНА

ИЗ ПОЧТЫ «ОГОНЬКА»

ДЕНЬГИ... ИЗ КОЖИ

Дензнаки, боны, облигации, векселя, чеки — свыше шести тысяч образцов различных денежных документов из Германии, Польши, Чехословакии, Франции, Китая, Монголии, США, Японии, стран Латинской Америки, Африки и Австралии собрал камчатский коллекционер А. М. Плотников.

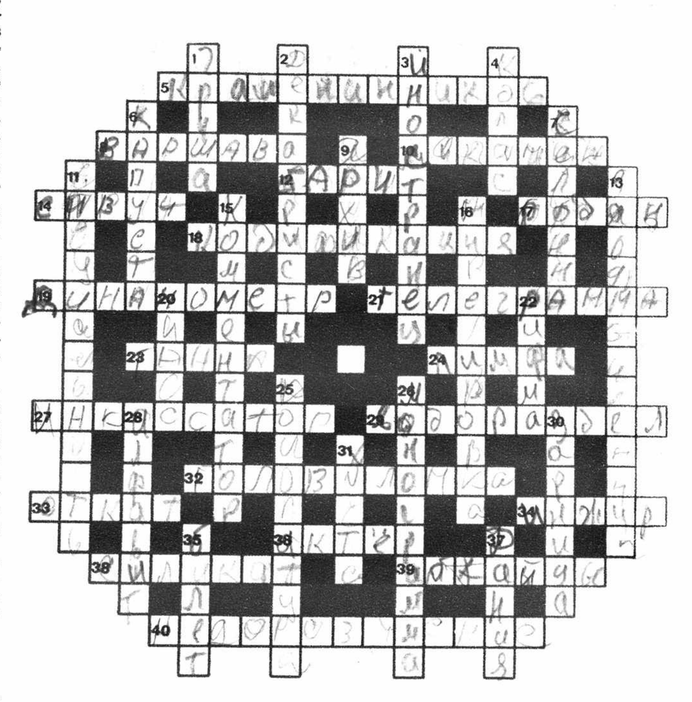
В коллекции есть редкие образцы: польские злотые времен восстания 1794 года, ассигнации, выпущенные в годы французской революции (1789—1794 гг.), австро-венгерские крейцеры чеканки 1860 года, 25-копеечные марки Русско-американской компании для Аляски, деньги сибирских партизан, сделанные из оленьей кожи...

Самый большой раздел коллекции — деньги дореволюционной России и России времен гражданской войны. Деньги на цветной оберточной бумаге, на картоне, на шелке, ситце. Деньги, выпущенные различными «правительствами» — ставленниками Антанты,— акционерными обществами, городами, общинами, фирмами, магазинами...

Л. ДАНИЛОВ

г. Петропавловск-Камчатский.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Русский ученый, исследователь Камчатки. 8. Столица народной республики. 10. Греческий остров. 12. Минерал. 14. Морское животное. 17. Металл. 18. Систематизация и объединение законов. 19. Прибор для измерения величины силы. 21. Вид передачи, сообщение. 23. Персонаж из повести Н. В. Гоголя «Майская ночь, или утопленница». 24. Бесцветная жидкость в живых организмах. 27. Финансовая специальность. 29. Местность между бассейнами рек. 32. Род задачи. 33. Движение ствола орудия после выстрела. 34. Винная ягода. 36. Персонаж пьесы А. М. Горького «На дне». 38. Название минералов, в состав которых входит кремнезем. 39. Тюркоязычные племена, живущие в СССР. 40. Ошибочное, неполное понимание.

По вертикали:

1. Фруктовое дерево. 2. Опера Ю. Шапорина. 3. Подданный чужой страны. 4. Народный поэт Белоруссии. 6. Огородный овощ. 7. Определенный порядок. 9. Учреждение. 11. Профессия. 13. Рассказ А. П. Чехова. 15. Толкователь. 16. Определение разности высот точек земной поверхности. 20. Город в Челябинской области. 22. Созвучие в литературном произведении. 25. Украшение вокальной партии трелями, руладами. 26. Вязь из букв. 28. Совокупность букв в письменности. 30. Отблеск дальней грозы. 31. Курорт в районе Сочи. 35. Вид документа. 37. Государство в Европе.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 42

По горизонтали:

1. Бронза. 3. Эпилог. 6. «Бухара». 8. Жиздра. 10. Каноэ. 12. Казус. 13. Кума. 14. Экспедиция. 17. Фантастика. 19. Зубр. 20. Пьеса. 22. Ампир. 26. Осанка. 27. Премия. 28. Сверло. 29. Клюшка.

По вертикали:

1. Бобр. 2. Зерно. 4. Плица. 5. Граб. 7. Хуанхэ. 9. Друзья. 11. Экспертиза. 12. Карикатура. 15. Кета. 16. Ирак. 17. Фольга. 18. Атеизм. 21. Сокол. 23. Марал. 24. Бокс. 25. Мята.

В этом номере на вкладках: репродукции картин Г. Хиппиуса «Эстонская молодуха», О. Гофмана «Побережье Эстонии» и «Лесовоз», А. Бохмана «Эстонский большак», И. Келера «Имение Мшатка с байдарскими воротами», А. Шлатера «Ворота старого Таллина» и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

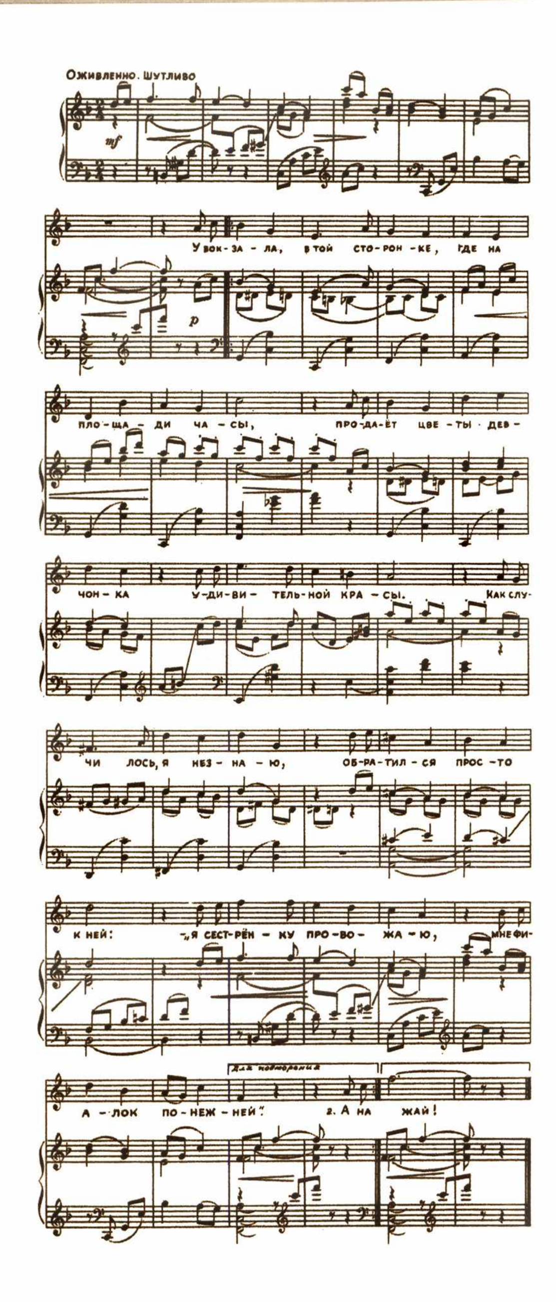
Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление Л. Шумана.

А 04149. Подп. к печ. 20/X 1953 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 550 000. Изд. № 798. Заказ № 2493. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

У цветочного киоска

Слова А. Смольникова.

Музыка В. Волкова.

1. У вокзала, в той сторонке,
   Где на площади часы,
   Продает цветы девчонка
   Удивительной красы.
   Как случилось, я не знаю,
   Обратился просто к ней:
   «Я сестренку провожаю,
   Мне фиалок понежней».
2. А назавтра — вновь страданье,
   Не придумал я, как быть.
   И пришлось из-за свиданья
   Брата... тоже проводить.
   И идет за встречей встреча,
   Все трудней день ото дня.
   А родные каждый вечер
   Так и едут от меня!
3. И взяла меня досада:
   Я ходил, ходил, ходил.
   Двух сестер, трех братьев, дядю,
   Маму с папой проводил.
   А сегодня у киоска
   С ней встречаюсь невзначай —
   У нее такие косы...
   Хоть весь город провожай!

ЦВЕТЫ

Цена 3 руб.

